

Моя Вильма

Близки противного.

Наследие

12+

Тея Виллер

Блики прошлого. Наследие

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Виллер Т.

Блики прошлого. Наследие / Т. Виллер — «ЛитРес: Самиздат», 2020

История полуразрушенной усадьбы корнями уходит в прошлое более чем на 200 лет назад и становится известна только благодаря новой её хозяйке Дее Мальвиль, а также руководителю бригады, занимающейся восстановительными работами, Глебу Горчевскому, как выяснится позже, потомку бывших владельцев... Высшие силы будут сопровождать пару от начала истории и до конца....

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	21
Глава 3	39
Глава 4	67
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Тея Виллер

Блики прошлого. Наследие

Истину нельзя рассказать так, чтобы ее поняли; надо, чтобы в нее поверили. В. Блейк

Глава 1

*Событие зрит и безумный.
Гомер*

Мерный стук колес... За окном один пейзаж сменял другой. Все дальше и дальше скорый поезд уносил Дею Мальвиль от тех мест, куда все быстрее и быстрее возвращали ее мысли... Воспоминания... Совсем недавние волнительные события...

Сильным течением холодных вод, Ардыгель, некогда полноводная и глубокая, омывала живописные берега возле деревушки под названием Еланька. Огибая небольшое старое поселение, словно ожерельем украшая грудь старушки, за спиной которой виднелся густой лес, исчезала Ардыгель далеко за пределами видимости. Разбросанные то тут, то там, покосившиеся, заброшенные избы, добротные и несовременные дома Еланьки, стояли, как напоминание о скоротечности времени, на фоне совсем новых, светившихся полноценной жизнью строений, не соперничая, но дополняя отлогий склон вероятностей и кучи измышлений. В деревне уже давно шел спор о происхождении названия, только к единому мнению жители прийти никак не могут, потому-то по сей день остается маленький шанс в пользу одной из двух версий, выдвинутой жителями. Спорить на этот счет, вообще, кажется, делом бесполезным, так же, как говорить о возрасте. Необходимое подтверждение или хотя бы незначительный намек, дало бы возможность предполагать, размышлять, придумывать. Пожалуй, только Еланька могла бы прекратить все споры, заговори она:

Я люблю вас, люди-человеки,
и стремленье к счастью вам прощу.
Я теперь счастливым стал на веки,
потому что счастья не ищу¹
Да только, кто же её слушает...

Большая часть населения склоняется к тому, что деревушке более семисот лет. Якобы, существовала книга, написанная старцем Ёсей, где об этом сказано. Старец, дескать, умел отвлечь от житейских невзгод, а через описание жизни деревушки в стародавние времена, которая не раз прерывалась захватническими войнами татаро-монгол, следовавшими за тем эпидемиями и неурожаями, способности, естественным образом, отвели ему место в центре внимания. Память об авторе и летописном труде о былом, люди сохранили, но воочию историческое произведение никто не видел. Вразумительного объяснения на этот счет не нашлось: одни говорили, что книга утеряна, другие – что сгорела при последнем пожаре Еланьки. Но все сходились в одном – старец рассказывал об образовании поселения и разъяснял происхождение названия. Елан – на тюркских языках значит «змея», которое одно из тюрко-монголь-

¹ Евгений Александрович Евтушенко (фамилия при рождении – Гангнус, 18.07.1932 [по паспорту – 1933], Зима; по другим данным – Нижнеудинск, Иркутская область; -01.04.2017, Талса, Оклахома, США) – русский поэт. Получил известность также как прозаик, режиссёр, сценарист, публицист, чтец-оратор и актёр. Был номинирован на Нобелевскую премию по литературе.

ских племен имело не только в качестве своего тотема, но и самоназвания. Однако образ змея не был воплощением недоброго начала. Более того, как властелин нижнего мира, он считался символом мудрости, символом земли и плодородия. Заселенная луговая равнина, пригодная для пастбищ – как результат пребывания кочевников, а название – обозначение своего поселения и отличие его от мест, заселенных соседними племенами или родами. Однако стоит обратить внимание на окружающую природу – холмы, близ поселения, поросшие деревьями и кустарником. Их расположение, словно намек на очерченную границу территории, и она была значительно больше нынешней. В действительности же, скрывалась ли под ними славная история Еланьки или же там находились руины древнего города, по значимости, равным древнему Танаису², или же захоронения средневековых воинов, именитого монгольского хана, или оно представляло собой место проведения ритуалов, посвященных языческим богам – неизвестно. Как правило, чтобы усомниться – многого не нужно. Напротив, подтверждение же требует весомых аргументов. Найденные в окрестностях Еланьки артефакты – несколько наконечников для стрел – недостаточный довод для начала хлопотного и затратного дела, как археологические раскопки. Так что, значения данным осколкам истории не придали, посчитав, что на территории любого населенного пункта страны, подобное можно найти не сильно утруждаясь, и такой находкой вряд ли кого удивит. Нередко факты, которые, приобретают облик чистой монеты, при ближайшем рассмотрении, становятся тусклыми и неопределенными. Возможно, подобное утверждение, для другой части населения, и послужило поводом уверовать в то, что деревушка получила свое название из-за заболоченной местности, которая начиналась сразу за холмами. Стоило углубиться чуть внутрь, и можно было оказаться на краю болота, куда местные ходили за клюквой. Смельчаки, по знакомым только им тропам, доходили до середины, где находилась топь. Из всех кладовых природы, только болото является ее летописцем, только оно окутано великим множеством тайн. Несмотря на то, что оно покорно предоставляет на обозрение людей сохраненное торфом в первозданном виде, по-прежнему, исследовательской братией обходится стороной. Не многие изъявляют желание заглянуть в эту кладовую. А уж стоит болоту прикрыться белесой дымкой, едва потянет промозглой сыростью, и болотная мистика приводит в движение свои ужасающие планы. Она уверенно вторгается в реальную жизнь. Испокон веков, людской страх перед неведомым, населял болотистые места сверхъестественными созданиями. Как известно, у страха глаза велики, а это чувство заставляет видеть многое в особо изошренном фантастическом свете. Вот и жители сказывали, что много раз видели существ, не похожих на человеческие создания. Кое-кто даже предположил, что на этом болоте, скорее всего, находится одна из 96 копий «Некрономикона» – редчайшего рукописного свода о колдовстве, известного с XIII века, в русской ее версии, охраняемый ужасным существом. А как иначе объяснить головокружение, необычный звон в ушах, когда очутишься посреди топи?! На желание бежать, ноги не реагируют, перестают слушаться, делаются ватными. Некоторые заядлые ягодники, в особенности охотники, старались скорее остратки ради, добавить черного юмора: «Человек, как парализованный. Болотная вязь сковывает. И вот, ты уже не можешь двигаться, все члены немеют потихоньку, и словно со стороны наблюдаешь за недалёкой своей кончиной. Но... Есть время, чтобы съесть конфетку, до того, как через несколько минут, кто знает, а может и суток, ведь кому, как повезет, легкие начнут заполняться болотной жидкостью». Были случаи, когда ушедшие на болото не возвращались, но население это не останавливало.

Так или иначе, только рассудить спорщиков о происхождении названия деревушки, никто не взялся.

Пусть участие воинствующих кочевников в жизни деревушки им только приписывается, а история Еланьки – это всего лишь миф и выявить свидетелей, которые могли бы ее либо

² Танаис – раскопанный 150 лет назад древний греческий город в 30 км от Ростова на Дону.

подтвердить, либо опровергнуть, увы, уже невозможно, за неимением таковых, история у деревушки была, даже если она призрачная и довольно ненадежная. Отыщись хотя бы один факт, в пользу утверждения, что Еланька, в действительности, бывшее укрепленное сельское поселение, образовывавшее иерархическую пирамиду, вершину которой венчал стольный град – центр независимого княжения, то это бы объяснило, неожиданное обнаружение исторического места – Старая Шуйца, что в нескольких километрах к северу от деревушки. Оказалось, данная древняя сто лица представляла собой маленькое, но очень богатое удельное княжество, сведения о котором исторические источники не содержат, но было еще одним маленьким государством, которое родилось и умерло, в то время, когда такие как оно исчезали незаметно. Сама же находка не что иное, как очередное доказательство скрытого под толщей земли несметного количества секретов... Городище носило древнее название левой руки, и тем самым наталкивало археологов на предположение о существовании Десницы – правой руки, но подтверждений тому пока не находилось. Как говорят сами специалисты – это всего лишь дело времени. Ученым удалось установить, что город был сожжен и скорей всего, после взятия и разграбления, осталось узнать кем и когда. Только вот, похоже, жизнь к нему больше не вернулась. Он не смог возродиться, как и некоторые разрушенные города и села после набегов татаро-монгол. Поправ сам факт неизвестности древнего местечка, охотники за кладами и артефактами, отправились на промысел – добывать неповторимые средневековые вещицы, оставшиеся на пепелище города. Старая Шуйца получило свою известность, после того, как в атмосфере безнаказанности, грабители присвоили, по меньшей мере, два клада, при извлечении которых, культурный слой был варварски разрушен на существенном участке городища.

– Кого-то притягивает история, а кого-то, все, что от нее остается, – сказала тогда Дея отцу, пробегая глазами статью в журнале. Они много и часто вдвоем обсуждала публикации об успехах археологов, и ее крайне возмущало, что из-за алчности современных купцов-барыг, безразличных к истории собственной страны, уникальные исторические артефакты исчезают меж лавок черного рынка, а вместе с ними и часть бесценной информации о прошлом пропадает со страниц истории, словно ее там никогда и не было.

Всецело благодаря той статье, отец Деи – Николай Романович Мальвиль – узнал и про деревню, и про усадьбу богатого купца Самойлы Кирияновича, и, как-то само собой решил, что он должен его приобрести. Как решил, так и сделал. Разумеется, о покупке недвижимости дочери не сказал ни слова. Захотелось порадовать единственное дитя, а сюрпризы о себе не кричат.

Николай Романович встречался со многими людьми Еланьки, подолгу беседовал с ними, пытаясь собрать, как можно больше информации и подробностей об усадьбе, его обитателях, их жизни. Чем больше он узнавал, тем количество вопросов увеличивалось в арифметической прогрессии. Жители же поговаривали, будто нечисто в особняке. Давно это, дескать, было: страшная трагедия вторглась в недра семьи хозяина и унесла, в одночасье, жизнь всех членов. Будто причастен к этой истории какой-то убогий, да будто дух его все еще витает там, иногда являясь местным. В действительности же, никто не знал, что именно там произошло – вымысел ли это деревенских, то ли домыслы случайных постояльцев и прохожих, но так или иначе, история эта сохранилась, более того, приобрела всевозможные краски. Разговоров вокруг усадьбы было множество, вот только пользы никакой – основательно поселиться так никто не решался. Местные жители старались обходить стороной. Любопытные дальше ворот не проходили. Время от времени бывали заезжие цыгане. Бродяги – мимоходом. Но более – никого.

Добротная, некогда роскошная изнутри, усадьба стояла метрах в двухстах от деревни, и центральные ворота были направлены в сторону ее окраины. Построенная на совесть, она все еще была крепка: обожженные кирпичи и штукатурка до сих пор местами прочно держались. В целом же двухэтажный особняк был в ужасающем состоянии. Следы разрушения вид-

нелись там и тут: окна смотрели пустыми, пугающими, своей беспросветностью и плотностью темноты, впадинами; двери, сорванные с петель, болтались и скрипели от малейшего дуновения ветра, да так, словно кто-то большой и страшный скрежетал во сне железными зубами. Местами, в обвалившиеся участки крыши, в солнечную погоду, просматривалось чистое голубое небо. В дождливую погоду, внутрь проникал дождь, словно хотел освободить его душу от многовекового налета грязи и полечить раны. Так усадьба и стояла, пугая своим видом. Зброшенная, одинокая в своем несчастье, скрывая истинные размеры трагедии, привлекая к себе внимание и возбуждая любопытство храбрецов. Казалось, она тихо умирает с надеждой на чудо...

И только окружающая природа не хотела замечать это чудовище.

Высокими и низкими кустарниками она бережно и пышно окружала особняк, словно пыталась сохранить его, защитить, проявить свое сердечное участие в его, все еще тлеющей, какой-никакой жизни. Заслоняла его поистине роскошным парком с многовековыми дубами, кленом, ясенем и небольшим чистым и беззаботным родничком посередине. Вытекал он из-под груды каменных глыб и исчезал далеко за пределами парка, который в свое время был окружен кованой изгородью, но сейчас, изредка – то там, то сям – попадались только ее останки. Парк окружал густой лес. Границы между дикой природой и территорией с буйством зеленого насаждения при усадьбе давно уже стерлись. В настоящее время уже трудно было сказать, где заканчивался парк и начинался лес.

Николай Романович, впервые увидев роскошь парковой зоны, принял решение – немедленно начать восстановительные работы. Жители только обрадовались, хотя поначалу относились с осторожностью и недоверием. Кто же его знает, что это за птица?! Когда же стали прибывать рабочие, техника, стройматериалы и все необходимое оборудование, отношение заметно изменилось в положительную сторону. С того момента не прошло трех месяцев. Основательный подход к делу, нового хозяина усадьбы, не только успокоило население, но и дало надежду. Люди прекрасно осознавали, что восстановление дома Кирияновича – это не только самоцель хозяина, но и дополнительные рабочие места для них, пусть даже не для всех. Мальвиль нравился жителям своей открытостью, простотой общения. Многие предложили помощь сразу, и это было взаимовыгодным сотрудничеством, говоря языком политиков. Они видели, как он умело руководил и насколько высок был его профессионализм в деле. Никто перед ним не заискивал, но все относились почтительно. Народ веселила фраза, которую Николай Романович постоянно повторял, глядя на природу окружающую усадьбу: «Такую красоту должна дополнять только красота!» Они видели, с каким умилением на лице, Николай Романович обходил территорию усадьбы, с какой любовью смотрел на вековые деревья. Он подолгу стоял на ступенях парадной лестницы, и по-детски наивная улыбка играла на его лице. Новый хозяин пристально вглядывался в стены, окна полуразрушенного здания, живописуя в голове, всевозможные картинки будущего интерьера воскрешенного дома. Николай Романович понимал, что процесс намечается довольно длительный и трудоемкий. Всем существом своим он очень был доволен приобретением и поглощен новой работой. Возрождение усадьбы – перемены в жизни всей деревушки и не только...

Но так ли оно в действительности???

Или это был единственный способ отвлечься от тяготивших его, скрытых от постороннего глаза, мыслей...

Николай Романович был генеральным директором крупной компании, имевшей офисы в нескольких городах, занимавшейся строительством и ремонтом по всей России. Человек деятельный и активный, для своих шестидесяти четырех лет, не знал усталости и покоя. Его постоянные перелеты очень беспокоили Дею. Ей казалось, что отец совсем себя не бережет и не оставляет практически времени для отдыха. «В самолете достаточно времени для передышки», – говорил, шутя, он дочери. На что Дея только вздыхала: «Ты – небожитель...». При-

рода его создала тем редким экземпляром, в ком сочетались противоположности – то холодное и теплое, то мягкое и жесткое – но никогда агрессивное и пассивное. Господин Мальвиль любил задачи повышенной степени сложности, как любил выражаться он, и при этом добавлял: «Голова моя отдыхает, когда решаю задачки с хитрецей». О жене, матери Деи, он не говорил. Кармине было восемнадцать, когда она вышла замуж за Мальвиля. К моменту встречи с будущей женой, Николай Романович уже был достаточно известным, в своих кругах, человеком. Имел приличное состояние и обеспечен жильем – четырехкомнатной квартирой в старинном доме Санкт-Петербурга. Что двигало Карминой – понять несложно. Николай Романович же, в свою очередь, не искал обладательницу для своего сердца. Она встретила его тогда, когда он все чаще и чаще задумывался о создании семьи. Кармина не была наделена какими-либо особенными талантами и способностями, но поддержать в доме уют и чистоту она умела. Иногда устраивала романтические вечера, дабы разнообразить серость будней. Встречи с друзьями семьи были редкие. Корпоративные посиделки Кармина не очень любила. В ней всегда присутствовала потребность доминировать всегда и везде, и вне зависимости от того, оправдано ли такое стремление в конкретных ситуациях. Знающие ее давно – прощали, кто не был знаком – уходили и больше не возвращались в круг ее знакомых. Николай Романович никогда не сердился на проявления этой черты характера. Он только мягко целовал ее в темечко и спокойно, улыбаясь, говорил: «Это тебе чертик в ушки нашептал!» Со стороны мужа, она вниманием обделена не была: несколько раз в год путешествовала по миру, по стране, для нее – лучшие магазины и рестораны. Если Кармина отдыхала от путешествий дома, цветы Николай Романович дарил ей каждый день. В целом, без интриг и споров, они мирно сосуществовали друг с другом. За годы совместной жизни в его сердце не возникло сильного чувства, от которого бабочки летают в животе. Даже рождение дочери ничего не изменило в их отношении, разве что, Николай Романович пребывал в состоянии бесконечного счастья. И хотя теплом и вниманием он также не был обижен, со временем, кроме привычки, и вовсе ничего не осталось. Мальвиль из тех мужчин, что не меняют женщин, как перчатки. Заинтересованности к другим особам противоположного пола он не выказывал. Уверенный в устойчивости своего быта, вносить в него серьезные коррективы Николай Романович не намеревался, а потому, уважая жену и стараясь исполнять все её прихоти, не заметил, как Кармина постепенно стала тяготиться таким существованием. Возраст же её подходил к тому рубежу, когда голова ясно оценивает ситуацию и заставляет по-иному воспринимать окружающий мир. Только сейчас она начинала чувствовать какой-то дискомфорт. Не могла понять, чего же именно ей недостает. Кармина все чаще и чаще задумывалась о переменах в собственной жизни. Наблюдая за дочерью и мужем, она начинала постигать движение внутри себя – в ней просыпается ревность к их отношению. Оказывается, Кармина обделена единственным чувством, которое толкает людей на подвиги, движет их честолюбивые помыслы. Любовь, то единственное, неповторимое чувство, окрыляющее и необходимое женщине так же, как воздух, она не получила от супруга. Он всецело отдал её Дее, которая в свою очередь боготворила отца. Если на кого могла обижаться Кармина, то только на саму себя, а этого она, как раз, сделать была не в силах, поскольку, пришлось бы признавать, как подолгу путешествуя по миру и стране, даже мысли не допускала, что двое, которых она регулярно оставляет дома, хотели бы видеть её гораздо чаще, чем она бывает.

Она приняла решение...

Прошло восемь лет, как Кармина бросила мужа, увлекшись более молодым его партнером. Она перевернула прошлые страницы своей жизни, создав новую семью.

Олесь Хмельнов, был чуть ниже ростом Мальвиля, но, что греха таить, стройнее, подтянутее. Не знай, Николай Романович его много лет, как высококлассного специалиста, человека, воспитанного в лучших традициях благородных семей, не способного на пройдошливую ложь, в красном плаще лицемерия, он не был бы спокоен за ту, с кем прожил немало лет. Вот и тогда, когда Кармина сделала свой выбор в пользу Хмельнова, Николай Романович не изме-

нил к нему своего отношения. Олесь же пришел к нему, как-то вечером и предложил поговорить. За рюмочкой хорошего коньяка, беседуя о делах, Олесь никак не мог перейти к другой и самой трудной части разговора, которая была для него сейчас наиважнейшей. Николай Романович, со своей стороны, видя это, не мог помочь сделать плавный переход, так как не знал, о чем пойдет речь. Наконец, после затянувшейся паузы, Олесь набрался храбрости и выпалил на одном дыхании:

– Николай Романович, прости меня, но твоя супруга Кармина ушла ко мне. Я хотел сказать раньше о наших отношениях, но Кармина просила подождать и не торопиться. Если ты не захочешь в дальнейшем иметь со мной деловые отношения, я пойму.

Чего угодно мог ожидать Мальвиль, но, ни того, что слышали его уши сейчас. Он догадывался о происходящих переменах в жизни супруги, и не спрашивал, считая – «...некрасиво интересоваться о том, во что тебя не посвящают». Это был коварный предательский удар ниже пояса. Ни один мускул не дрогнул на лице Николая Романовича. Он лишь пристально посмотрел на своего партнера и грустно опустил взгляд.

– Позволяя заботиться о себе, она ничего не сделала, чтобы полюбить или ответить взаимностью на похожее чувство.... Не захотела приложить ни малейшего усилия... – только глухо сказал он и, прикрыв рукой глаза, замолчал. Глубокие морщины проложили свои борозды на его широком, слегка выпуклом лбу.

Хмельнов, смотрел, как печаль невидимым греховным грузом навалилась на плечи Мальвиля, плечи его опустились. Он сник, в мгновение ока, превратившись в старика.... Была ли это скорбь об утрате счастливой семейной жизни или вселенское горе по близкому человеку, который оставил его так и не сумев постигнуть, непонятых им самим, чувств... Тяжелое, неожиданное событие, в одночасье превратившее жизнь Николая Романовича в большую трагедию, вынуждало его шарить по уголкам памяти в определении причин разрушения, как он считал, настоящей идиллии. Но поиски не давали ожидаемого результата, лишь провоцируя новые вопросы без ответов. Он был слишком взрослым человеком, чтобы не понимать – разрушитель он сам. Это он управляет даже тем, как сейчас воспринимает случившееся. В нынешнем его состоянии, не тяготясь отношением окружения, постепенно отдаляется от того, кто был роднее всех. Причина кроется внутри. «Я и только я виноват в приключившемся... – говорил Мальвиль сам с собой и через минуту сотрясал воздух: – Боже! Как она могла?! Нет.... Винить Кармину... в наших бедах.... Не поддамся типичной психологии неудачника! Нет! Даже если она трижды виновата...» Печаль, способная опьянять, как вино, как наркотик, завладевала им. Николай Романович чувствовал, как погружается в зыбучие пески страдания и медленно двигается к саморазрушению. Он знал, как трудно ему будет выбраться из переживаний, из её цепких рук. Ничто так не ударяет в голову, как коньяк самоедства и печали. Вообще, любую вещь делает плохой или хорошей наше собственное к ней отношение³

Мальвиль, медленно, поднял усталый взгляд на партнера... Молод, приятен, умен – одни плюсы по сравнению с ним. Он не спешил заговорить, Хмельнов же не вмешивался в ход его мыслей. В его голове крутились строки:

Взвесив однажды печаль, мы поймем неизбежность:

Надо теперь перемерить и все остальное –
Душу мятежную, сердце, любовью больное,
или щемящую, теплую, вечную нежность...

Чем измеряется грусть или сила печали?

вы на такие вопросы уже отвечали⁴

³ Священник Павел Гумеров, 26.03.2009 г. Часть 9. Печаль, Восемь смертных грехов и борьба с ними.

⁴ А. Якимов, Мера печали.

Олесь смотрел на партнера, на того, с кем прошел немало трудностей становления бизнеса и испытывал такое болезненное сочувствие, что предательская влага заполнила глаза. Но сделать Хмельнов ничего не мог – он любил Кармину без памяти, самозабвенно. Она же была счастлива им...

– Насильно мил не будешь... – немного помедлив, тихо произнес пожилой, брошенный мужчина, но затем, гордо приподнял голову и уже твердо добавил: – Не имеет смысла борьба за того, кто тебя не любит, и поэтому не хочу противиться ее желанию... Как бы мне не хотелось, чтобы этого не произошло, то, что случилось, исправить невозможно...

Его голос, всегда уверенный, узнаваемо интеллигентный, ярко вибрировавший в пространстве и времени, теперь шелестел сухой осенней листвой, приглушенно и болезненно.

– Олесь, дело не должно пострадать. А я, как руководитель, в ответе за тех, кто работает в организации.

Никаких сцен супруге и партнеру. Это взрослое решение двух людей и на их взаимоотношения он не мог повлиять. Николай Романович был признателен Олесю за честность. Но Кармина... как могла она пренебречь даже собственной дочерью?

Серьезный, сильный, постоянный в своей позиции, он не изменил личным принципам даже после расставания с Карминой. Окружающие особых перемен так же не отметили: с сотрудниками – требователен, но корректен, с партнерами – порядочен и мудр, с друзьями – встречаясь на общих мероприятиях, доброжелателен и оживлен. Неспособный на предательство, Мальвиль сильно переживал. Один вопрос, для взрослого мужчины, остался без ответа – как такое в их жизни могло произойти? Оправдывать поступок жены – особенного желания не возникало. Своего страдания старался не показывать Дею, не хотел крушить образ отца – сильного мужчины и волевого человека. Его заботило только, как она отнесется к развалу их семьи. Облегчением стало, когда дочь его поддержала, подбодрила слегка павший дух своим правильным замечанием.

– Нельзя рядом с собой удержать того, кто может быть счастлив без тебя, – тихо сказала Дея, как-то вечером. Николай Романович в тот момент, обнял ее и подумал, что добавить больше нечего. Дея осталась с отцом. Каких-либо предложений от матери не поступало, да и в последующие годы тоже, так что выбор делать ей не пришлось. Отношение дочери к поступку матери было взрослое – не осуждающее, несмотря на грусть расставания. «Возможно, у мамы были свои тайные причины...» – оправдывала мать про себя Дею. Контакта, с новой семьей Кармины, дочь не поддерживала, лишь изредка общалась с ней по телефону, когда та звонила сама. Мать к себе Дею не приглашала, и за все это время виделась с ней только на рождество и то, в последние три года. Отношение Кармины к двум самым близким было таковым, будто она мстила за теплое их взаимоотношение друг с другом. Николай Романович, мог понять всё, кроме отталкивания Карминой собственной дочери, но видя, что Дея спокойна, без всякой злобы и печали проводит день за днем, погруженная в свои дела и интересы, успокоился. Он с головой ушел в обожаемую работу, а, как известно, чтобы выйти из удрученного состояния и депрессии, занятие любимым делом – лучшее лекарство. Единственным напоминанием о его прежней, безмятежной жизни, ушедшей безвозвратно, был Хмельнов. Лишь однажды, случайно, увидев его в кабинете отца Дея, потом спросит:

– Как ты можешь с ним находить общий язык, после того, что произошло? Как?!

– Я расскажу тебе притчу, – не без грустной улыбки, пробежавшей по его лицу, мягко сказал Николай Романович. – Умирал старый лавочник. В предсмертном бреде, лавочник интересуется, кто из членов семьи, где находится. Оказалось, что вся семья собралась у его постели. «А кто же остался в лавке?» – спросил старик. Отсюда вывод напрашивается сам собой – думайте о деле, а не о бренном теле!

– Ты мудрый человек, папа, – улыбнулась Дея, поцеловав его в лоб.

И хотя Дея, в душе, жалела отца, решила, что может именно сейчас ему хочется больше всего побыть одному, и уехала в Самару, где устроилась работать в небольшую торговую фирму секретарем директора. Когда отец позвал ее обратно, она не сразу решила вернуться. «Дея, у тебя прекрасное образование, ты справишься с любым поручением. Лучше приезжай ко мне. Свой человек мне всегда нужен рядом», – пробовал уговорить ее отец, но Дея вдруг захотелось почувствовать, как человек может ощущать себя одиноким, что он может переживать в таком состоянии, какие мысли движут им – такой маленький эксперимент с собственной жизнью. «Я уехала из Москвы, не для того, чтобы лишиться родительской заботы, а, чтобы попробовать свои силы и посмотреть, справлюсь я со всем сама или нет, без сторонней помощи», – ответила Дея, но вскоре пожалела об этом. Ей показалось, что несправедливо отнеслась к самому родному человеку, оставив его в тот момент, когда он, возможно, больше всего нуждался в ней. Более уже не раздумывая, немедленно вернулась. Эксперимент со своей жизнью закончился, едва начавшись, и как, оказалось весьма своевременно. Еще в то время, когда они жили полной семьей и были счастливы, Николай Романович подумывал о постройке собственного дома, и даже начал было приводить свой план в действие – подыскивать земельный участок, даже нашел хорошего архитектора, но так и не закончил начатое. Впоследствии, он корил себя за то, что вероятно, это помогло бы или поспособствовало сохранению брака, но, как говорится – из песни слов не выкинешь – получилось то, что получилось.

Когда же Николай Романович остался вдвоем с дочерью, его посетила замечательная мысль – внести свою лепту в сохранение памятников архитектуры, и спасти хотя бы один из них, пусть даже он будет его собственностью. По сути, идейным вдохновителем была именно Дея, сама того не зная. Подала гениальную мысль через любовь к статьям об архитектуре прошлых столетий, а при случае, стараясь тщательнее изучить древний памятник.

Выбор на усадьбу Кирияновича пал совершенно случайно. Произошло это, когда в руках Деи оказался журнал, и полная информация об имении. Николай Романовича осенила мысль, что сделает дочери подарок – привезёт ее уже в преображенный, наполненный жизнью, дышащий своей роскошью и богатством, дом. Как оказалось, в тот момент, когда его планы вот-вот должны были реализоваться, они-то как раз расстроились. Глава семейства не успевал одновременно оказаться в двух местах, и был вынужден просить помощи у дочери. Таким образом, секрет перестал быть секретом. Бразды правления по восстановлению особняка, переходили в руки Деи, что в свою очередь привело ее в неопишуемый восторг с одной стороны, с другой – приятно удивило, с третьей – рушило все ее представления об уютном доме и наконец, открыло истинную причину приобретения. Николай Романович не раз сетовал по этому поводу:

– Хотелось угодить дочери, сделать запоминающийся подарок, и – ничего не получилось!

– Папа, как ты можешь так говорить! О таком подарке только мечтать!! Это же так здорово! Я сама буду участвовать в его восстановлении – может ли быть подарок лучше!

– Мог бы, мог бы... Э-хе-хе... Я ведь сначала рассматривал превосходный и внушительный замок Бутрон.

– Ух, ты!! Наикрасивейшая достопримечательность Испании?! Бывшая резиденция Католических королей?!

– Да-да, и одного твоего «Ух, ты!» – там маловато будет.

– Если не ошибаюсь, его история корнями уходит в XI век. Писали, что семейство Бутронов, над своим домом надстроило средневековую обыкновенную башню. А после реконструкции в XIV веке башня превратилась в истинный замок. Дальше – почти 300 лет – в забвении. Только в XIX веке маркиз де Торресилья вновь отреставрировал его...

– Вот-вот. Сама понимаешь, не соблазниться таким великолепием, просто, нельзя. Одна история чего стоит!

– А как ты о нем узнал?

– Его выставили на продажу через аукцион за неуплату долгов. Замок, буквально, ходил по рукам. Он словно раб на невольничьем рынке. И отелом был, и всевозможные мероприятия там проводились.

– А что же наследники? Не уж то спокойно на все смотрели?

– Потомки... Потомки знатного рода Бутронов до сих пор живут в разных странах мира, но в жизни замка не участвуют. Он большой. Содержать его, средства нужны немалые. Но меня не это остановило. Для двоих он слишком велик, да и в чужой стране. У нас своих памятников архитектуры хватает, которые хозяйской руки требуют. Вот я и подумал, возьму какую-нибудь небольшую дворянскую усадьбу, восстановлю – и старину сохранию, и тебя порадую.

– Это у тебя получилось! У меня даже слов не хватает, выразить свою благодарность, папуля.

– Благодарить не за что. Одни руины, Дея. Сделано, очень мало, если не сказать, практически ничего. Я хотел не таким его представить своей дочери...

– И что с того?! Твои переживания совершенно беспочвенны! Главное – он есть! И есть возможность заставить вновь сиять печать аристократизма, – Дея весело рассмеялась, обняв и поцеловав отца в щетинистую щечку. – Когда-нибудь ты здесь полноценно отдохнешь...

– Да-да... если буду располагать временем для отдыха. Единственное утешение то, что «все это великолепии» подальше от суеты сто личной...

Когда Дея впервые увидела будущее родовое гнездо, которое и усадьбой было назвать сейчас весьма сложно – старая развалина, относительно же размеров – то с этим все в порядке, как хотел отец – большой дом, то он в ней не вызвал столь уж каких-либо отрицательных эмоций, да и не мог. Единственное, что она никак не предполагала, так это то, какими приземленными окажутся мечты отца. Дея не осуждала отца за вложение, а только улыбнулась, так как знала – ничто его не пугает в этой затее и вряд ли остановит в достижении поставленной задачи – воссоздании островка феодализма с его утраченной роскошью. Но одно понимание того, что это старина – уже вызывала в ней неопишное восхищение и внутренний трепет перед историческим прошлым.

Дочь своего отца, Дея догадывалась – причина его интереса кроется не в «старине далекой», а в тайне, окутывавшей одряхлевшую усадьбу, в недосказанности, покрывавшей ее развалины. Она предполагала, что, услышав от местных историю имения, в отце, проснулся тот азарт, который Дея так любила наблюдать в нем – подчас взрослый, серьезный мужчина загорался мальчишеской энергией и рвением, замыслив нечто, новое и грандиозное, отдавался весь свежему проекту. При всем своем математическом складе ума и прагматизме, равнодушный, к всякого рода загадкам на логику, требующего многодневного рассуждения, Николай Романович был натурой необыкновенно романтической, что, несомненно, передалось дочери. Несмотря на то, что Дея с рождения была большей частью под пристальным вниманием няни, ее ум и практичность не уступали отцовскому. Нередко в поисках решений для сложных задач ее природная интуиция и чутье оказывали неоценимую услугу в делах отца. Они прекрасно ладили меж собой и понимали друг друга с полуслова, полувзгляда. А потому его приобретение, даже если это были древние развалины, она приняла, как должное...

Поскольку жить в усадьбе пока было невозможно, Дея любезно приняла приглашение соседей, как раз на окраине деревни. Глава семейства Пучковых, приютившего ее, участвовал в восстановительных работах. Агафья и ее муж Федор жили вдвоем. Она полная женщина лет сорока пяти, выглядела чуть старше своего возраста. Голубоглазая, с пухлыми щеками Агафья напоминала одну из тех русских красавиц, о которых так часто и много писали на Руси. Ее темные волосы с прямым пробором посередине, были всегда собраны сзади в пучок. Агафья умело вела хозяйство и со всеми делами справлялась довольно шустро, заставляя удивляться Дею. «За что и люблю», – смеялся Федор. Высокий, крупного телосложения, седоволосый мужчина, с колючим взглядом непроницаемо черных глаз, вероятно, сразил наповал свою

будущую жену пышными буденовскими усами, если ради него она уехала из Мурманска, где проходил военно-морскую службу Федор Пучков. Он был настоящим крестьянином: знал толк в земле, да и хозяйство вел грамотно. Поначалу Агафья, городская девушка, тяжело привыкала к местности, но забота и внимание мужа помогли ей со временем освоиться. Так они и прожили много лет. О детях Дея не спрашивала, а Агафья не рассказывала. Но пожить долго в их доме не пришлось. В один из дождливых дней молния попала в дерево, росшее вплотную к дому. Оно загорелось. Пожар перекинулся на здание и через два часа Агафья, Федор и Дея уже смотрели на все еще дымящиеся головешки от некогда бывшего большого дома. Делать было нечего, и они втроем поселились в разрушенном особняке. Комната Деи располагалась на втором этаже, Федор и Агаша – рядом с кухней, на нижнем. От рабочих поступило сочувственное предложение – построить времянку, но Дея, как и семейство Пучковых, отказались наотрез. «Достаточно, и того, что много сил понадобится на ремонт этих комнат», – дружно заявили они. Благородный жест всех троих незамеченным не остался, получив молчаливое одобрение у населения, покорила сердца многих. Эти три комнаты, на скорую руку, привели в порядок, обеспечив какой-никакой кров над головой. Конечно же, помещения требовали такого же качественного восстановления, как и все остальное, но делать было нечего, и оставалось только принять неизбежное, как данность.

Несмотря на то, что в житейском уме существует надежда и вера в нужные события, случайность же представляется, как нечто, чего могло и не быть, этакий проказник – дезорганизатор, но при этом «верный», играющий значимую роль, ход событий. Наличие такой случайности лишь доказывает организованный подход окружающего реального мира, делающего заблаговременное планирование и расчет целесообразным. А то, применятся, и эти две категории наделят познавательным смыслом будущее. Но кто же об этом задумывается, когда предстает пред фактом свершившегося...

Через неделю каждый освоился со своей новой ролью. Федор Никифорович (Дея обращалась к нему только по имени отчеству) ночью был за сторожа, а днем, помогал бригаде рабочих. Агафья же была ей настолько близка, что величать ее по отчеству совсем не хотелось, и теперь она на правах уже экономки, не позволяла Дее заниматься чем-либо по хозяйству:

– Сама управлюсь, барышня. Мне тут помощники ни к чему. Мешаться только. Займитесь чем-нибудь интересным или вон... в лесу прогуляйтесь...

– И то, правда, пойду, пройдуся.

– Вот и хорошо... Идите, идите, а я тут стряпать буду...

– Я – до ручья и обратно, – улыбнулась Дея, в один из прекрасных солнечных дней и направилась к выходу.

– Надолго только не пропадайте...

– Агаша, пожалуйста, не обращай ко мне на «вы», мне неловко от этого.

Одарив Дею мягкой улыбкой, Пучкова продолжила свое занятие, более не обращая внимания на нее.

Хозяйку усадьбы медленно шла по парку, пока впереди не показалась груда камней.

– Чудесное место, тут и посижу...

Она опустилась на густую зеленую траву.

Природа наслаждалась летом. Глядя на серебристые нити ручья, сверкающие в солнечных лучах, молодая женщина задумалась. Раздавшийся, вдруг, треск сучьев за спиной, прервал ее мысли. Дея вздрогнула и обернулась. Лосенок... Он стоял неподалеку и удивленно рассматривал окружающий его мир, а молодая женщина, с беспокойством, смотрела на него. Неожиданная ситуация сковала конечности. Она сидела неподвижно. Дея впервые видела это дикое создание природы так близко. Не страх, а скорее неожиданность заставило ее глаза сделаться большими.

– Только не шевелитесь и не кричите, – послышался шепот, где-то совсем рядом. – Если лосиха увидит...

Прошло пару минут, прежде чем появилось высокое, сильное животное.

– Вот и мама... – прошептал все тот же голос.

Вероятно, лосиха стояла чуть поодаль, где ее скрывали густые ветви, но не настолько, чтобы выпустить ребенка с поля своего зрения. Крупное животное, неторопливым шагом, приблизилось, и встало рядом с малышом, закрывая его, почти, всем корпусом. Лосиха внимательно смотрела и прислушивалась, втягивая большими ноздрями воздух. Легкий ветерок дул в лицо Деи и уносил запах присутствия человека в другую сторону. Животные постояли еще немного, прислушиваясь к шорохам, и исчезли в темной заросли.

Дея оглянулась. Из-за высокого ствола старого ясеня вышел мужчина высокого роста, примерно сорока восьми – пятидесяти лет, подтянутый. В темно-синей бейсболке на голове он выглядел немного смешно. «Я бы его одела в гусарскую форму...» – подумала она, рассматривая джинсовую куртку, в тон – потертые джинсы и кроссовки. За широкими плечами виднелась большая красная спортивная сумка. Соприкоснувшись взглядом с женщиной, Дея почувствовала очень даже непростую личность. В нем, как-будто уживались две сути. Одна притягивала к себе, будто кутала нежностью, другая словно вытягивала всю душу против воли, а вот чего там было больше, Дее, предстояло узнать. Своими, какого-то изумрудно-болотного цвета глазами, горевшими искренностью, в то же время безбрежным океаном нежности и чувственности, обрамленными густыми длинными ресницами, из-под густых черных бровей, он пристально оглядел молодую женщину с головы до ног, и едва искривил в усмешке, плотно сжатые, чуть тонковатые губы. Тяжелый его подбородок украшала модная легкая небритость.

– Вы не из тех, кто вырос в лесу...

– Зато вы, похоже, знаток флоры и фауны.

– Уверяю, не настолько... Глеб Горчевский, – представился мужчина, обезоруживая Дею своей улыбкой и протягивая руку.

– Дея Мальвиль...

Ответный жест молодой женщины, позволил им обменяться приветствием. Она почувствовала, как ее рука утонула в большой и мягкой ладони мужчины.

– Очень рад. Меня Николай Романович прислал вам здесь помочь...

– Да-да, он предупреждал. Хотя и пытаюсь вникнуть, ...надо признаться, я мало что понимаю в строительстве, и еще меньше в восстановительных работах... Папа давно не звонил...

– Еще успеет. Встреча за встречей, с одного объекта на другой, у него даже перекусить не всегда времени хватает.

– Теперь понятно, почему его желудок побаливает. Что ж... пойдете... Представлю коллективу. Покажу фронт работы...

Некоторое время шли молча. Он сзади, она впереди.

– На каком этапе восстановление?

– Лучше сами посмотрите.... Как-либо оценивать, для дилетанта, это было бы слишком смело. Где же... вас разместить?

Дея приостановилась, заставив спутника сделать тоже.

– А где вся бригада размещена?

– Они построили временку из расчета на то количество людей, которая сейчас есть.... А местные жители приходят только утром...

– Не волнуйтесь, значит, и мне там найдется место.

– В доме готовит на всех Агафья, экономка... Что же касается стирки белья...

– Разберемся на месте.

Дея взглянула на этого достаточно самоуверенного человека. Он прошел вперед и обернулся, перехватив ее изучающий взгляд:

– Я бывший военный и для меня полевые условия привычны.

– Военную выправку не спрячешь под обычный костюм...

– В этом вы правы. Давно здесь?

– Две недели.

– Чем занимаетесь, не скучаете по городу?

– Как Вам, сказать?! Я еще не успела соскучиться.... Так резко бросается в глаза моя городская сущность?

Теперь она шла следом за ним. Он остановился.

– Очень...

Дея смерила его холодным взглядом и промолчала.

– Не сердитесь, это я так, хотел немного поговорить, чтобы определить ваш характер...

Глеб не лукавил. С тех пор, как он впервые увидел фотографию на столе босса, образ Деи не оставлял его. Она вызывала в нем неподдельный интерес. Но Горчевский очень старался не замечать маяка собственного сердца, сбивавшегося с ритма особенно сейчас, когда она так близко...

– Думаю, будет предостаточно времени для этого занятия. никоим образом не хотелось бы вас лишать такого удовольствия...

Глеб весело рассмеялся.

– А вы колючая...

Дея слегка улыбнулась. Они уже почти подошли к дому.

– Вон та постройка... – указала она на бревенчатое одноэтажное сооружение. – Это и есть местная гостиница.

– Спасибо. Я, пожалуй, сам познакомлюсь с бригадой....

Глеб, не оборачиваясь, быстрым шагом направился в сторону временки.

– Погодите, Глеб... я с вами и...

– Не волнуйтесь, – бросил, не оборачиваясь, Горчевский.

Дея остановилась. Ее взгляд был сосредоточен на уходящем мужчине. Прошло несколько минут их знакомства, а она почувствовала, как от него повеяло чем-то спокойным и притягательным... Непринужденность общения давала ощущение старой верной дружбы или, по крайней мере, давнего приятного знакомства.

– А это ещё кто, барышня?

Дея вздрогнула от неожиданности. Она не заметила, как рядом оказалась улыбающаяся Агафья.

– Это новый бригадир, будет руководить строительством здесь.

– И правильно! Какая из вас бригадирша?! Уж больно хорош собой.... Ой, глядите барышня, вскружит голову...

– Агаша, что ты такое говоришь?! – отпарировала Дея, стараясь, как можно естественней выдать смех. – Ха-ха-ха...

– Сколько с вами живу, еще не замечала, чтоб кто-то вызвал такой интерес?!

– Агаша, он новый человек. Я его совсем не знаю... – Поток её слов едва заметно замедлился. – Конечно, привлекает... внимание. Он приехал заниматься восстановлением усадьбы, так что, не будем его отвлекать от этого.

– Да, тут есть чем интересоваться, – словно не слыша её, продолжала Пучкова. – По мне так, если судить по внешности, коль уж влюбится, то не ради шутки. Похоже, что верность хранить умеет объекту воздыхания...

– Агаша...

– Ладно, ладно...

Агафья состроила такую гримасу, что Дея рассмеялась по-настоящему, обняла экономку и вместе они пошли к дому. На пороге она оглянулась, но во дворе никого уже не было.

– Ох, трудно будет, барышня... Вниманием мужчины вас и так не обделяют, а теперь, как бы отношения выяснять не принялись. Один Витек, чего стоит... Задирист больно... Он может оказаться соперником...

Дея, задумавшись, пропустила большую часть из того, что говорила экономка и, очнулась, только, когда услышала новое имя и сделала изумленные глаза. Обернулась. Агафья смотрела на нее и усмехалась. Широкая улыбка, ямочки на розовых пухлых щечках придавали ее лицу особое очарование.

– И кто это? Ты мне ничего не рассказывала о нем.

Женщины прошли на кухню, где Агафья готовила ужин для бригады.

Дея села за стол и подперла подбородок рукой.

– Что рассказывать то... Женат, а то еще выпить любит. Сколько его знаю – не просыхает по две недели, потом неделю выхаживается... потом, вроде, маленько трезвым ходит... и снова по кругу. А, ну его к лешему!

– Агаша, скажи, ты что-нибудь знаешь про этот дом или его бывших хозяев? – попыталась отвлечь мысли экономки Дея.

– А, – махнула, испачканной в муке, рукой экономка. – Кто, что говорит. Одни говорили, что тот купец не был купцом в поколении...

– Как это?

– Не потомственный...

Закончив раскатывать тесто, она поставила кастрюлю с водой на плиту. Готовила Агаша восхитительно, полностью отдаваясь этому делу, в процессе, иногда напевая или шепча молитву. Каждое свое блюдо она превращала в подлинный кулинарный шедевр. И даже такую кулинарную классику, как филе Миньон с соусом Бефстроганов – не сложно догадаться, что за велеречивым названием, коим баловали себя аристократы, кроется вкуснейшее яство – она готовила в домашних условиях ничуть не хуже, чем подают его в ресторанах. Вот и сейчас, готовя очередной шедевр, она умолкла на несколько минут, чтобы сосредоточиться, затеем, вновь вернулась к беседе.

– Он нашел какой-то камень, редкостный для этой местности, продал его... да видать, много денег получил, что смог свое дело открыть... Купцом заделался... Другие, что, мол, богатство ему от отца досталось, да он приумножил. Толком никто не знает о собственной жизни, а уж о чужой и подавно, зато предполагать, ссудить да рядить – все горазды. Бумаг не сохранилось, только пересуды.

– Агаша... Агафья, где тебя черт носит... – внезапно со двора раздался низкий приятный мужской голос, с хорошей дикцией и произношением.

– О! Нарисовался! Ну, ты, глянь, только ж вспомнила... Явилось – чудо в перьях, – проворчала экономка.

– Кто это? – удивилась Дея на реакцию Агафьи.

– Да Витек Черемнов, я только-что рассказывала тебе о нем...

– Агафья... – вновь раздался нетерпеливый голос Витька с нотками раздражения. – Что за народ – бабы! То прилипнут, как клей, то – не дозовешься!

– Да иду я, иду, – с этими словами экономка выглянула в окно. – Чего тебе?

– Мне хозяйка нужна, а не ты. Позови.

– Это еще зачем?

– Блоки и кирпичи привез...

Дея встала и направилась к выходу.

– Надо же, ходит тут, деловой, срочно... – услышала она за спиной недовольное бухтение экономки.

Под окном стоял красивый мужчина. Широкоплечий, чуть выше среднего роста, плотного телосложения. Рельеф его когда-то накачанного тела портил выдававшийся вперед живот. На фоне седых волос привлекали внимание глубоко посаженные шоколадные, сверкающие загадочностью, завораживающие и обжигающие неумной страстью, проникающие в самое сердце бархатные... глаза, утопавшие в черноте длинных ресниц, под, словно очерченными, слегка изогнутыми густыми темными бровями. Слева, над верхней губой, кокетливо вырисовывалась родинка... Глядя на него, казалось, что природа смеялась над некоторыми женщинами создавая их образ прямо противоположным этой особи мужского пола.

«Права была Агаша...» – подумала Дея, глядя, как Витек таял в улыбке, показывая белые ровные зубы. Но..., что-то настораживало в нем.

– А вы очень даже нечего... – протянул он, весело, подмигнув. – Я бы с вами закрутил романчик... У-ух, с продолжением...

Молодая хозяйка усадьбы, серьезная и немного обескураженная развязным поведением мужчины, которого она впервые лицезрела, неприятно поежилась.

– Вы за тем пришли, чтобы сообщить мне эту поразительную новость?

– Вся деревня гудит, а я еще вас не видел, – ухмыльнулся Витек, но осекся, когда понял, что на хозяйку впечатления его слова не производят. – Добро.... Там стройматериал привез. Куда разгружать?

– Во дворе, конечно...

– Не растащат?

– Сторож есть.

Витек, не мигая, пожирал Дею глазами. Такого беспардонного поведения она не могла вытерпеть.

– Некоторые сторожа...

– Это не к нам! Надеюсь, это все?

– Нет.

– Что еще?

– Вы все же не определились с местом, – старался разговором задержать женщину Черемнов.

– Под открытым небом негоже, а вдруг дождь... – вставила Агаша, появившаяся за спиной Деи.

– Ничего страшного... Можно будет временный навес соорудить...

Каких-либо серьезных решений до сих пор Деи, как хозяйке принимать не приходилось. До появления Глеба бригадой руководил плотник – Клим Маев, из местных. Она немного растерялась.

– Хотя, постойте, – Неожиданно вспомнив, что теперь у нее есть тот, на кого она смело может положиться, уверенно продолжила: – Приехал новый бригадир... Сейчас его позову... – повернулась она, и уже хотела было, спуститься вниз по лестнице, занесла уже ногу за порог, но остановилась. Взгляд привлекла движущаяся фигура. – А вот он и сам идет...

Торопливой походкой, Глеб приближался к ней.

– Это еще, что за субъект?! Ухажер, что ли?

Пренебрежительный тон, которым Витек произносил слова, понемногу стал раздражать слух Деи. Черемнов же с любопытством рассматривал подходившего мужчину.

– Это и есть новый бригадир, – сказала Агаша, улыбаясь, глядя на Горчевского.

В глазах Витька сверкнул огонек, но никто не заметил его злых языков.

– Простите, Дея... – Глеб начал издала.

– Познакомьтесь, Глеб, – опередила его Дея, когда он подошел. – Это – водитель грузовой машины – Виктор Черемнов, это – Агафья, наша кормилица.

– Всем – добрый день, – поприветствовал Горчевский и протянул руку для приветствия Виктору.

– Ну, здравствуй, Глеб, – миролюбиво ответил жестом приветствия Черемнов, в кривой усмешке. – Скажи, бригадир, куда разгружать стройматериал, а то хозяйка без тебя уже и решить не может?

Горчевский никак не отреагировал на этот выпад. Вероятно, рассчитывая на какое-то воздействие своих слов Витек, никак не ожидал такого спокойствия, что привело его в замешательство. Он воздержался от комментариев, продолжая улыбаться.

С первой секунды, даже еще не видя бригадира, Витек возненавидел его. Причину такой реакции, пожалуй, ему и самому объяснить было бы затруднительно.

– Одну минуту. Сейчас разберемся. Идите к машине...

Витек испепеляюще глянул на Глеба.

– Как скажешь, командир.

Он развернулся и пошел, грубо сплюнув, ворча про себя:

– Понаедут всяческие. Каждая муха – вертолет!

Горчевский внимательно наблюдал за Деей, которая в свою очередь провожала взглядом Витька.

Странная, колючая дрожь пробежала меж лопаток Деи.

При всей его красоте, характер его дурно пах и вместе с тем, вызывал опасение...

– Дея... Дея... – позвал Глеб, пытаясь осторожно вернуть ее в реальность. Что-то неприятное, будто шипом, кольнуло в районе сердца. Он отвел взгляд от хозяйки усадьбы, в сторону. Она очнулась, но успела заметить, как он отводил глаза от нее. Дея ощутила неловкость, что Горчевский стал очевидцем ее интереса к Черемнову, пусть и не романтического, скорее даже с колоритными оттенками грусти и недовольства.

– О, простите... Я отвлеклась...

Густая краска смущения покрыло лицо молодой женщины.

– Да, я понимаю... Дея, звонил Николай Романович, я заказал итальянский отделочный материал, вот... – он протянул лист бумаги со всеми параметрами и показал фото на телефоне. – Здесь был именно такой... Будем восстанавливать в том виде, каком он был раньше... Оригинал будет сложно найти, его давно уже не производят, если на заказ – сделают... А мы пока будем поднимать из пепла здание...

Дея была удивлена такой активностью Глеба. Не прошло и часа, как прибыл на объект, он уже знал от чего отталкиваться. Посему было видно, что к работе Горчевский относится с полной ответственностью и отдачей. Как бы высокопарно и старомодно ни звучали слова, характеризующие данного мужчину, этот человек в мотивации извне не нуждался.

– Хорошо...

Она стояла, потупив взор, не зная, как продолжить разговор или попрощаться. Все еще смущенная тем, что позволила своей заинтересованности попасться в поле зрения постороннего человека, она обдумывала, как выйти из неловкой ситуации. Дея понимала, что для Глеба незамеченным это не осталось. Он ждал, глядя прямо ей в лицо. От этого молодая женщина терялась и смущалась, как первоклассница, с еще большей силой.

– В таком случае...

Горчевский смотрел в упор и ждал. Наконец, она собралась с мыслями и, видя, что он не торопится высказываться, решила не мешать, дать ему время и перовому озвучить свои раздумья. Ситуация выглядела смешно – два взрослых человека, посторонние друг для друга, не могли разойтись в разные стороны из-за недосказанности или...

– Дея... Он не внушает доверия...

Глеб серьезно посмотрел в ее глаза. Молодая женщина уловила прмелькнувшую в его взгляде легкую грусть.

– «Не додумывай слишком много. Так ты создаешь проблемы, которых изначально не было», – казал Ницше. Неуместные высказывания некоторых людей разочаровывают других так, что даже ряд замечательных поступков не возвращает первоначального расположения к ним. Можно как угодно воспринимать даже шутку, но не относиться всерьез нельзя, особенно, когда она обдуманно озвучена ее автором.

Глеб ничего не ответил, повернулся и ушел.

Агафья, присутствовавшая тут же рядом, усмехнулась.

– Зря ты так с ним. А он, ничего, молодец... Только приехал, а уже все понял.

– Пойдем в дом, Агаша.

Дея совсем не хотелось, чтобы еще кто-то наблюдал, как пылали щеки после его слов, ощущение было, словно её только-что отхлестали по ним. «Странные чувства он во мне вызывает...» – думала она. Если бы экономка слышала мысли, то непременно спросила, о ком это она так, но чужие мысли остаются недоступны...

– Агаша, что там было дальше? – спросила Дея, присев за стол возле нее.

Та закончила месить тесто для пирогов и, быстро придав форму, положив начинку – в одни – картошку, в другие – тушеную капусту с отварным яйцом, поставила в духовку. Принялась, накрывать на стол, попутно посматривая за сковородой, с тушившимися овощами.

– Где?

– В истории дома.

– А-а... Так, говорят, что несчастье какое-то произошло, что именно никто не знает... То ли погибли все в огне, то ли какой умалишённый, что предрек... Слышала, прозвали его Опекуном... Будто появляется иногда...

– Про камень расскажи.

– А, так под горой, есть небольшая штольня... говорят. Вон там... – она указала пальцем в сторону очертания горы неподалеку от деревни. – Я сама туда ни разу не ходила, не видала... Ее Кирьянкиной норой прозвали. Он копал ее один, говорят, и долго копал... Как-будто... Кирьянович в ней тот камень и нашел... Ой, да, все и не помню уже, барышня. Да, и зачем вам это?

– Агаша, я тебя просила обращаться ко мне на «ты»?!

– Прости, все никак не привыкну. Ты же – хозяйка.

– Это неважно! Для Вас с Федором я, как родственница, не больше. Скажи... А, кто еще может об этом доме знать? ...Его историю? Мне любопытно...

– Ты в архив городской съезди, может, что и найдешь... О! Бригада ужинать идет... Буду их кормить...

– Ладно, а я пройду по дому, в его той части...

– Дея, возьми с собой... кого-нибудь. Не ходи одна. Смотри, чтобы на голову не упало чего... – не успела договорить экономка, как, постучав и не дождавшись ответа, на кухню, здороваясь, стали проходить мужчины. Глеба среди них видно не было.

– А бригадир то, чего ж не пришел? – услышала Дея голос Агафьи, за спиной. – Человек с дороги...

– Он дом изучает... Классный мужик... Сразу за дело взялся... – заговорили в бригаде наперебой.

– Ладно, я его потом покормлю...

Сейчас, листая одну страницу памяти за другой, казалось, Дея уделяла внимание каждой мелочи, каждой детали и от этого ей становилось немного грустно. Она хорошо понимала природу своих чувств...

Глава 2

Если бы все человеческие желания исполнялись, земной шар стал бы адом.

Пьер Буаст⁵

В усадьбе Дея находилась не первую неделю, но все оттягивала тот момент, когда ей придется пойти в его центральную часть с парадным подъездом, которой еще вовсе не занимались. Она издали, оценивая, присматривалась к ней, не смея подойти ближе, и только теперь, впервые отважилась побывать внутри. Что за неведомая сила придала ей решимости и тянула туда, Дея не задумывалась.

Такая ли необходимость, стараться все объяснить? Может, стоит некоторые вещи принимать такими, какими они есть...

Усадьба была большая и прежде, чем попасть в эту его часть, из той в которой жила новая хозяйка, необходимо было обойти практически все здание, под которым подразумевался целый комплекс.

Дея медленно продвигалась вперед, при этом окидывая взглядом крышу и шершавые стены, облупившиеся местами до кирпичей, словно это были нарывы или язвы. Конечно, как вариант – можно рискнуть и пройти внутри, но точно знать, что, где, а главное, когда обрушится в очередной раз, было невозможно. Она не раз просыпалась, среди ночи, от грохота и вздрагивала, когда это происходило днем. Тишина, окутывавшая старое поместье, все пропитанное духом усталой безмятежности, своей неизвестностью сковывала страхом сердце новой хозяйки усадьбы и будоражила голову фантазийными нелепостями. Она пыталась взять себя в руки и собраться с мыслями, но даже предположить не могла, что в тот момент, когда обогнет здание, одно из самых невероятных и невообразимых приключений ее жизни, в реальность которых сама поверит не до конца, начнет свой отсчет. Поворот за угол. Вот он – центральный вход в здание. Усадьба, как образчик провинциального помещичьего дома, вполне могла принадлежать к ярким зданиям русского классицизма, если бы не архитектурское решение, включающее отдельные элементы разных стилей по всем строениям, так как надо понимать, что усадьба представляла собой своеобразный ансамбль. Даже, несмотря на фактически подтвержденную правдивость высказывания, что всё, соединенное вместе, рано или поздно разваливается⁶, именно это отличало сооружение оригинальностью и эксклюзивностью. Конечно, думающий о будущем, хозяин такого комплекса, в то время, строил его с дальним прицелом – на века, для служения нескольким поколениям, оттого-то очень качественно, чтобы сохранял свой представительный внешний вид. Фасады его создавались в едином стиле и одинаково украшались. Учитывая, что все усадьбы строились приблизительно в одно время, и при этом были совершенно разные, хотя, типовые проекты усадебных домов все же имелись. Архитектор брал один подобный проект за основу и придумывал свой уникальный фасад, делая его неповторимым благодаря обилию всевозможных декоративных элементов. Это было время, когда непомерно напыщенный вид усадьбы считался признаком принадлежности владельца к благородному сословию и показателем его обеспеченности. Вот и приходилось архитектору вкладывать душу в свое творение и давать аристократии то, в чем она нуждалась – благоустроенную роскошь с безмятежным деревенским бытом. Потому-то в них создавалась та неповторимость атмосферы уюта и спокойствия, которого нам так недостает в настоящее время... И

⁵ Пьер-Клод-Виктор Буаст (1765 – 24.04.1824) был французским лексикографом, родившимся в Париже. Наиболее известен, как редактор Университета словарей, впервые изданного в 1800 году.

⁶ Закон Саймона.

как результат – не существовало двух одинаковых усадеб. Слухи о шикарном доме разлетались довольно быстро не только по местности, да по краю, но и за ее пределы. Архитектор делал на нем себе имя – это и корысть, и бескорыстие одновременно.

Но ведь талант обязан быть признан! Отчего же он, непременно, должен быть скромн, коль некому продвигать?! А шедевр его, его творение, возникая в определенную эпоху в единственном числе, растворялся в истории времен, если только не приобретал иное применение.

Утратившая все хозяйственные постройки, изначальный вид жилых, и всевозможных свидетелей её рассвета, многообразной жизни, усадьба уныло встречала прочным фундаментом из камня, парадным подъездом с колоннами.

Дея приближалась к центральному входу. Усадьба, словно, только и ждала ее. Занеся ногу на первую ступень парадной лестницы, которой даже остатки балюстрады придавали особую помпезность, новая хозяйка, остановилась, рассматривая здание.

– Родовое гнездо Кирияновича...

Волна воспоминаний самого дома неожиданного охватил Дею с головы до ног, погружая в далекую бытность. Перед глазами замелькали различные картинки – роскошный дом, с каменными колоннами, террасой, бельведером, огромным чудесным садом для прогулок и беседками для романтических встреч... Как он безукоризненно вписывался в окружающий пейзаж! Дом аффилировал свой изысканный вкус... Громкое чириканье маленькой пичужки, почти над головой, заставило очнуться нынешнюю хозяйку. Ей, на минуточку, показалось, что усадьба, таким образом, хочет наладить с ней контакт, установить дружеское отношение и это поистине выглядело трогательно...

Дея улыбнулась.

– Так вот каков ты был... Спасибо за честь увидеть твоё прошлое величие...

Она поймала себя на мысли, что снова обращается к усадьбе, как дому и отметила, что благодаря видению, теперь, как никогда ранее, понимает смысл выражения – удачный фасад и явственно представляет, почему помещицья усадьба была важнейшим предметом серьезных соревнований между ними.

– Да, теперь ясен смысл этих состязаний – чей дом станет смотреться роскошнее, и на чем доме печать аристократизма будет сверкать ярче... Славная экскурсия!

Новая хозяйка вновь улыбнулась. Ее признательность проведению была, скорее, за возможность увидеть усадьбу в ее первоизданном виде, за мгновение, что окунули в то неповторимое время, куда, в действительности, возврата нет. Теперь Дея с неподдельным любопытством всматривалась в крупные и мелкие детали строения, на фоне полного отсутствия внушительных частей отдельных элементов. И все же, несмотря на весьма растерзанный вид, усадьба, не поддавалась упадническому настроению и, казалось, радовалась знакомству хозяйки с ней. Будто воспрял ее дух. Она, точно старушка, которая в последнее мгновение своей жизни, вдруг выпила лексир молодости, и пусть даже оно имеет привкус чего-то бездушного, неживого, бесчеловечного, это тот крохотный шанс, который нельзя упустить, чтобы обрести новую жизнь...

Дея медленно поднималась по широким каменным ступеням лестницы, которая будто раздвигалась кверху и растворялась в глубине. Терраса. Она остановилась. Обернулась назад. С небольшой высоты оглядела территорию поместья. Большая часть поместья, заросла бурьяном, кустарниками и невысокими деревьями, требовала хозяйской руки. То тут, то там виднелись, различной высоты, бугорки.

«Может и под ними, что-то скрывается», – подумала Дея.

Солнце ещё было высоко, но на философские размышления о неизвестном, времени не оставалось. Темень овладевала внутренностью усадьбы, едва светило касалось макушки деревьев. Необходимо поторопиться. И все же Дея задержалась возле колонн. Провела рукой по одной из них, прислонилась к ней щекой. Давно уже негладкая ее поверхность... Поднимая

взгляд все выше и выше, достигла свода. Колонны венчались коринфской капителью⁷ и поднимались с неповторимым особенным изяществом, что казалось, будто своды легко опираются на них, создавая впечатление, бурлящей, внутри архитектурного произведения, жизнь. Чувствовалась рука мастера, да не просто мастера, а лучшего. Дея еще раз улыбнулась, похлопала ладонью по шершавой поверхности и направилась внутрь усадьбы.

Со слов отца она знала, что усадьба разделена на две половины. На первом этаже усадьбы было шесть жилых помещений. Четыре служебных приходились на меньшую половину, ту, где сейчас жила Дея вместе с Агашей и Федором, и, похоже, именно там, находились, когда-то комнаты для прислуги, а также всевозможные хозяйственные помещения. Дея могла только предположить, что в их числе были парадная, столовая, буфетная⁸, а также кладовая. Здание кухни Дея не увидела ни рядом с усадьбой, ни поодаль, скорей всего она была давно разрушена. В старину, как правило, кухня размещалась подальше от дома, чтобы, по всей видимости, неприятными запахами не нервировать хозяина и его гостей. Готовые же блюда доставляли в буфетную. Отсутствие здания, наводило только на догадку, что, скорей всего кухня располагалась в одной из комнат нижнего этажа.

Хозяйка усадьбы постояла несколько минут и, свыкнув с мыслью о необходимости произвести осмотр, из коридора первого этажа попала сразу в просторный и светлый вестибюль. Светлым он был потому что, именно в этой части кровля провалилась, а потолка, как и в двух следующих комнатах вовсе не было. Поскольку, солнце не торопилось прятаться за горизонт, оно ярко освещало даже темные уголки комнат, позволяя, тем самым, видеть мелкие детали отделки. Из вестибюля на второй этаж вела некогда красивая мраморная лестница, разбег маршей, которой, подчеркивала темная решетка перил. Мраморные плиты были в хорошем состоянии, можно было рассмотреть рисунок природного камня под толстым слоем пыли. Уголки и края плит, места соединений с решетками перил, большей частью, были сколоты, оттого создавалось впечатление, что чья-то попытка забрать легкодоступный дорогой материал, не увенчалась успехом. Несмотря на удручающее состояние перил, лестничный марш в целом выглядел все же достойно. Увядающая красота усадьбы хотя и навевала печаль, но всё же, ставить жирный крест было рановато.

Дея тяжело вздохнула.

Прямо за вестибюлем находилась неперемнная часть помещичьего дома – парадный зал. Именно на первом этаже выделяли обязательно огромную комнату, для проведения балов и банкетов.

– А когда-то здесь проходили торжественные приемы... стены украшались зеркалами... – с грустью отметила Дея, задержав взгляд на полуразрушенных стенах и прогнивших полах. Большие окна выходили в парк. По обе стороны от вестибюля находились, предположительно, гостиные. В верхней части стен гостиной слева, украшенных, когда-то карнизом, все еще сохранялись фрагменты достаточно большого размера, позволявшие увидеть его уникальную красоту. В период строительства усадьбы лепнину изготавливали только вручную, что создавало его неповторимость, а качество же работы зависело от мастерства и собственного вкуса творца. Небольшие фрагменты лепного потолка, сильно поврежденные местами, позволяли рассмотреть декор, который превращался, казалось, в воздушный, полный движения узор. Мастера в эту эпоху охотно изображали ангелочков и амуров, задрапированные ткани, гирлянды из фруктов, букеты, декоративный щит или свиток, карнизы тяжелые и вычурные. Лепнина нередко превращалась в оригинальную рамку для настенного панно или объемный потолочный плафон. Присутствие таких украшений сочетались со сдержанным, более того, даже строгим оформлением остальных поверхностей. Архитекторское решение разделяло однооб-

⁷ Высокая колоколообразная деталь, украшенная завитками листьев-акантов.

⁸ Комната рядом со столовой для хранения дорогой серебряной и фарфоровой посуды, скатертей.

разно гладкие плоскости стен на отдельные участки, устанавливая меж ними такие пропорции, сочетание которых приводило характер всего объема оформляемого помещения к классической ясности. Желание владельцев усадеб, того времени, просто и понятно – фасад дома и внутренний интерьер между собой должны быть в гармонии. Большая ответственность ложилась на плечи архитектора, ведь его известность в его собственных руках, а отсюда и усердие. Ему приходилось продумывать не только внешний вид усадьбы или перепланировку помещений по желанию хозяев, но и помогать им с обустройством интерьера. Применение же, одновременно с лепниной колонн всевозможных стилей и пропорций, постаментов, куполов, ниш и консолей, давал декоратору давних интерьеров возможность рассказать прекрасную историю классицизма, оживить архитектурное пространство возвышенного покоя ампирного особняка или, в особенности, поэзию русской усадьбы.

Дея подняла голову и переключила свое внимание на живописный потолок, а ее губы невольно зашептали отрывок из стиха:

– Одна лишь живопись внушает нам надежду,
Что неизменными останутся всегда
И эти складки у пророка на одежде,
И эта серая в промоинах вода⁹

Удивительным образом сохранившиеся, местами, фрагменты живописи были настолько ничтожно малы, что только воображение могло дорисовать, или додумать то, как украшался потолок, не говоря об орнаменте. Но были и вполне приличных размеров участки, где отчетливо виден сюжет из неземной жизни. Говорить же об интерьере в целом, теперь и вовсе не имело смысла...

Дея, осторожно ступая на скрипучие половицы, прошла к парадной лестнице, ведущей на верхний этаж. Остановилась и прислушалась. Полумрак, устойчивый запах прогнившей древесины, сквозняк, скрип оторванных рам – усиливали чувство страха. Все существо Деи словно шло к чему-то темному и неприятному, таившему в себе некую угрозу. Ни что не колебало природного упрямства молодой хозяйки в желании увидеть поместье изнутри. Отдаленные звуки присутствия людей, немного, успокаивали ее. Ветхость же здания позволяла, стоя на одном месте внизу, рассмотреть планировку и состояние верхних комнат. Там находились большая передняя, и пять комнат. Все покои, как и на первом этаже, были проходными и располагались одна за другой, составляя анфиладу. В те времена считалось неприличным ходить хозяевам по одним и тем же коридорам со слугами, поэтому сквозными делались практически все комнаты. Они имели по три двери. Через две можно было попасть в соседние комнаты, а через одну – в длинный коридор. Несложно было догадаться, что хозяева ходили через широкие двери, которые, надо отметить, имели впечатляющие размеры. Чтобы попасть в необходимую комнату, они проходили сквозь все. Коридорами, же в основном, пользовалась прислуга.

Блуждая взором по помещениям, Дея обратила внимание на то, что открытые во всех комнатах двери, даже если это были уже пустые проемы, создавали впечатление их бесконечности... высокий потолок передней, представленный все тем же из старейших декоров – лепниной, сохранившей в своем рисунке связь с античными временами, но уже усовершенствованной старыми мастерами зодчества, отдельными деталями объединялась в единую композицию и хорошо сохранилась по углам, под люстрой. Некогда матовая белая поверхность лепного декора, создававшая необычный эффект, не похожий на блеск позолоченной резьбы, теперь имел неопределенный цвет и только благодаря силе самого материала, переходы светотени все еще оставались нежными и мягкими. Характерные замысловатые изгибы, ломаные линии барокко – неудивительно, что мастера использовали этот стиль в лепнине – смягчали резкость прямых линий стен и заменяли их свойственными ей полукруглыми очертаниями.

⁹ А. Городницкий, Живопись.

По остаточным фрагментам рисунка потолка было видно, что роспись размыкала внутреннее пространство помещения барского дома. Независимо, от того, где остался след от кисти художника, живопись всегда возбуждает необычные эмоции. Перенос в особый мир чувств, созерцающая красоту, подобно могущественной чародейке, живопись ставит перед необходимостью по-новому воспринимать окружающий покой. Пожалуй, именно в этом и заключается вся сила искусства. Мастер, видимо, стараясь подчеркнуть интерьер и установить гармонию восприятия всего жилого пространства, вместе с тем стремился отметить, что сама роспись – непревзойденный шедевр, предназначение ее – неиссякаемый родник вдохновения для художника. Тем удивительней было, как это все могло сохраниться за такой огромный период разрушения.

Дальше – коридор, комната, предназначение, которой, возможно, было для гостей. Двери одной из комнат имели внушительные размеры. Несмотря на то, что Дея практически ничего не понимала в строительстве, кое-какие познания, в области архитектуры, голова ее все же хранила. Сейчас она извлекала из ячеек своей памяти информацию о том, что в усадебных домах имелись семейные комнаты, располагались они как раз на втором этаже. Мысли привели Дею к тому, что это была та самая. Сквозь отверстие в разрушенной стене и дверной проем, виднелась следующая комната.

– Вероятно, это девичья, – догадалась Дея.

Крутая лестница из комнатки рядом вела в бельведер, представлявший собой огороженную перилами открытую площадку на крыше. Дея стояла в раздумьях: подняться наверх или пойти направо – в направлении обжитой части, и осмотреть первый этаж. Неожиданно для себя ее взгляд привлекла комната с огромной печью. Она располагалась через комнату, справа от вестибюля. В XVIII в. стало модным строить камины. Один из таких великолепных образчиков соседства с печью Дея видела в парадных комнатах обоих этажей. Однако дворяне все же больше любили печь, то ли из практических соображений, то ли из экономических: печь дольше сохраняла тепло в доме, и требовалось гораздо меньше дров. Обычно, помещения первого этажа, по традиции, были прохладными и печи стояли во всех. Другое дело величина. Эта странная печь, своими габаритами, совсем не вписывалась в размеры комнаты, и, практически, разрушала представление человека об эстетике и разумных величинах.

– Старая печка, кого-то давным-давно обогревала, и здесь было тепло... – размышляла вслух Дея, поглаживая облицовку оставшихся старинных изразцов, которыми была отделана печь. Она медленно двигалась вдоль нее и встала возле стены. Сквозь паутину и многолетнюю пыль, местами еще можно было увидеть клочки старого гобелена. Дея не заметила, как возле противоположной стены застыла фигура и, прислонясь, смотрела за движениями молодой женщины, за её любопытством.

– Все было тихо в доме.

Облака

Нескромный месяц дымкою одели,

И только раздавались изредка

Сверчка родного жалобные трели,

И мышшь в тени родного уголка

Скреблась в обои старые прилежно,

– тихо прочитала Дея.

– Цитируете Лермонтова?! Хотя Бунин был бы здесь, куда уместнее.

От неожиданности Дея вздрогнула и обернулась. У входа стояла крупная фигура Горчевского, засунув руки в карманы куртки.

– Глеб?! Вы меня напугали.

– Простите, не хотел. Вот уж не думал в такое время вас застать...

Дея улыбнулась, едва приподняв уголки губ.

– Так, что из Бунина?

– ... Что ж, пусть минувшее исчезло сном летучим,

Еще прекрасен ты, заглохший Элизей,

И обаянием могучим

Исполнен для души моей...

Дея отметила, с каким удовольствием он прочитал эти строки.

– Несрочная весна – люблю это произведение, – словно отвечая на ее мысли, изрек негромко Глеб.

– А вы, каким образом здесь оказались?

– Не оказался, а изучаю свой объект, – Горчевский неспешно приближался к ней.

– И как вы его находите, с профессиональной точки зрения?

Он осматривал помещение, про себя подмечая то тут, то там необходимость восстановления элементов, которые займут времени дольше, чем возможно, восстановление всего здания.

– Обнаженные стены, печи полуразобранные. В целом дом выглядит, я бы сказал, вполне еще ничего для своего почтенного возраста. Планировка рациональна и комфортна. В одном вы правы, когда-то здесь действительно было и тепло, и весело, но что-то произошло...

– Вы тоже почувствовали?

Неожиданное замечание невольно заставило Дею взглянуть на Глеба в приятном удивлении, обнаруживая в незнакомце такие тонкие струны восприимчивости, такую редкостную, несвойственную большинству мужчин, особенность. Её головка немного наклонилась, взгляд исподлобья, а на лице появилась игриво-детская и таинственная полуулыбка. Глеб чувствовал, что все его данные обеты перед самим собой, сейчас разрушаются этой женщиной. Он не слабеет, но не может перед ней устоять, впрочем, как, ни один другой мужчина. Вместе с тем, Дея пробуждала в нем незнакомый отцовский инстинкт, желание взять её под защиту и опекать. Мужчина готов был поклясться, чем угодно, что ей не приходится прилагать особенных усилий, покорить сердца неизвестных людей. Горчевский начинал понимать, что тот образ, которым он многократно любовался на фотографии, в живом виде гораздо эффективнее и сильнее воздействует на его тонкую душевную организацию, чем он предполагал. Глеб с огромным нежеланием вернул разум в прежнее русло – к усадьбе.

– Да, стоило увидеть дом...

– Меня не покидает эта мысль с того момента, как я прибыла сюда...

Дея не решилась произнести слово усадьба или здание. Что-то внутри нее стремилось возвеличить, отнестись с благодарностью за его стойкий характер. Глеб понимающе и, в тоже время, с любопытством взглянул на молодую женщину, остановившись рядом.

– Как прошло ваше знакомство с бригадой?

– Все в порядке. Есть несколько человек, с которыми мне приходилось трудиться на других объектах. Они, в двух словах, обрисовали обстановку, а дальше – будем работать.

– Когда есть люди, в умении и мастерстве, которых не приходится сомневаться – всегда легче и спокойнее.

– Да, меньше приходится тревожиться о безопасности.

Глеб внимательно окидывал взглядом помещение. Провел рукой по изразцам печи, большая часть, которых была разграблена. Видимо и его смущали ее размеры.

– Удивительным образом вас эта комната заставила читать стихи. Обычно дух поэзии витал в гостиных. Там на небольших изящных сто ликах раскладывали альбомы для стихов, на стенах развешивали портреты предков, картины, ставили ломберные столы, покрытые зеленым сукном, для игры в карты ...

– Вы словно там бывали... – она пристально смотрела на него. – Полагаете, что это дух дома?

– Любое здание, даже такое, имеет своего... духа.... А, как иначе?!

Горчевский изучал комнату, на чем-то подолгу задерживаясь, местами пробегая, даже не удосужив взглядом.

– Вероятно, вы правы. Будете смеяться, но как только я ступила на парадную лестницу, у меня было видение...

Глеб остановил серьезный холодный взгляд на лице Деи, от чего ей даже стало не по себе.

– Вот как?! Поделитесь! Интересно.

Дея, не ожидавшая такой реакции, впервые секунды растерялась не зная, как отреагировать, но затем вкратце обрисовала картинку.

– Похоже, усадьба видит вас иначе...

– Как вас понимать, Глеб?

– ...пока не знаю, как объяснить, но не стала бы она просто так перед вами хвастать своим прошлым... Это хорошо... Теперь у нас есть человек, который знает детали... Менее всего готов был услышать подобное...

Дея задумалась.

– Занимаетесь оккультными науками? – наконец, нерешительно спросила она почему-то, дивясь собственному вопросу.

– К великому сожалению, нет! Но хотелось бы заглянуть, так сказать под половицу...

– Почему – к сожалению?

– Потому что, подобные знания всем подряд не раздаются. Это дар свыше. Любое знание или изучение сверхъестественного – это либо дар, либо предназначение.

– А разве это вещи не одного порядка?

– Не совсем так... Предназначение – это своего рода векторный указатель, по направлению которого необходимо двигаться, ну или, как цель на горизонте жизни, понимаете?

– Получается, что оба понятия, могут рассматриваться, как краткий путь к реализации собственного потенциала.

– Именно! Тогда-то дар и предназначение пересекаются.

Общение им доставляло удовольствие. Дея же про себя отметила, что интеллект собеседника ей приходится по вкусу, но что-то в нем нравилось больше...

Горчевский встал посередине комнаты, засунув руки в карманы брюк. Он продолжал осмотр. Его брови сошлись на переносице. Взгляд стал более суровым.

– Дея, я хотел предложить вам, на недельку приостановить все работы...

Она удивленно подняла бровь. Горчевский не производил впечатления человека, который будет шутить серьезными вещами.

– И для чего это нужно?

– Я бы... с вами... изучил более детально это строение. Вдруг, оно хранит в себе нечто такое, что заставит изумиться не только нас...

– Другими словами, заняться раскопками?

– Не совсем раскопками, но исследованием, которое, как мне кажется, ранее никто не проводил.

– Мм... Бригада останется без дела.

– Не останется. Я уже их предупредил, и всем найдется другая работа. Тем более что много такой, на которую придется отвлекаться потом. Лучше это сделать сейчас, до начала основного восстановления.

Дея обратила внимание, как Горчевский, подчеркнуто, уверен в себе. В тоже время, мастерски принимает решение, заранее зная, что оно получит одобрение.

– Вы приехали восстанавливать его, – она очертила рукой полукруг над головой. – Глеб, вам и решать, как лучше это сделать. Я не буду мешать, но, ни одно исследование, прошу, без меня не проводите. Это – не приказ и не просьба. Это – необходимость.

– Спасибо, Дея. Я рассчитываю на вашу поддержку и в дальнейшем.

– Вы всегда такой расчетливый?

Глеб весело рассмеялся. Губы Деи слегка искривила подобие улыбки.

– Только в отношении той работы, которой занимаюсь.

– Что ж, в таком случае, рада помочь.

Рядом с Глебом она словно иначе взглянула на эту комнату. Теперь помещение показалось Деи загадочно и немного пугающе своей скрытностью, какой-то недосказанностью.

Мужчина и женщина шумно молчали, делая вид, что рассматривают комнату, ее содержимое, иначе не нашлось бы другого способа скрыть неловкость и взаимное любопытство. Ох, столь малое знакомство... Как по команде, одновременно Дея и Глеб взглянули в пустые глазницы окон. Солнце медленно опускалось, продолжая заглядывать лучами сквозь густые ветви деревьев.

– Казалось, я только пришла сюда...

Она действительно не заметила, что в этих развалинах пробыла довольно таки долго и, сказать, что ей хотелось поскорее покинуть это место, было нельзя.

– И я не заметил, ...как быстро день подошел к концу, – разрушил молчание Глеб. – Похоже, здесь время нужно ловить за хвост, чтобы оно не летело стремглав.

– Похоже, – вздохнула Дея, но тут же спохватилась, – так ведь, закончился лишь рабочий день.

– Это намёк? – Горчевский, уставившись на хозяйку усадьбы, силился понять ход её мыслей.

– Ни на что... Мы могли бы прямо сейчас начать свою изыскательскую деятельность?

– Вот как?! В такое время? Вам, так не терпится?

– Не терпится! Что, вы, имели ввиду, сказав «в такое время»?

– Вечером любой старинный полуразрушенный дом производит впечатление... как бы это помягче сказать...

– Неприятное? Нагоняет страх?

– Да, нечто подобное, а потому нам лучше сегодня не ходить, а подготовиться и завтра приступить к обследованию. Лучше днем. А сюда я принесу приборы и протяну электричество... на всякий случай.

– Все сделаете один?

– Приятно было бы произвести на вас такое впечатление, что многое умею и могу, однако есть специалисты. Ребята помогут.

– Успели со всеми познакомиться?

– Практически со всеми... Тогда, если вы не против, я пойду, займусь делом.

– Конечно-конечно, но всё же, не хорошо намекать на мое безделье.

Глеб весело рассмеялся. Смех у него был, более чем, приятный.

Мужчина повернулся и направился в сторону выхода.

– И в мыслях не было. А, вы, не ходите по комнатам, это может быть опасно...

– Да-да, Агаша меня уже предупреждала...

– Вот, видите, вам, стоит прислушаться.

Дея улыбалась, провожая бригадира взглядом. Дойдя, почти до выхода из комнаты, Глеб неожиданно остановился и медленно повернул голову.

– Мне бы не хотелось заниматься поисками хозяйки вместо исследований дома.

Излучающие блеск, в свете лучей уходящего солнца, глаза Горчевского взглянули на Дею. Выражение их она не постигла, но внутри прокатилась приятная теплая волна, как показалось, коснувшаяся даже её коротких волос. К слову сказать, их беседа вызвала эмоциональный отклик в молодой хозяйке. Дея заметила, что её визави одарен способностью, что называется «видеть людей насквозь», чем, возможно, превосходно пользуется в жизни, при этом «не слишком тянет одеяло» на себя, стараясь вникать в смысл и глубину разговора. Ей хотелось верить,

что он не имеет привычки сбегать посреди разговора, и подобный дурной тон, столь интересному собеседнику, чужд. Но, возможно, бывают исключения... Они же, всегда бывают... А завершал ряд предположений – характер бригадира. Дея сравнила его с кошачьим – гордый, неприступный, независимый, но при этом без внимания прекрасного пола вряд ли остается.

– Обещаю быть осторожной, – напоследок крикнула она.

Глеб ушел, оставив улыбающуюся Дею одну, продолжавшую находиться под впечатлением. Она осталась одна, окутанная полумраком. Постояв несколько минут, направилась в самую большую комнату, напомилавшую зал для приемов. Там все еще находилось подобие мебели. Но даже эти остатки былой роскоши все ещё продолжали потрясать, и заставляли воображение рисовать картину изысканного убранства в свое время.

В усадьбе уже становилось совсем темно, и детально рассмотреть не хватало света.

– Так замечательно, что сохранилась подлинная плитка. Надеюсь, у Глеба получится заказать... – рассуждая вслух, Дея осматривала комнату.

– Я вижу, он успел тебе уже понравиться?

Дея вновь вздрогнула. Нехотя, медленно повернулась.

В дверном проеме, прислонившись к косяку, стоял, улыбаясь Витек.

– Деловой человек не может не нравиться. А мы, как мне помнится, пока на «ты» не переходили?

– Зачем же дело стало?! Давай перейдем, прям сейчас!

Дея уже понимала, что Витек один из тех редкостных типов, которые не собираются останавливаться ни перед чем, ради своей цели, а также не особо разбираются в методах для ее достижения. Но, бывают же, такие люди, как одна большая заноза, от которой сразу не избавиться. Они при всей своей ничтожности создают массу дискомфорта и неприятных болезненных ощущений.

– Есть вопросы?

– А, что? Разве не видно?

– Я без очков!

Он рассмеялся. Достал привычным движением сигарету, зажег спичку, прикурил. Пуская клубы сизого дыма, стал откровенно рассматривать Дею, а уж если совсем не прятать слова за вуалью допустимого, то откровенно раздевал её глазами.

– Может, мы встретимся сегодня? Попозже?

– Разве я давала вам повод говорить со мной в подобном тоне?

– А, что? Я – мальчик с обложки, да и ты – ничего. У нас бы получилось.

– Витек... Витек... – раздался неожиданный повизгивающий незнакомый женский голос, прервавший поток слов, оголявших необузданность и развращенность мыслей, этого странно-вато-пошлого человека. Он не шевельнулся. Никакой реакции, будто это вовсе ни к нему обращались, продолжал пялиться на Дею. Несмотря на красивое лицо, похотливое выражение его глаз отталкивало. Ей очень хотелось уйти, но проскользнуть мимо, не задев нетрезвого мужчину, не получилось бы. Черемнов стоял так, что его широкая фигура загоразживала половину дверного проема.

– А-а, вот ты где...

За спиной Витька появилась низкорослая, крепкого телосложения, крашеная блондинка с карими глазами, с гнездившейся возле носа бородавкой. Несимпатичное лицо женщины подчеркивалось вульгарностью ее манер. Не видя Дею, она тут же принялась распинать мужа.

– Ой, ой уже налился... Пойдем, пойдем. Нечего таскаться, где ни попадя...

– Свет, ну, ты чего? Я вон с хозяйкой разговариваю...

– С хозяйкой?

Женщина заглянула внутрь.

– Здравствуйте, мы с вами не знакомы...

– А-а-а, уже присматриваешь себе новую юбку? Ну-ну... – не обращая внимания на приветствие Деи, с ухмылкой grimасой, продолжила Света. – Смотри, Черемнов, ты меня знаешь: порву, как тузик кепку!

– Брось, чушь молоть. Пойдем.

– Смотри, поклялся!

– Пойдем, пойдем...

Витек повернулся к жене, обнял ее за плечи и уже на выходе обернулся, улыбаясь полуоткрытым ртом, подмигнул Деи.

«Надо же, как люди могут испортить весь вечер...» – думала Дея, не решаясь самой себе признаться в том, что разочарована тем фактом, когда внешность и внутреннее содержание совершенно не соответствовали друг другу. И первое приятное впечатление, которое Витек на нее произвел, было полностью растоптано, уничтожено. Ей совсем не хотелось выходить во двор следом за этой парой. Да... действительно парой...

Совместная долгая жизнь у людей получается лишь с теми, с кем их объединяет схожая хотя бы одна черта характера или есть общий интерес...

Общение с четой Черемновых доставило такое «блаженство», что захотелось тут же помыть руки с мылом и восторженно, как лозунг, выкрикнуть: «Наше здоровье в наших мытых руках!»¹⁰. Хозяйка усадьбы чувствовала себя так, словно наступила на что-то мягкое и пахучее, и требовалась немедленная дезинфекция не только рук, но и ног.

– Дея... Дея... – послышался голос Глеба, как спасительный круг в водовороте ее мыслей. Она вздохнула с облегчением. – Вы еще здесь?

– Да-да, здесь...

Глеб подошел ближе. Еще не остывшая от неприятных ощущений, Дея не смогла быстро совладать с собой. Губы ее были плотно сжаты, как у капризного ребенка. Она смотрела в сторону. Ей не хотелось признавать абсолютную правоту Глеба в отношении Витька.

– С вами все в порядке? – озабоченно спросил Горчевский, чуть наклонясь ближе к ее лицу и едва заметно коснувшись локтя. – Видел, как Черемнов выходил отсюда не один. Вас оскорбили?

– Нет, ...все в порядке. Не стоит беспокоиться. Пойдемте, Глеб, во двор...

Он недоверчиво смотрел на молодую женщину, но больше спрашивать ничего не стал.

– Для чего вы вернулись?

– Я хотел убедиться, что с Вами ничего не случилось...

Горчевский решил немного подождать с продолжением разговора, заметив, как она грустна. Они вышли.

Из густоты деревьев, прикрываясь ими, как плащом, словно озираясь и крадучись, меж кустарников, медленно выползали сумерки. Природа, постепенно очаровывалась вечерней прохладой и свежестью. Свежий воздух, наконец-то, наполнил легкие. Дышать стало легко.

Дея поежилась. На ум пришли стихи:

Вползали сумерки лениво

в не затворённое окно,

и вещи прятали стыдливо

обличье плотское, в одно

связуясь неопределенно —

их контур значимость терял...

Сквозняк выпархивал влюблённо,

дыханьем всё одушевлял¹¹

¹⁰ Л. Соколов, Вирусные афоризмы/Клуб 12 стульев, Гигант мысли, Литературная газета, 22.04.2020.

¹¹ В. Гоммерштадт, «Вползали сумерки лениво...».

Темнота спустилась, как-то совсем быстро.

Мужчина и женщина стояли рядом. Они молчали.

Вдали, пошатываясь из стороны в сторону, спотыкаясь на ходу, Витек шел в направлении деревни, обняв за шею жену.

Глеб пытался понять мысли и чувства Деи.

– Если вам неприятен этот человек, я откажусь от его услуг.

– Неприятен... Он единственный в деревне имеет грузовую машина, – грустно вздохнула Дея, – ...на которой мы возим все необходимое.

– Мы можем нанять в городе и не на постоянной основе.

Дея грустно покачала головой.

– Даже если это не будет дороже, Виктор задействован постоянно.

– Пойдемте. Я провожу.

– Да, благодарю. Прохладно становится...

В темноте послышались негромкие разговоры, короткие смешки. Обрисовались черные силуэты движущихся людей. Рабочие, задержавшиеся по разным причинам, небольшими группами – по несколько человек, направлялись в деревушку, по домам.

«Надо будет установить фонари по периметру. Совсем ничего не видно», – думал Глеб про себя. Он взглянул на идущую рядом женщину. – Как она легкоранима. Впечатлительная... Успокаивается совсем не быстро после треволнений. А казалась, так горда, высокомерна, ... неприступна. Все же первое впечатление бывает иной раз обманчиво... М-да...»

Дея шла в задумчивости, время от времени, поглядывая под ноги, чтобы не споткнуться. Её глаза пристально вглядывались вдаль, в очертания невысоких гор, поросших густым лесом...

– Мы можем прогуляться как-нибудь, в том направлении...

– Спасибо, вы, очень внимательны... Я здесь немногим раньше вас. Местность совершенно незнакома, вызывает мой неподдельный интерес и массу вопросов.

– Если уж здешние красоты так привлекают, мой гражданский долг – прогулять вас в эти туманно голубые дали.

Дея рассмеялась. У нее складывалось впечатление, что Горчевский хочет ей понравиться или же... он действительно такой предупредительный и учтивый... или же это совсем другое, о чем она пока не хотела думать... Был в нем некий лоск глубокой интеллигентности, душевная деликатность, которая может передаваться только с молоком матери... Они неторопливым шагом приближались к жилой части дома. Обратный путь показался Деи намного длиннее. Только благодаря свету, струившемуся из окон кухни, возле жилой части дома было светло. Но стоит отойти на несколько метров от дома, и оказываешься в объятиях крошечной тьмы. Кусты и деревья, прилегающие к усадьбе, плотной стеной, отгораживали силуэты домов деревни, освещенные редкими уличными фонарями.

Она остановилась в нескольких метрах от входа. Глеб сделал пару шагов и встал рядом.

– Похоже, у вас есть какие-то мысли?

Горчевский обернулся. Ее необычное лицо, освещаемое светом, приобрело загадочность...

– Я хотел предложить нам завтра утром съездить в городской архив... Пока ребята с электричеством будут возиться, а мы – туда и обратно. Вы, согласны?

– И Агаша предлагала то же самое... Хорошо, давайте, так и сделаем.

Дея развернулась и пошла к дому. Горчевский поглядел ей вслед. Он уже собирался пойти в направлении хижины, когда неожиданно услышал за спиной:

– Глеб, вы еще не ужинали, пойдемте.

– Спасибо, лучше я приду позавтракать...

– Даже думать нечего о завтраке! Вы же не уснете на пустой желудок! Заходите, заходите... – раздался приятный, но настойчивый голос Пучковой.

Горчевский поднял голову. Женщина стояла у открытого окна, на кухне, чуть подавшись вперед, и улыбалась. Глеб не заставил себя долго упрашивать, да и возразить было нечего. Они вошли. Пока он мыл руки и присаживался за стол, Дея поднялась к себе. Агаша подала горячих шей, хлеба, только что нарезанного. Румяные ее пироги красовались на большой плоской тарелке, сложенные небольшой пирамидкой. Агаша суетилась возле него, стараясь предугадать его желание, попутно предлагая то кофе, то душистый чай с травой.

Дея стояла посреди временной своей девичьей светёлки, потупив взор, скрестив на груди руки. На душе было беспокойно – взгляд блуждал от угла к углу, от стены к стене, дыхание становилось прерывистым. Какое-то странное чувство, очень схожее со смятием, овладевало молодой женщиной. Возрастало желание снова пойти в ту небольшую комнатку с огромной печью. Что-то влекло её туда... Дея взглянула в окно. Темно... Внезапно, будто ею овладел огонь, она буквально побежала вниз. Взяла большой и мощный фонарь и, проходя мимо кухни, пожелав приятного аппетита, уже собиралась переступить порог, когда послышался бархатный волнующий голос:

– Спасибо. Вы куда, на ночь глядя? – Глеб смотрел на фонарь в ее руке.

– Не могу объяснить, но мне нужно пойти в ту комнату. Обрато... Еще не ночь. Думаю, света фонаря будет вполне достаточно.

Она вышла.

– Погодите. Я с вами...

Дожевывая, он быстро встал, поблагодарив экономку. На ходу хватая другой фонарь, лежавший на скамье у выхода, выскользнул следом за Деей, услышав за спиной:

– А чай?

– Потом, потом... – крикнул Горчевский уже на улице.

Дея и Глеб вновь оказались перед центральным подъездом.

Тьма, будто накрыла усадьбу собственными крыльями, поглотив, при этом, уже всю внутренность.

В Дее усиливалось чувство беспокойства. Её органы съеживались внутри. Становилось безмерно жутко.

Почувствовав страх той, которая занимала все мысли, Глеб слегка коснулся её руки. Она была холодна. Обжигающий взгляд молодой женщины блуждал по его лицу.

– Не стоит бояться. Дом, который показал свое прошлое величие, не станет повергать в ужас и трепет. Вы должны ему доверять, – и успокоительная улыбка заиграла на его лице.

– Спасибо, Глеб. Придали бодрость моему упавшему духу.

– Пойдемте, раз уж мы здесь... Только дайте руку. Я не знаю насколько крепки эти полы.

Кивнув в знак согласия, Дея быстро сунула свою руку в широкую ладонь Горчевского, вновь почувствовав тепло и мягкость. Она окончательно перестала волноваться. Они поднялись на террасу, пересекли вестибюль, пустынную комнату, предназначение, которой пока оставалось неясным, и вновь оказались в той самой, с огромной печью.

– Вы бывали здесь до моего приезда? – неожиданно спросил Глеб.

Несмотря на то, что свет от фонарей шел сильным и широким пучком, освещалась лишь небольшая часть пространства, темнота была слишком густая.

Глеб и Дея, продолжали держаться за руки, на случай... да, мало ли какой случай...

– Нет, как-то не хватило времени. Честно – трусила... Еще не все осмотрела в округе. Не все видела там, дальше, позади усадьбы...

– Понятно... А сейчас, что-то почувствовали?

– Внутри такое волнение... необъяснимое...

– Это появилось только сегодня?

Она взглянула на него и смущенно проговорила:

– Это не то, о чем вы подумали...

– Я, как раз думаю об этом месте.... Бывает так, что сам человек и не подозревает, а связан с конкретной местностью. Когда случайно попадает туда, с ним начинают происходить те самые необъяснимые вещи или он становится слишком чувствительным к определенным явлениям.

– Вот и поглядим, с чем это связано. Пойдемте, осмотрим все около печи... Меня тянет именно туда...

Если бы не мощный луч фонаря, разглядеть что-либо впереди не представлялось возможным. Они прошли по скрипучим полам до печи. Достигнув цели, Дея аккуратно высвободила руку. Глеб занялся тщательным исследованием левой стороны стены кладки, простукивая и прислушиваясь к глубине звука. Дея, присев на корточки, направила поток света в основание кладки с правой стороны. Она, как археолог, обследовала каждую крупницу, каждую мелочь, попадавшую в ее руки. Неожиданный яркий отблеск в трещине, между кладкой и стеной комнаты, привлек внимание хозяйки усадьбы, что она даже слегка вздрогнула.

– Глеб.... Там показалось...

Горчевский немедленно подошел.

– Нужно посмотреть вот здесь... – она указала пальцем в расщелину и принялась пальцем выковыривать скопившийся там мусор и штукатурку.

– Погодите, можете пораниться чем-нибудь. Я схожу за острым инструментом...

– Хорошо, только побыстрее...

Дея сидела в тишине, опершись о кладку спиной. Какое-то время ей казалось, что время здесь остановилось и даже удары ее сердца слышались глухо, словно из далека. Она осветила комнату поочередно, во всех направлениях, когда в поток света неожиданно попало чье-то улыбающееся лицо и тут же исчезло. Дея на долю секунды застыла, через мгновение опомнилась, и от испуга бросила фонарь на пол. Не слушая скрипа полов, не замечая темноты, она бежала скорее на улицу. Пусть темно и черные силуэты деревьев, но лучше туда.... От испуга, сердце, казалось, вот-вот выпрыгнет из груди. Она слышала собственное учащенное дыхание, а в висках стучало сильно и бесперебойно. Во рту пересохло. Мышцы тела дрожали, как осинный лист. Ноги несли ее к выходу быстрее ветра, когда она столкнулась с Глебом в дверном проеме.

– Что случилось, Дея?

– Глеб, Глеб... Мне... Мне... нужно на воздух...

– Пойдемте, если так...

Во дворе Глеб внимательно взглянул на спутницу.

– Ваша бледность видна даже в темноте. Что случилось?

Она долго не могла успокоиться, и лишь придя в себя, с трудом восстановив дыхание, рассказала подробности.

– Меня пять минут не было рядом, а вы уже успели понравиться призраку... Да-а, Дея! Ну, и способности!

Несмотря на присутствующее до сих пор неприятное ощущение, сковывающее внутренности, она улыбнулась.

– Во мне никогда не будет такого вот качества... – голос ее выдавал, только-что пережитое большое волнение.

– Какого?

– Смеяться в ситуации, когда страшно...

– Когда страшно и мне не до смеха, – поддержал ее Глеб. – А сейчас, пойду, посмотрю... Вам лучше остаться здесь, прийти в себя...

– Нет! Я пойду вместе с вами... – она тяжело вздохнула, – только дайте мне пять минут... перевести дух...

Глеб не стал возражать, хотя про себя отметил силу ее характера. Они вновь вошли в комнату. Холодок пробежал меж лопаток Деи, но она ничем не выдавала своего страха. Брошенный ею фонарь лежал на полу, словно освещая им путь. Горчевский поднял его и отдал хозяйке. Приблизился к тому месту, где исследованием занималась Дея до побега, и занялся тем, что заостренным концом лома стал аккуратно проделывать углубление, увеличивая расщелину.

«Теперь рядом со мной Глеб...» – освещая место работы, подумала она, наблюдая, как он ловко управляет инструментом. Когда же щель стала достаточно большой, Дея почувствовала, что она может просунуть руку.

– Подождите, Глеб...

Она заглянула внутрь. Убедившись в том, что там нет ничего опасного для жизни, решительно засунула руку и достала круглую подвеску, небольшого размера, с голубовато-зеленым камнем.

– Что это, Глеб? Такой красивый камень?

– Ну-ка, ну-ка, давайте поглядим на него... Неожиданно... Весьма неожиданно... Зеленый с голубоватым отливом и белыми вкраплениями... Если только я не ошибаюсь..., то это должно быть... Да, это непременно он...

Глеб с особым любопытством рассматривал камень в лучах фонаря.

– Что это за камень, Глеб? Что в нем особенного?

Горчевский пристально изучая находку, хранил молчание.

– Пойдемте в дом, Дея, – неожиданно сказал он, не спрашивая разрешения и беря ее за руку, увлекая за собой. – На сегодня хватит приключений.

Дея, не понимая резких перемен в Горчевском, молча, подчинялась.

Лишь оказавшись на террасе, в приятной ночной прохладе, он тяжело вздохнул.

– Очень редкий камень... Амазонит... – наконец произнес он, с какой-то неуловимой ноткой в голосе. – Поднимет настроение, снимет чувство тревоги и неуверенности. М-да... Но только недавно этот камень заслужил внимание маститых виртуозов ювелирного дела нашего времени, создателей поистине драгоценных шедевров.

– Видимо... мастера им интересовались давно, если мы видим необыкновенное творение... – осторожно вставила спутница, видя, как он снова впадает в задумчивость.

– Мм... Чудно... Везение или проведение???

Не выпуская руки Деи, Глеб не отрывал взгляда от подвески. Странное поведение мужчины. Она не знала, чем объяснить. Высвободив свою руку, Дея забрала подвеску, стала рассматривать. С виду ничего особенного не было в нем. Но, какой же особенностью он обладал, если Горчевский изменился на глазах? Пояснение мог дать только он сам.

– А вы, какой вариант предпочли бы?

– Не знаю... Он обладал защитными свойствами для своего владельца от негативных эмоций, завистников и врагов. Оберегает от поспешных и неосторожных решений.

Глеб, погруженный в размышления, и казалось, что пешком отправился в неизвестную ему даль и надолго...

Находка действительно производила сильное впечатление не только своим появлением, но и искусным оформлением. Дея не знала, да и не могла знать, что похожую подвеску, много лет назад, Глеб, опрометчиво, подарил той, воспоминания о которой, сейчас он хотел бы похоронить навсегда...

– Стильный... – замороженно глядя на подвеску, тихо произнесла Дея. – По воле искусного мастера застыл в ажурной форме серебра.

– Чего же вы хотите?! Выверенный веками гламур материковой Европы! Теперь пойдете.

– Откуда такие мысли?

– У наших мастеров в то время техника исполнения была другая. Но дело вовсе не в том, откуда он и кем сотворен...

– А в чем же?

– Знаковая находка. Это словно намек на то, чтобы продолжить поиски истины. Он, как настойчивый призыв не забывать старое... А, может следовать традициям... и черпать вдохновение в прошлом... Похоже, Дея, дом в вас влюбился, если уж так помогает...

Ему очень хотелось добавить: «...возможно, как я, давно...»

– Только эта любовь, почему-то проявилась с вашим появлением. Не кажется странным именно этот факт?

– Может быть... Может быть... Во всяком случае, пока, мы вольны делать любые предположения, какие нам заблагорассудится...

Глеб вновь взял подвеску. Дея внимательно смотрела на него, но спрашивать больше ничего не стала. Горчевский же был настолько увлечен находкой, что не выказал никакой заинтересованности ее взглядом. Скорей всего, он даже не слышал слов. Более того, ей казалось, что сейчас он наедине с этим украшением.

– Пойдемте, Глеб, – она одернула его за рукав куртки.

Они медленно спустились по лестнице и направились в жилую часть усадьбы. На тропинке, рядом с деревьями, было довольно-таки темно. Неторопливым шагом мужчина и женщина подходили к освещенному, светом из кухонных окон, пространству. Из домика, где отдыхали рабочие, доносились звуки гитары. Кто-то негромко пел песню о любви. Дея улыбнулась.

– Это Фима Олесов, – улыбнулся Глеб, отвлекшись от находки. – Его прапрадед был казаком и жил в этих местах... Фиму даже хотели назвать в честь него Фомой...

– Сейчас это имя звучало бы несколько странно... Такое редкое имя. – Дея с любопытством взглянула на Глеба. – Вы уже знаете даже их родственников?!

– Нет, еще не всех. Я должен знать людей, с которыми работаю, их характеры, от кого и чего можно ожидать.

– Занимаетесь психологией?

– Нет, просто... меня жизнь приучила разбираться в людях. Да, и неприятных сюрпризов я не люблю.

Они остановились возле входной двери, которая была чуть-чуть приоткрыта. Выглянуло сияющее лицо Агафьи. Слегка смутившись, что появилась некстати, она тут же нашлась:

– Пойдемте пить чай с лимоном.

– Спасибо, Агаша, я лучше утром...

– А ночью то, что будете делать? Пить холодную воду из колодца? Нет, нет, нет! Да и время, самое то – чай гонять!

– Правда, Глеб, пойдете, а я вам составлю компанию. Агаша умеет так вкусно чай заваривать...

– Чай?! Так пироги же готовы! Я и вышла вас посмотреть, – оправдывалась экономка. – А то, и сама убежала, и человеку поесть не дала.

– Под таким натиском даже мои опоры не выдерживают... – ответил, усмехаясь, Глеб. – Кому же не по нраву будут уговоры?!

Все трое весело рассмеялись.

Довольный вниманием, Горчевский про себя подумал: «Как же нам, мужчинам, мало нужно – немного интереса и заботы женщины...»

Агаша расставила чашки, так как в целом, стол был уже накрыт.

– Ты себе не представляешь, – восторженно начала Дея посвящать женщину, суетившуюся у стола, в происшедшее. – Со мной такое было.... Смотри...

Она протянула Агафье подвеску. Экономка всплеснула руками.

– Бог ты мой! Вот так красота! – Агафья осторожно взяла его двумя пальцами, словно боясь разрушить его хрустальную чистоту, и смотрела на него долго-долго, затем вернула. – Не надевай его, пока не очистишь.

Глеб и Дея переглянулись.

– Как это?

– Разве ты не знаешь, что каждый камень, каждый металл, несет в себе информацию...

– А-а-а, вон ты, о чем... Конечно я его почищу.... Во всяком случае, теперь понятно, кто меня сюда поманил... Да-а, хотя правильной было бы сказать зазывал...

– Поздравляю, Дея! Это ваша первая победа в исследованиях дома.

– А мне кажется, что тот призрак...

– Дея, Дея не думайте о нем, ...по крайней мере, сейчас...

– Про какой такой призрак ты говоришь? – переменялась в лице Агафья. Она стала серьезной и даже слегка приподняла левую бровь. Дее ничего более не оставалось, как подробно рассказать о случившемся.

– Ах, ты, Боже ж мой... – запричитала экономка, качая головой. – Опекун объявился, значит опять.... Видать, опять перемены будут...

– Агаша, что с тобой? Про какие перемены, ты, говоришь?

Женщина присела напротив Глеба и замолчала, упершись невидящим, немигающим взором в стол. Дея смотрела на нее и не понимала, что происходит. Почему ее рассказ произвел на Агафью такое впечатление.

Горчевский же сообразил, что они сегодня столкнулись с тайной, которую в деревне стараются избегать.

– Агаша, какой Опекун? О чем ты? Кто такой??

– Так уж повелось в нашей деревне, – чуть помолчав начала Агаша, – ...когда, кто-нибудь из жителей случайно, а... может и не случайно, кто ж его знает, видел Опекуна, то в его семье обязательно что-нибудь происходило. Да, вот только не появлялся он давненько... Эхе-хе-хе...

– Агафья, расскажите подробнее про него, ...про Опекуна.... Это вы призрака называете так?

– Да-да, его, – замахала руками Агаша. – Говорили, что безумный он был, но добрый душой и сердцем. Никому зла не делал... Его любила и привечала хозяйка дома, жена Кирьяновича. Жалела.... Подолгу время проводила с ним.... Говорят, что сам Кирьянович, ревновал жену к нему.

– Это к безумному-то?! – удивился Глеб.

– Болтают, нрав крутой был у купца-то нашего.... Частенько обижал его Самойла, а потом... и вовсе прибил.... Одни говорили, что нашли его мужики деревенские на краю болотца мертвого. В спине, дескать, нож торчал.... Когда его вытащили, да повернули на спину аж испугались... Глаза потухшие, а сам улыбается... Другие говорили, что видели его тело возле штольни Кирьяновича. В руке маленький букетик держал. Вот только все в одном сходились – улыбался он. Бедный мальчик.... С тех пор Сенька Безумный и улыбается всем...

– Агаша, так его звали Сенька? – спросила Дея.

– Да... Я уверена, что Самойла убил его...

– А кто такой Самойла?

– Так звали Кирьяновича.

– Как я понимаю, никто доподлинно не знает, – твердо произнес Глеб, – когда и в каком месте учинили злодейство над бедным юношей, также, как нет достоверных свидетельств того,

что это дело рук Кирьяновича, и причастен ли он вообще ко всему тому, что о нем говорят... Возможно, Самойла Кирьянович сам стал только жертвой наговоров и сплетен...

Агафья промолчала. Дея мельком взглянула на Горчевского, теперь ее занимала эта история.

– Как отнеслась к исчезновению Сеньки жена Кирьяновича? – спросила она.

– А жена его тосковала о бедном своем друге. Он единственный, кто тепло относился к ней... Говорят, будто с того дня, как Сеньку безумного мертвым нашли, Самойла стал еще суровее чем был, как услышит от жены имя Сеньки так зверел на ходу, и так бил ее сильно, что она по несколько дней с постели не вставала... А душа Сеньки частенько стала возле жены Кирьяновича появляться... Как у нее что-то хорошее должно произойти, так он тут же явится, если плохое – она опять его видит. Вот и стала подмечать, каким он к ней является: если смеется – то все хорошо, если грустит – остерегалась...

– И я его смеющимся видела... А потом с Глебом эту подвеску нашли...

– Значит, правду люди говорили...

– Агаша, я, что-то не совсем понял. Если его нашли мертвым, то душа не должна была бы появляться перед живыми людьми. Его же похоронили, верно? Душа, успокоенная должна быть?

– Если бы так оно было, то и я бы согласилась с вами, да тут все не так...

– Или... не совсем по-людски?

Словно собираясь с мыслями, Агафья встала. Молча, поставила разогревать, заново, чайник. Глеб и Дея наблюдали за ее движениями. Пучкова вернулась на место и продолжила:

– Сказывали, не по-людски, однако, похоронен... Вот душа и летает, неприкаянная. Поговаривали, будто Кирьянович пригрозил всем, кто про Сеньку заговорит и самого, и семью его в болоте утопить... А перед трагедией, жена Кирьяновича, Сеньку в слезах увидела...

– Так, что же здесь произошло? – спросил Глеб, пристально глядя на экономку.

– Ой, не знаю, не знаю... Может, что и произошло, а может и слухи только...

Засвистел чайник. Агафья быстро встала, выключила и налила кипятка в заварник. Глеб не спускал с нее глаз. Дея переводила взгляд с Глеба на Агафью, с Агафьи на Глеба.

– И все же вы знаете гораздо больше, чем говорите.

– Да, ничего я не знаю... – отмахнулась Пучкова. – Если и знала бы, не стала говорить.

– Почему?

– Да, потому что незачем жить небылицами!

– Но, ведь мы его видели?! – не удержалась Дея. – Видели!

– Ну и что! Подумаешь! Каждый старый нежилой дом имеет своих духов.

– Я тебя не понимаю. Сначала – рассказываешь, потом говоришь, что ничего не знаешь!

Или ты все же знаешь?

– Да, Агаша, а откуда вы про все это знаете?

– Тетка Клима Маева, плотника вашего, сказывала. Их семья уже не одно поколение здесь живет...

– Может, проведем ее завтра, Глеб?

– Зря только время потеряете... – остановила порыв искателей Агаша, затем встала и налила всем горячего чая.

– Она уж три года, как на том свете. Царствие ей небесное... – перекрестилась Агаша. – Хорошая была старушка. – А сам Клим, что-нибудь знает? – нахмутив брови, спросил Глеб.

– Вам его расспросить нужно. Если и знает, попросту молоть про то не будет.

В комнате воцарилась тишина. Так много событий произошло сразу, что одни мысли мешали другим.

Дея наблюдала, как из чашки поднимались тонкие струйки. Глеб тоже молчал, подперев щеку левой рукой, правой – помешивая маленькой ложкой горячий напиток. Затем быстро его выпил и резко встал.

– Я думаю, на сегодня впечатлений достаточно... Агафья, большое, вам, спасибо и за ужин, и за рассказ...

Глеб вышел из-за стола.

– Да, что вы?! Было б на чем.

– Дея, встретимся утром.

– Да-да, конечно. Поедем в архив?

– Утром разберемся...

Пожелав всем доброй ночи, Глеб быстро ушел. Дея продолжала молчать, глядя в темноту за окно.

Только ночь... Всего-навсего небо, усыпанное миллиардами звезд, различных по яркости, цвету... Темно синий бархат одновременно и манил, и вызывал непостижимый страх своей, необыкновенно глубокой таинственностью. Вместе с тем, именно глядя на него, с древнейших времен, интеллектуально развлекался человек, бесконечно размышляя о прошедшем и будущем Земли, происхождении планет, о рождении звезд и границах Вселенной. Да и по сей день этот интерес лишь повышается, не оставляя без внимания ни единой детали. С любопытством всматриваясь в необъятное звездное небо, людское воображение рисовало причудливые формы. Это в них древние видели контуры животных, птиц, людей, и группировали светила в созвездия, давали им названия и имена ярким, примечательным звездам. Неведомые человеческому разуму божества, своим блеском и движением почитались особо, оставив для потомков различные мифы, сказки и легенды о небе и звездах, созвездиях и планетах, сохранив их древние названия на века. Однако, Дея кроме черного очертания горы на фоне темно-синего неба ничего не видела. Все её мысли были заняты находкой и, пожалуй, всплывающее перед глазами лицо Сеньки, мешалось с мыслями о... бригадире.

– Дея, иди, отдыхай, – прервала молчание Агаша.

– Боюсь, я не усну...

– А ты не бойся. Почитай молитву и закрой глазки – сон сам к тебе и придет. Хочешь, я тебе ромашки заварю успокоительного чайку?

– Спасибо, Агаша... Пойду...

Дея поднялась к себе. Расстелила постель, надела ночную рубашку и подошла к открытому настежь окну.

На, почти черном, небе, не переставая, ярко горели все те же звезды, которые существовали не одно тысячелетие, и сопровождавшая их звездную жизнь, огромная луна, сейчас ярко заливала своим мягким светом всю комнату...

– Что же здесь произошло... Не хочется думать о жутком, ...о трагедии...

Дея отошла от окна и легла в кровать. На душе, было как-то тревожно. Время от времени всплывало перед глазами лицо Сеньки. В его улыбке, непосредственной и детской, просматривалась нескрываемая грусть... От чего же???

Дея долго не могла заснуть, но, в конце концов, силы иссякли и сон сморил ее...

Глава 3

Я не то, что боюсь умереть, просто не хочу при этом присутствовать. Г. Эсса

Несмотря на грустное завершение вчерашнего дня, утром Дея проснулась в прекрасном настроении, привела себя в порядок и спустилась вниз. Агаша уже суетилась возле печи, на плите все кипело и пыхтело. Федор еще завтракал. Увидев Дею, он заулыбался:

– Вот и хозяйка. Доброе утро!

– Доброе, Федор Никифорович!

Бригаду Агаша кормила рано, часов в восемь. Федор завтракал позднее, когда они уже приступали к работе. Дея спускалась в столовую, обычно, когда все уже разошлось по делам, и лишь изредка встречалась с мужем экономки.

Чмокнув в пухлую щечку Пучкову, Дея уселась за стол.

– Вот и ты, – отозвалась Агафья. Ей нравилось их взаимоотношение. – Вижу, выспалась?

– Ага... Глеб еще не появился? – так между прочим спросила Дея.

– Глеб... Глеб уже часа три ходит, все с какими-то приборами возится, устанавливает где-то...

– А-а, понятно... Он, что, не завтракал?

– Нет еще... Сказал, как все соединит, придет.

– Ясно. Фёдор Никифорович, а вы, почему спать не ложитесь, устали, наверно, всю ночь ходить?

– Сейчас пойду...

– У вас в комнате, наверно, жарко ближе к обеду?

– Да не то слово! Духота!

– Возьмите вентилятор у меня в комнате, я же днем не сплю.

– Вот спасибо! В этом году июнь слишком горячий... Ну-с, я пошел... А, чуть не забыл. ... Тут, недалеко, видел я следы большие когтистые... то ли медвежьи, то ли... Хм,... да и сравнить-то не с кем больше... – развел руками Федор. – Медведь..., не медведь... Черт его знает...

Дея удивленно взглянула на него.

– Не чертыхайся, Федь! – строго сказала Агаша.

– Здесь и медведи есть? Лося уже видела...

– Фёдор, октись! Откуда здесь медведю-то взяться! Сроду не было. Хватит людей пугать за зря. Иди спать уже!

Пучков встал из-за стола.

– Кто его знает, ... а может и показалось. Ладненько... Агаша, ты меня часиков в 11 разбуди, а то ребятам помочь надо.

– Ладно, иди...

– Всем доброе утро... – раздался бодрый голос Глеба, входившего в столовую, чуть наклонясь, чтобы не удариться головой об косяк двери.

Столкнувшись в дверях, мужчины, обменялись приветствием.

– Утречко доброе... – ответила Агаша и засуетилась ещё больше.

Дея не сразу признавая его, весьма удивилась, но явного любопытства выказывать не стала. Она и так сидела в пол-оборота, что только краем глаз могла рассмотреть бригадира, потому поворачиваться не стала.

Как известно, угол бокового обзора женского глаза достигает отметки в сто восемьдесят градусов, что на порядок больше мужского. Природа, в мозг хранительницы очага, зало-

жила программу, позволяющую отчетливо видеть достаточно обширный спектр объектов, а потому во время взгляда он пытается расшифровывать и детализировать информацию, которая попадает под обозрение. Поэтому более глубокое развитие бокового зрения, доставшегося после процесса эволюции, вполне позволял молодой хозяйке разглядеть внешний вид мужчины. Одет он был в бордовую футболку, внутри которой, на шее, сверкала мужская золотая цепочка; в тех же потертые джинсы и кроссовки, и теперь был без кепки. Лишь модная щетина осталась неизменной. Как оказалось, волосы у Глеба были густые и черные, как смола. Молодая женщина обратила внимание на особенности фигуры Горчевского – накаченные мышцы рук, груди, шашечки на прессе живота, вырисовывались сквозь тонкую ткань футболки – эдакий современный Аполлон, да и только. Всё в нем выдавало человека, имевшего отношение к спорту.

От наблюдательности Глеба не укрылся самый удивительный, присущий только женщине, момент истинного любопытства, граничащего с проявления ее тонкой хитрости. Он улыбнулся еле заметной улыбкой.

Поприветствовав бригадира, Дея поймав себя на том, что не ожидала увидеть преобразенного мужчину, скорее постаралась оправдаться, что вчера не успела его должным образом разглядеть – куртка на нем была застегнута полностью, да, и кепку он не снимал. Дея не подала виду, что он вызвал в ней жгучую заинтересованность, продолжая изображать равнодушие, считая, это эффектное появление, намерением Глеба всего-то, произвести на нее некоторое впечатление.

А, собственно говоря, почему бы и нет?!

– Чудеснее утренней природы нет ничего: птицы поют, воздух свежий, тепло. Что может быть лучше и замечательнее?!

– Да, с этим сравниться ничто не может. Присаживайтесь, – пригласила Дея, про себя отметив, что и выглядит он сегодня заметно отдохнувшим.

– Я почувствовал, что вы уже здесь и решил все же проверить свою интуицию. Как видите, не ошибся!

– Ваша интуиция работает только в отношении меня?

– В данный момент – только в отношении вас, поскольку Агафья имеет собственного мужа, и думаю, его интуиция в отношении неё гораздо чувствительней.

Все весело рассмеялись.

– Ха-ха-ха... еще, как чувствительна, – вставила Агаша сквозь смех, продолжая колыхаться всем телом.

– Одна из тайн той женской прелести,

Что не видна для них самих –

В неясном, смутном, слитном шелесте

Тепла, клубящегося в них¹²

– Хотите сказать, наша тепловая энергетика отражается на всех приборах и датчиках?

– Если энергетика положительная – все приборы зашкаливают.

– Кому принадлежат эти строки?

– Эти? – мои!

Дея рассмеялась.

– Четверостишье?

– Это «гарики» Губермана. Много он в отношении вас, женщин, правильных вещей пишет. Если честно, то я, конечно, не со всеми его колкими замечаниями или, полными сарказма, высказываниями согласен...

¹² И.М. Губерман

Приятное сообщество, удовлетворенное коротким утренним общением, вовсе не печалил тот факт, что собралось оно на кухне этого полуразвалившегося дома. Добродушные люди, без корысти и злобы, все они жили с верой в прекрасное будущее, не забывая при этом приложить некоторое, не только физическое усилие, но и умственное. Их хорошее настроение сегодня свидетельство того, что накануне они не имели недостойных, их головы, мыслей.

Агаша в третий раз уже за утро накрыла на стол.

– Что решили? Сегодня поедете или здесь будете? – спросила она, разливая чай. – Обед готовить на вас, али как?

– Мы поедем в архив. Пообедаем в городе. Дея, вы, не против?

– Конечно, нет.

– Завтракаем, и сколько вам нужно, чтобы собраться?

Не смущая молодую женщину, Глеб беглым взглядом окинул внешний вид хозяйки усадьбы – ничего кричаще и со вкусом, попутно отметив про себя, что она прекрасно сложена. На Дее были летние белые, слегка заузненные брючки с манжетами внизу, еле-еле прикрывающие тонкие лодыжки. Темно-изумрудный цвет рубашки, с коротким рукавом заметно подчеркивал блеск больших глаз, глубокого серого цвета с оттенком влажного тумана, менявшего легкий оттенок зимней рапсодии при непомерно ярком свете, выделявшихся на фоне правильных черт ее лица, под изгибом бровей слегка приподнятых, придававших ее лицу вид восхищенного удивления. Осветленные волосы обрамляли овал головы модной короткой стрижкой, больше походившей на мужскую. Под легкой тканью рубашки, достаточно просторной, при движении, проявлялись линии красивой груди. Расстегнутый ворот в две верхние пуговицы, открывали длинную шею и белизну нежной кожи, не успевшей ещё сгореть на открытом воздухе, а чуть приоткрытый мыс Венеры – сам по себе уже щекотка для мужских фантазий. Короткие рукава подчеркивали изящество тонких рук. На ногах была белая легкая спортивная обувь из плотной ткани, очень напоминавшей парусин.

– Я готова, только сумочку возьму и очки от солнца.

– Отлично. Бригада задание получила, беспокоиться не о чем. Временем располагаем. Но и задерживаться не будем.

– Увидите Михал Михалыча, привет передавайте, – сказала Агаша, подкладывая горячие оладьи в тарелку Глеба.

– Это кто? – спросила Дея. – И, где мы его можем увидеть?

– Это наш родственник. Федора дядя. Он в архиве каким-то специалистом работает. Вы же к нему едете, не так?

– Что ж ты раньше не сказала, Агаша? – укоризненно произнесла Дея.

Глеб смотрел на нее усмехавшимися глазами. И только Агаша это заметила.

– Чтобы это изменило?! – сказала простодушно Пучкова, снимая со сковороды очередную партию оладушек. – Ты все равно к нему едешь только сейчас...

Плотно позавтракав, иначе Агафья бы не выпустила из-за стола, Дея и Глеб вышли во двор, где стоял новенький джип, сверкавший, как сапфир, в лучах утреннего солнца. Молодая женщина вопросительно воззрившись на Горчевского. Он только улыбнулся, открыл перед ней переднюю дверцу, сделав жест – приглашение на посадку. Дея без сопротивления запрыгнула, и уже удобно усевшись, выдержав паузу – дождалась, когда Глеб сядет за руль, наденет защитные очки, заведет машину – и только тогда спросила:

– Так откуда сия прелесть?

– Заблаговременный и предусмотрительный закуп. Николай Романович поручил мне обеспечить восстановительные работы, и вас, в том числе, всем необходимым. Вот я и стараюсь выполнять указания высшего руководства без возражений, так что – это часть плана.

– Рядом с нами автошопов нет, а машина стоит с утра.

Глеб весело рассмеялся.

– В наблюдательности, вам, не откажешь. Условия приобретения были таковыми, что автомобиль должны были пригнать на следующее утро после моего приезда. Как видите, условия договора выполнены.

– Какие вы с папой молодцы, – рассмеялась Дея. – Хотя, целесообразней было добираться на ней.

– Согласен...

Более ничего не объясняя, Глеб завел двигатель и автомобиль начал свое медленное движение со двора, между двумя неплохо сохранившимися пилонами, стоявшими по сторонам выезда, такими же, как у входа на территорию парка. И там, и тут, на пилонах были красивые барельефы, узоры, надписи и рисунки, которые еще предстояло изучить.

Агафья, наблюдавшая в окно за Деей и Глебом, осталась довольна их взаимоотношениями.

«Ну, вот, кажется и Дея повеселела. Может, и не сразу, но, кажется, они придут к соглашению... во всем...» – порадовалась она про себя, провожая взглядом покидавшую двор машину.

По пыльной проселочной дороге, джип несся навстречу своему неизвестному будущему, мимо небольшого поля, поросшего рожью; густого леса, полного загадочности, где под сенью деревьев было тихо и свежо; живописной полянки, утопавшей в море ромашек, душистого клевера, окруженной курчавыми зарослями; красивого ручья, с пологими бережками. Несмотря на скорость автомобиля, картинка вдали оставалась неподвижными – это были горы, не такие торжественно высокие, как на Кавказе, но тоже по-своему прекрасные, отливавшие малахитом леса. Если получасовая тряска напрочь и отбивала желание о чем-либо говорить, то молчаливую возможность Дея использовала по-другому – упивалась очарованием местного ландшафта... Небо, с пушистыми, небрежно повисшими на нем облаками, бледнело. Если приглядеться, то можно было заметить легкое кристальное мерцание, едва их касались лучи, поднимавшегося солнца. И казалось, когда они растворятся совсем, исчезнет прозрачный вход в другие измерения. В них воображение черпало вдохновение! Легкий ветерок, играючи разбавлял волшебство утренней свежести чарующим ароматом трав, еще не подсушенных жарким солнцем, превращая воздух – стихию интеллекта, мыслей царство – в мощный магический инструмент. Видимо и птицы чувствовали это чародейство – не смолкая пели, перебивая друг друга, при этом перелетая с одного дерева на другое, вдруг резко взмывали ввысь, снова опускались и исчезали в звенящей зелени листвы. Различные бабочки – пестрые, однотонные, с какими-то дивными неземными узорами – порхали парами и поодиночке с цветка на цветок, переполняясь радостью и счастьем. Всё живое своим движением и голосами заполняло природу. Казалось, что все способные дышать и двигаться не только трепетно наблюдали красоты лета, но и спешили, как можно больше впитать его, запечатлеть, и у каждого были свои методы, и свой набор возможностей...

Глеб внимательно следил за дорогой, крепко сжимая, своими сильными руками, штурвал новенького автомобиля. Но не машина была сейчас для него главной фигурой. Его внутренности пульсировали от радости и счастья, что он наедине с ней, пусть, даже и несмелы его первые шаги в этом направлении...

«Черт! Черт! Черт! – неожиданно пронеслось в мужской голове. – Я же обещал себе держаться от неё подальше... Похоже она сама есть та сила, с которой мне не справиться... А если вновь повторится...»

Горчевский украдкой взглянул на Дею, поглощенную созерцанием природы. Хотел, было, он отделаться от мыслей, в которой молодая женщина занимала большую их часть, играла основную роль, да не тут-то было. Он вспомнил, сколько раз просыпался среди ночи и бисер пота, как пузырьки взволнованной воды покрывали все его тело, от того, что снилась она. Как перехватывало его дыхание, каждый раз, когда Николай Романович, мимолетом, упоминал о дочери. Сколько трудов ему стоит сейчас, встретаться с ней, говорить, и при этом держать

дистанцию... Миновав еще одно поле, небольшую липовую рощицу, попутно окунувшись в незабываемое благоухание соцветия, джип выехал к Ардыгели и по мосту выскочил на другой берег, на асфальтированную дорогу. Наконец, перестало трясти и рукотворное достижение современности представилось ровной, уложенной по последнему слову технического прогресса, дорогой, превратив её в совершенство, что позволяло до Нейвы домчаться быстро.

Дея взглянула на Глеба.

– Мне показалось, что в вашей жизни амазонит, каким-то образом оставил след? Я не права?

– От чего же – правы.

Во мне... живет змея воспоминаний,

Недвижно спит она под бурями страданий,

Но в безмятежный день терзает сердце мне, – улыбаясь отшутился он строками Адама Мицкевича, взглянув на спутницу.

– Ну-ну...

Того змея воспоминаний,

того раскаянье грызет...

– поддержала Дея весёлый тон строками Пушкина.

Горчевский весело рассмеялся. Было видно, что все, происходящее, на данный момент с ним, доставляет ему удовольствие. Ей же понятно, что он не хочет и не готов делиться своим тайным.

«Что ж, пусть так! – подумала Дея. – В конце концов, у каждого свои скелеты, в его собственном шкафу...»

Больше она не стала о чем-либо спрашивать Горчевского. Лицо его было чуть напряжено, но незнающему этого человека, показалось бы каменно-спокойным. За темными стеклами очков, скрывался взгляд, устремленный вперед, в тоже время, способный выдать думы Глеба. При каждом их движении, он еще с большей силой сосредотачивался на дороге. Ему хотелось спрятаться от тех мыслей, которые сейчас копошились в голове, словно червь в осенней листве. Одно Горчевский знал точно, что не хочет ни внимать им, ни принимать их.

Через пятнадцать минут въехали в небольшой и старый городок со странным названием Нейва, сохранивший в себе тот безупречный дух былого, что так нравится нам сейчас, когда мы касаемся прошлого.

Низкорослые, одно и двухэтажные, постройки перекликались со старинными особняками, горделиво выпячивающими свой изумительный фасад, утопая в пышной растительности. Короткие улицы и улочки, плавно соединяясь, вели в следующий переход, и так было бесконечно, отчего казалось, что улиц здесь великое множество, и все они запутанные, напоминающие паутину. Население примерно в пятьдесят тысяч и обилие улиц, улочек ничуть прибывших не смущало, да и городок от этого свою самобытную прелесть не терял. Напротив, глядя на нескончаемое движение людей, приходила на ум только одна святая истина – движение – это жизнь. И все же центр у него был. На нем то и находилась городская ратуша. Ну, хорошо, хорошо, пусть здание Администрации района, хотя сути это не меняет. А по выходным площадь заполнялась торговыми рядами и отдельными лотками со всевозможными товарами. Нейва, как провинциальный городок, ничем особенным не отличалась в своей этой обыденной жизни от других таких же малых городов со своей неповторимой историей и исключительным прошлым. У первого встречного постового Горчевский уточнил направление.

– Порядок в танковых войсках, – весело сказал он, вернувшись в кресло водителя.

– Не уж то так все весело?

– Именно! Прямо знаменитость наш Михал Михалыч! Этот постовой, то же оказался его родственником.

Дея рассмеялась.

- И кем же приходится постовой?
- Племянником! Так что, нам велено еще один ПРИВЕТ передать.
- Не так уж это обременительно.

Короткие улицы провинциального, но чистенького городка быстро привели путешественников к заветной цели. Старинное здание красного кирпича видно было издали. Без лишней вычурности и помпезности, он скромно хранил в своем облике задумку архитектора или быть может, учтено и исполнено пожелание бывшего хозяина.

Фасад его отделан необычным орнаментом, и это было единственным украшением трехэтажного здания, бывшего аристократического особняка с большими окнами.

Автомобиль Глеб остановил напротив входа в Государственный Архив, о чём свидетельствовала табличка, прикрепленная к стене здания. Дея вошла первой, следом шел Горчевский, о чем-то размышляя.

– Вы к какому специалисту идете? – спросила пожилая женщина, сидевшая за письменным столом, перекрывавшим вход в длинный коридор.

– А-а, простите... – начала было Дея, так как не сразу обратила внимание на нее и немного растерялась от неожиданного вопроса.

– К нам просто так нельзя. Не положено! Нужно записываться заранее.

В коридорах здания стоял гул, будто гудел пчелиный рой. Люди негромко переговаривались, а движение совершалось не просто суматошливо, а озабоченно беспорядочно. Одни ходили из кабинета в кабинет, другие сидели на лавочке возле двери, кто-то списывал образец, кто-то тут же заполнял бланки. Эта суэта отвлекала внимание, так что заметить сразу маленькую женщину, да еще такой значимой должности, как дежурный, было вполне естественным.

– Мы не знали, что нужно записываться... Мы ищем Михал Михалыча... – нашла Дея. – Подскажите, пожалуйста...

Женщина окинула изучающе-холодным взглядом и строго произнесла:

– Я сейчас ему позвоню... – и с важным видом стала быстро набирать внутренний номер. – Михал Михалыч, тут к вам пришли.... Откуда? Сейчас все узнаю. Откуда вы?

– Мы из... Е...

– Из Екатеринбурга говорят, – опередив Дею, продолжила она, не обращая никакого внимания на присутствующих, сосредоточившись полностью на разговоре. – Хорошо...

Это так здорово, когда видишь специалистов, неважно больших или малых постов, способных вносить свою правду жизни, в собственное понимание должностного регламента и так четко, и чутко относящихся к собственному труду, а также, не забывая о великом уважение к собственной значимости.

Женщина положила трубку и совсем мягко, почти добродушно обратилась:

– Сейчас дойдите до конца коридора и по лестнице поднимитесь на второй этаж. Кабинет № 34, с правой стороны будет.... Там увидите...

– Спасибо, – поблагодарила Дея.

Долго искать не пришлось. Глеб и Дея подошли к двери кабинета №34, увидели небольшую табличку с надписью.

– Старший специалист 1 разряда Михаил Михайлович... – успел прочитать Глеб, когда неожиданно дверь отворилась и на пороге очутилась невысокая, лет пятидесяти, полноватая женщина, в прозрачной блузе, темной юбке до колен, с вырезом спереди и цветастом платке. Пришлось чуть посторониться, чтобы особа, с озабоченной миной оглядев стоявших возле двери, скривив тонкие, накрашенные яркой помадой, губы, прошла, рисуя полукруглыми боками знак бесконечности, при этом тяжело ступая, будто каждый шаг ей давался с огромным усилием.

Пока внимание Глеба и Деи отвлеклось на удаляющуюся женщину, перед ними возник среднего роста, худощавый, пожилой мужчина в черном костюме, в синем галстуке поверх

светло-голубой рубашки, лет под шестьдесят пять, с редкими, седыми, выющимися волосами, чуть длинноватыми сзади. Его маленькие, серые глазки в очках золотистой оправы быстро и оценивающе пробежали по мужчине и женщине. Типичный представитель своей профессии, архивариус вежливо пригласил войти.

– Доброе утро, – мягко, с едва заметной хрипотцой, приветствовал архивариус. – Я, Михаил Михайлович Далина, но все меня привыкли называть Михал Михалыч, так что, не думаю, что откажу в любезности, позволив и вам называть меня также.

– Здравствуйте, – негромко поприветствовала Дея, слегка улыбнувшись.

Радушным приветствие Далина сразу расположил к себе гостей.

– Дея Мальвиль, хозяйка... Нынешняя хозяйка особняка Кирьяновича, – представил Глеб. – Горчевский, – пожал руку специалиста. – Глеб, руководитель бригады восстановительных работ.

– Вот как?! Что ж очень приятно... Проходите, присаживайтесь... Чему обязан вашему визиту?

– Для начала, Михал Михалыч, разрешите передать вам «Приветы»...

– Мы, конечно, не на «Поле чудес», но мне приятно, что кто-то еще помнит старика. Рад услышать. Так от кого «Приветы»?

Серые, почти бесцветные глаза пожилого человека весело улыбались, собрав морщинки в кучу в уголках глаз.

– От Агафьи и Федора, от племянника вашего Олега...

– Спасибо, спасибо... Я действительно с ними давненько не виделся. Устаю на работе, а в выходной хочется дома побыть... Так, что вас привело к нам?

Дея и Глеб рассказали о цели своего визита. Михал Михалыч помолчал, но потом встал, сосредоточенно смотря в центр своего рабочего стола, на котором были разложены всевозможные бумаги. И, как успели заметить Глеб и Дея, часть из них были довольно сильно потрепаны временем.

– Да-а, придется поискать эти записи... – разговаривал сам с собой Далина, потирая подбородок. Немного погодя, уже обратился к сидевшим напротив него Глебу и Дее: – Вот уж не думал, что это кого-нибудь может заинтересовать... Хм... Я ведь, признаться, тоже в одно прекрасное время пытался об этом особняке материал собрать... да потом так и забросил... Чем-то меня другим отвлекли... Вы правильно сделали, что сюда пришли. Вся историческая документация, как раз хранится здесь. У нас есть еще один корпус, там в основном весь досоветский период с 1900 года и по нынешний день... Пойдемте со мной в подвал... А, вы, душа моя, – он обратился к Дее, – можете накинуть кофточку.

– Ничего, я потерплю.

– Ну, как знаете...

Выйдя из кабинета Далины, все трое прошли по коридору буквально до следующей двери. Пожилой архивариус достал ключи и отпер. Компания очутилась на небольшой площадке, а дальше виднелась винтовая лестница, ведущая вниз. Как оказалось, это был спуск на цокольный этаж. Спускались недолго, и в скором времени пред глазами предстал безразмерный зал, конца и края, которому, казалось, нет. Архив занимал всё пространство под зданием. Высоких шкафов, где хранились документы, было бесчисленное множество, но это только на первый взгляд. Все они были одинакового стандартного размера, покрытые светло-серой краской. На каждом из них стояла своя нумерация цифровая и буквенная, да каждый ящик имел краткий справочник.

– Исторические документы у нас хранятся на нулевом этаже, при особой температуре...

– Михал Михалыч, у вас редкая фамилия, – сказал Глеб для поддержания разговора, пока архивариус вел, известными только ему, тропами меж шкафов.

– О-о, это да! Хорошо хоть не Бухта и не Утес...

Раздался веселый смех. Его внешность никак не соответствовала его внутренней энергии и юношескому задору. Было в этом пожилом человеке, что-то необыкновенно живое и энергичное, что так располагало к нему. Чувствовалась в нем жизнь, которую, он явно спешил опередить, в чем бы то ни было, не уступая ей ни полсекунды своего пребывания на земле.

– А сколько вам лет, извините за нескромный вопрос? – спросила Дея.

– Столько не живут, душа моя, – пошутил Далина. – Мне – 78...

– 78?! – удивились Глеб и Дея в один голос, приостановившись.

– Да, а чему вы удивляетесь? Мне давно уже пора сидеть дома и внуков нянчить, да дело свое люблю.

– Вам не дашь больше 60-ти, – проговорил Глеб, все еще изумленный.

– А, в нашем роду все такие, как я – худосочные, жилистые и долгожители.

– У вас вполне отличная физическая форма, я бы даже назвала спортивной, – вставила Дея. – Зря вы на себя наговариваете.

Троица, быстро найдя общий язык, друг с другом между тем продвигалась все дальше и дальше вглубь безразмерного хранилища.

– Это вы, верно, подметили, что спортивная. Я же бывший атлет. Так сказать, моя спортивная карьера идет плюсом к моим генам. Как привык свое тело в определенной форме держать, так всю жизнь с этим и живу, не меняя распорядка... Ну, вот, почти пришли...

Пока шли меж шкафов, Дея почувствовала легкое головокружение, но это продлилось недолго и прошло.

Еще раз, повернув налево, Далина остановился. Откашлялся, выдвинул один из многочисленных ящиков с № 134528.

– Сейчас мы их явим свету...

С этими словами он принялся аккуратно перебирать костлявыми пальцами папки с надписями, файлы, листы. Дея и Глеб внимательно следили за движениями его рук и, несмотря на то, что не совсем понимали, что именно Михал Михалыч ищет, глазами переворачивали документы.

– Ага, вот они...

Далина вынул папку с кучей бумаг внутри.

– Пойдемте к столу...

Он направился к стене, возле которой стоял довольно таки скромный грубоватый стол, образца советских времен, застеленный плотным темно зеленым сукном. Положив папку посередине, развязал верёвку, сдерживавшую её внутреннее содержимое, которое сразу покатилося на стол каскадом. Далина из всей кучи выбрал нужные документы. Все склонились над пожелтевшими страницами.

– «В 1237 Старая Шуйца была сожжена ханом Батыем, но княжество еще долго сохраняло самостоятельность. С 1520 по восточной границе княжества была проложена оборонительная линия от татарских набегов. Часть мужского населения, составляло основную массу ополчения, и ушло в леса. Частыми неожиданными набегами приводили в бешенство монгольских военных начальников. В 1615 после предательства собственного князя, на Старую Шуйцу совершили набег ногайцы. Город был разграблен и сожжен дотла. Население подверглось насилию и уничтожено. К моменту нападения, ополченцы находились далеко и не успели вовремя вернуться. После того, как засечная черта прошла южнее, край утратил свое оборонительное значение. Недалеко от сожженного города, оставшиеся в живых, ополченцы, отстроили новое поселение Елань...» Так-так... Ну, с этим понятно. – Горчевский читал очень быстро. – Это историческая справка о Старой Шуйце, но об истории Еланьки всего два слова...

Старый архивариус ненадолго отвлекся от бумаг, которые просматривал и аккуратно складывал в стопку, затем вновь вернул свое внимание к ним.

– Это... для общего представления о местах вашего пребывания... Так-так-так... Ну, вот, смотрите... Я очень долго копался в различных документах и нашел такую запись в одной старинной книге. Оказывается, Кирьянович откуда-то привез свою жену, настоящее место не указано, но она точно не была православной.

– А как вы об этом узнали, насколько я вижу, здесь данных нет на этот счет?

– Верно, вы заметили, молодой человек, но есть другой... так сказать момент, – Далина стал быстро перебирать бумаги своими крючковатыми пальцами. – Документ, пока не нашел, но... где-то он есть... Очень... нужный документ... Ага, вот он, – архивариус, торжествуя, аккуратно достал очередной желтый лист. – Смотрите, запись мелким шрифтом... Она перед венчанием приняла православие. Обвенчался с ней Самойла по всем правилам и канонам.

– Может быть с Урала? – спросила Дея.

– Почему именно с Урала? Может быть с Сибири. Главное, что там мог делать Кирьянович?! Тут предположения будут появляться одно за другим. Нееет, это скорей всего не такая даль... – Глеб подозрительно смотрел на документ, как-будто пытался заставить его сказать правду. Но даже через многообещающее презрение разглядеть ответ на свой вопрос у него не получилось. Состарившийся лист бумаги этим не возьмешь. Он остался глух и нем.

Дея пребывала в молчании, ровным счетом ничего не понимая.

– Я в тех краях не была и даже не представляю, себе, те места, но судя по возгласу Глеба, это далеко.

– Далеко, но надо учесть следующее, – изрек скромный «канцлер» великого мира исторических документов, поправив очки. – Во-первых, Кирьянович был купец; во-вторых, бизнес без процесса перемещения по различным территориям невозможен, тем более в то время, и, в-третьих, возможно, у него имелись свои на то причины, чего мы с вами узнать не сможем, и даже если захотим. Здесь еще есть интересные записи, вам стоит на них взглянуть.

Далина передал папку Глебу.

– Мы выявили персонажей, но основные действия остались покрытые темной вуалью таинственности.

– В вопросах истории, молодой человек, спешить нельзя, особенно когда вы хотите глубже проникнуть в ее недра. Как только она почувствует вашу поверхностную в ней заинтересованность, попросту говоря, дилетантство, доступ в свою вотчину тут же заблокирует.

– Я понимаю, но человеческое нетерпение берет верх.

– Ни наше мнение или даже критическое замечание в ее адрес, ни попытки ускорить процесс, не помогут заставить ускорить процесс раскрытия всех тайн. Всему свое время.

– Михал Михалыч, вы можете подтвердить или опровергнуть, тот слух, что Кирьянович нашел необыкновенный камень, который принес ему несметные богатства? – спросила Дея. – Будто он рыл пещеру недалеко от Еланьки?

– Подтверждения этому я не получил и сам, когда занимался данным вопросом. Нет совершенно никаких сведений на этот счет, ...если только вы найдете что-нибудь внутри дома. Что до пещеры, слышал о ней, но не более.

– А сами не хотите присоединиться к нам? Думаю, если для вас этот дом уже однажды представлял крупный интерес, то совместными усилиями мы могли бы накопать гораздо больше значимых фактов и, возможно, артефактов...

– ...если они там есть, ...а в том, что они там есть, я нисколько не сомневаюсь... Предложение, конечно заманчивое... – задумался архивариус. – Да, засиделся я давненько на одном месте... Ну, хорошо. Завтра поговорю с руководством и приеду.

– Ой, вот порадуете Агашу с Федором, – радостно воскликнула Дея.

– Так-то оно так, а вот я, молодые люди, не спросил о самом главном. Любопытство мной владеет полностью, а есть ли свободные комнаты? Насколько я понял, отреставрировано только очень незначительная часть усадьбы, а стеснять кого-либо, знаете ли, мне бы очень не хотелось.

– Комната, небольшая есть на первом этаже, – сказала Дея. – Там живут Федор с Агашей. Мы с ней, на время, поселимся на втором этаже, нам места хватит, а вы могли бы устроиться с Федором Никифоровичем – внизу, тем более, что он спит в основном днем и то немного. Комната, рядом с кухней, в которой – царица Агафья. Газ привозной, проблем с готовкой – нет.

– Тогда меня все устраивает.

– Эти комнаты, – вставил Глеб, – тоже будут ремонтироваться, как и все остальное. Из всех сохранившихся, эти более-менее пригодные для жилья. Там косметический ремонт произведен из расчета, что жилье, как временное пристанище, может послужить нескольким людям. Касаемо восстановления, Михал Михалыч, здание только-только начинает исследоваться. Реставрационные работы как таковые, пока только мечты. Слишком большие разрушения.

– Кстати о разрушениях... Там среди бумаг есть проект усадьбы.

– Вот это особая ценность, Михал Михалыч! Было бы здорово, если бы и вы смогли принять серьезное участие, – с надеждой на согласие изрек Глеб.

– Поглядим... Ну-с, молодые люди... К великому сожалению, я более не располагаю временем. Дея, Глеб, завтра созвонимся. Эти бумаги можете взять с собой. Приедете, посмотрите, может, найдете то, чего не заметил я.

– Спасибо, Михал, Михалыч, за помощь.

– Ну, пока еще особенной помощи не было. Пойдемте, провожу.

Далина вышел вместе с Деей и Глебом на улицу. На крыльце здания мужчины обменялись номерами телефонов и, когда попрощавшись, уже собирались разойтись, Глеб неожиданно обернулся.

– Михал Михалыч, а как вы будете добираться?

– Как-нибудь доберусь, – махнул рукой Далина.

– Так не пойдет. Я послезавтра за вами приеду.

– Созвонимся, – кивнул пожилой архивариус. – До свидания.

– Всего доброго, Михал Михалыч, – почти в один голос попрощались с архивариусом Глеб и Дея.

Солнце стояло высоко и припекало основательно. Дея ждала возле автомобиля. Она рассматривала прилегающую небольшую мощеную площадь, в центре которой виднелась высокая башня с часами.

«Кажется, что пробыли немного, а уже полдень!» – подумала она.

Глеб опустился в нагретое кресло автомобиля и недовольно поморщился. Не проводя аналогию с горячими углями, ощущения были такие, словно присел на перегретую скамейку в сауне. Внутри автомобиля создалась духота. Горячий воздух проникал в легкие, будто обволакивал их изнутри пленкой. Дышать становилось трудно. Горчевский открыл окна, но легче не стало, извне влетел суховей. Он быстро поднял стекла и включил кондиционер. Повеяло долгожданной прохладой.

– Вы голодны? – заботливо, спросил он, наклонясь так, чтобы Дея могла видеть его лицо.

– Я вполне могу потерпеть, но вот что действительно не терпится, так это вернуться и полистать эти бумаги. Лучше пусть Агаша нас покормит.

– Извольте. Вернемся.

Заглянуть в глаза женщины ему не получилось, так как Дея уже была в очках, защитив их от палящего солнца. Пока выезжали из города ни Дея, ни Глеб не говорили между собой: он – думал, она – не напрашивалась на разговор. Уже на трассе, лишь раз, Глеб взглянул на Дею и спросил:

– Каковы впечатления от поездки?

– Вполне довольна. А вы?

– А я буду доволен, когда получу результат реальный.

– Это, конечно, правильно. Во всяком случае, я довольна даже тем результатом, который уже есть.

Глеб ничего не сказал в ответ. Но когда выехали за город, неожиданно сказал:

– Меня заинтриговала эта Кирьянкина нора... Что он там мог искать и найти?

Теперь Дея замолчала и погрузилась в свои мысли. Не проронив более ни слова, они доехали до усадьбы. Въезжая во двор Глеб отметил:

– Так, ребята молодцы, уже и электричество протянули. Будет теперь во дворе ночью, как днем.

Дея обратила внимание, что над усадьбой и сейчас было светло – бескрайнее, чистое небо, с бледной лазурью. Макушки деревьев, врезавшиеся в небо, как-будто пытались его проткнуть в поисках прохладительных капелек, но – увы! Летняя жара началась в мае, так что сейчас она была уже в самом разгаре, и о дожде оставалось только мечтать.

Двор был, как обычно, оживлен, и напоминал муравейник. Рабочий люд суетился. Каждый был занят своим делом. Автомобиль остановился возле крыльца, на котором путешественников уже ждала Агаша.

– Добрый день... – громко поприветствовала Агафья.

– Привет, Агаша, – чмокнула в щечку экономку Дея, выйдя из машины.

– Добрый день, Агафья. Привезли, вам, хорошие новости. Михал Михалыч обещал завтра, но я, так думаю, скорее, послезавтра приедет в гости.

– Ой, Глеб! Да, что, вы?! – всплеснула руками Агаша. – Нечаянная радость!

– Да уж нечаянная?! Дел у него много, вот и не мог выбраться. Если бы не Дея, неизвестно, когда б он еще собрался в эти края.

– Ой, Дея, спасибо.

– Нашла, за что благодарить...

– А я вас давно жду. Стол накрыт. Пойдемте, пойдемте в дом. Сейчас кормить буду. Небось, проголодались?

– Да не то слово, – пошутил Глеб. – Хозяйка, как услышала подробности про имение, так и о еде забыла.

Все дружно рассмеялись. К ним подошел один из рабочих.

– Бригадир, электрику, для ваших работ, провели, – отчитался он.

– Вижу, вижу, хорошо, Руслан. Я посмотрю, спасибо. Ты хотел уехать сегодня, изменились планы?

– Да, решил, что вам буду полезней...

Руслан Казарцев крепкий, смуглый молодой мужчина, тридцати семи лет, ростом чуть ниже Горчевского, виновато опустив, свои чуть раскосые, глаза, топтался на месте, не решаясь уйти. Всем своим видом мужчина показывал, что имеет нечто важное сообщить, но не знает с чего и как начать.

– Руслан, что ты мнешься? Что-то случилось? – внимательно наблюдал за мужчиной, ставший серьезным Глеб. – С кем-то из ребят?

– Ладно, потом поговорим... Глеб, подойди, как освободишься.

Казарцев повернулся и собирался уже уйти.

– Постой. Рассказывай.

Дея и Агаша, поняли, что мужчинам нужно побеседовать друг с другом наедине, зашли в дом.

– Похоже, что-то нашли, но без вас не стали смотреть?

– Пойдем, покажешь.

– Может ты...

Глеб уже его не слышал. Перебирая в голове все предположения, какие может таить неизвестность усадьбы, насупив брови, большими шагами он направлялся в ту часть дома, где были

приостановлены работы. Бригада получила передышку. Мужчины сидели на бревнах, лежащих тут же во дворе. Некоторые весело переговаривались, кто-то, молча, курил, выпуская клубы сизо-ядовитого дыма. Ни на кого, не обращая внимание, Глеб прошел мимо. Ноги подгоняло любопытство. Разум влекла «тайна», очарование, которой в том и состоит, что человек никогда не будет ни слишком молод, ни достаточно стар, для того, чтобы перестать любить различного рода секреты и загадки от чего или кого бы они не исходили.

Уже виднелись результаты отдельных этапов работ. Сгнившие доски, когда-то представлявшие собой хороший пол, были удалены, но пока не везде. Надо отметить, что в большинстве помещений и коридорах ни деревянных, ни тем более каменных полов давно не имелось, а земля, поросшая высокой сорной травой, была единственным покрытием. Не сказать, что это облегчало задачу. В одном из помещений, мимо которых шли мужчины, после вскрытия пола, обнаружались каменные гладкие плиты, в идеальном состоянии, если учесть, сколько они здесь пролежали.

Горчевский на мгновение задержал свое внимание на них. Несмотря на то, что плиты были покрыты толстым слоем пыли, середина была практически чистой, и по ровной поверхности, как по маслу, растекались отблески света мощных ламп, благодаря одного из поручений Глеба, перед отъездом утром – электричество протянуть во всех направлениях, где шли работы, включая двор. Солнечного света, местами, было недостаточно, и провода тянулись везде, куда освещение требовалось больше всего. Но не везде представлялась возможность прикрепить временный светильник, и в этом случае переноска являла собой палочку-выручалочку. В крупногабаритных прожекторах пока острой надобности Глеб не видел. И сейчас яркий свет ламп позволял отчетливо разглядеть видневшиеся участки, где части полукруглых арок кирпичной кладки, уходили под плиты и это был намек на то, что «копать» нужно глубже. С точки зрения строительства, возможно, такое нестандартное решение вопросов и не вызывало, однако выглядело, по меньшей мере, странно, так как полы были подняты и уложены довольно высоко над плитами. В некоторых усадьбах, конечно, имела своя система теплых полов, даже конюшен, но что она применена здесь – не похоже.

Для чего и зачем такие хитрости? Какая цель преследовалась?

От внимания Горчевского не укрылся этот любопытный факт зодчества.

«Полы, где они есть, надо будет разобрать совсем. Похоже, здесь есть тайник, возможно не один, или что-то вроде подвала, скрытого от посторонних глаз. Хорошо еще специалисты с приборами завтра придут... вот, и посмотрим...», – думал он, разглядывая наготу подпола. Не в первый раз уже Горчевский ловил себя на том, чем больше он занимается этой усадьбой, тем больше рождаются их души. Усадьба, вроде той чувствительной сентиментальной девицы, которой не терпится поделиться своими секретами, но она не решается, мечется между доверием и недоверием. Ощущение того, что усадьба, присматриваясь неторопливо, начинает верить ему свои чувства, мысли, не покидала бригадира. Возможно, когда она совсем уверует в него и его силы, расскажет о доселе никому неизвестном...

Если и есть нечто исключительное, что хотелось бы иметь в собственном доме, так это личное секретное убежище, с потаенной дверцей, открывающейся в том случае, если потянуть за нужный томик или нажать на правильный выступ. Это бесспорно привлекательно. Потягивает остросюжетной авантюрой. Но, что же до тех мест, которые скрываются внизу, в подземелье... Это, пожалуй, одно из самых загадочных мест, дающих человеческому любопытству сильнейший толчок (это утверждение, однозначно, спорно!). И нечего даже придумывать, что при слове «подземелье», сердце заколыхается в жутких предчувствиях – ничего подобного! Да и желание приключений от этого не уменьшится, а вот знаний и умений потребует колоссальных – что правда, то правда!

Пожалуй, никогда не знаешь, насколько безопасно сокрытое там, и... допустят ли тебя к тем тайнам?! Подпустят ли настолько близко, насколько, разбуженная пытливость, хочет приблизиться?!

О, предвижу, предвижу вопрос – чье разрешение требуется? Человеку несведущему в таинственном и непознанном, просто любопытному сложно объяснить простые вещи, даже исходя из обычной человеческой логики. Необходимо изучить азбуку сверхъестественного. Для этого понадобится не одна и не две лекции, не будем, сейчас, отвлекаться.

Развалины дома, хотя и были развалинами, но, с появлением Деи и Глеба, медленно оживали... Заметно ли было это остальным, но, где-то на подсознании, эти двое уже подозревали, что избраны усадьбой в её собственные духовники...

Глеб интуитивно почувствовал, что они прибыли на место. Казарцев, размеренно прошёл до узкой каменной лестницы, ведущей на верхний этаж. Она поднималась, в аккурат, между помещением столовой, практически за ее стеной, и теми комнатами, в которых сейчас шли ремонтно-восстановительные работы. Из-за этих работ, вход был перекрыт и передвижение по коридорам в оставшиеся три комнаты невозможно, потому-то мужчинам пришлось обойти снаружи, чтобы попасть внутрь.

– Мы тут начали, было, тянуть провод, – будто оправдывался Руслан. – ...И хотели приблизиться к стене крепеж под светильник... вот сюда, – он указал пальцем на середину, – один чуть ниже... В этих лампах мощности маловато...

– И?

– Стукнули пару раз по стене, а она и провалилась под ударом, а там...

В каменной кладке, которой было заложено все пространство – от пола до лестницы, совершенно чистой, от всякого рода излишеств, известки или другой строительной смеси включая краски, действительно зияла небольшая дыра, и чувствовалась за ней пустота. Глеб подошел ближе, но трогать руками ничего не стал, а обернувшись, спросил:

– Руслан, скажи, это все так и есть?

– Да, ничего не трогали. А заглянуть – сам видишь, отверстие слишком мало. Увеличивать не стали. Специально оставили до вас. Сам же утром сказал, что будете с хозяйкой исследование дома проводить. В таком случае, любая находка будет иметь веское значение.

– Да-да, ты прав. В этом случае, коль вы ее обнаружили... Кстати, с кем ты был?

– Были Серега Вьюнков и Клим Маев.

– Позови их. Встретимся здесь, через десять минут. Принесите дополнительно, фонарь и молот... Могут понадобиться... Будем стену эту или разбирать, или рушить... как получится...

Горчевский пошел за хозяйкой дома. Всю обратную дорогу он сомневался – стоило ли сейчас показывать Дее то, что скрыто там или все же в этом есть смысл. Сложность была вовсе не в выборе между говорить или не говорить. Он боялся, за нее, а вдруг там откроется нечто неприятное, а Дея окажется, на редкость, впечатлительной особой. Но обещание обязывало без нее не проводить исследования и потому должен... С озабоченным лицом появился Глеб на пороге столовой.

– Что случилось?

Дея смотрела широко раскрытыми глазами, чувствуя, что есть новости, только вот какие они...

Глеб, молча, подошел к столу, но не сел. Задумался...

– Глеб, с вами все в порядке? – теперь уже забеспокоилась Агаша.

– Пока и сам не знаю...

Горчевский поднял глаза на Дею. Лицо молодой женщины оставалось напряженным. Она не задавала вопросы, предоставив ему самому объясниться.

– Дея, пойдёмте...

Глеб мгновенно повернулся и направился к выходу. Не говоря ни слова, она подчинилась, отправилась следом, оставив экономку с изумлением на лице. Он вел ее тем же путем, каким вел его Казарцев.

Дея, про себя, восхищалась оперативностью бригадира и отмечала, сколько же сделано за полдня. Она совершенно не знала его, но её влечение к нему росло с каждым днем... Когда проходили мимо комнаты с плитами, хозяйка усадьбы задержалась и уже хотела забросать бригадира вопросами, но странное выражение его лица, заставило ее промолчать. Глеб же, почувствовав на себе взгляд, обернулся. Удостоверившись, что Дея не отстает и в хорошем расположении духа, вновь задался вопросом, какое произведет на нее впечатление обнаружившееся, хотя и сам не имел представления, что там может скрываться.

Он привел ее к разрушенной стене и фонари расположил так, чтобы поток света был направлен непосредственно на интересующую всех стену. Где-то в глубине собственного сознания, хозяйка же предполагала, что становится свидетелем того, как вскрываются потаенные места. Ей очень хотелось придать своему взгляду более холодное содержание, но увиденное возбуждало в ней колоссальный интерес. Глеб отметил, как горят ее глаза. Он понял, что душа Деи, наконец, сбросив все покровы, жаждала приступить к разгадке каких-нибудь уже тайн, стать реальным участником события, которое, в свою очередь, не преминуло ждать...

Буквально через несколько минут вернулся Казарцев, ведя за собой невысокого поджарого мужчину со впалыми щеками.

– Серега пока занят, подойдет позже, – отрапортовал он.

Глеб кивнул.

– Здравствуй, Клим, – поприветствовал Глеб, пожав его жилистую руку, на которой крупными полосками, как тропинки, выпирали под кожей вены, выдавая в нем человека, трудившегося всю жизнь на тяжелой работе.

– Здравствуйте, – приветствовал Клим Дею.

– Добрый день, – ответила Дея. – Что это за дыра? – обратилась она к Горчевскому, несколько оживившись, – Там, предположительно, клад? Когда это открылось?

– Пока мы с вами были в отъезде, наши молодцы не прерывали работ – вот результат. А что там, нам предстоит выяснить, – озабоченно ответил он, не сводя глаз с отверстия. – Сейчас разберемся... клад это или вклад чей-то... – уже тихо, почти неслышно закончил Глеб, освещая фонарем пустоту и пытаясь заглянуть внутрь.

Что ждало здесь и сейчас, никто пока и не знал, и не догадывался.

Дея отошла в сторонку, но встала так, чтобы ей хорошо было видно происходящее. Она, практически, превратилась в тень, и постаралась собственное присутствие довести до уровня вдоха и выдоха, дабы не мешать разговорам и действиям, да и смысла то особого не было – здесь чисто мужская работа. Присутствия Деи, казалось, никто не замечал. Мужчины принялись осматривать внешнюю сторону кладки. Они встали полукругом, их что-то сдерживало.

– Я по этому делу, Глеб, уже давно хотел подойти... – наконец, неуверенно начал Клим, при этом стараясь выглядеть, как можно беззаботнее, поглядывая наверх, где сходились каменная кладка и лестница, превращаясь в устойчивый подъем на верхний этаж.

– Что портило обедню? – спросил Глеб, полушутя, полусерьезно, продолжая осматривать и ощупывать кладку. – Любая информация – это ценность.

– Да... как-то, вроде, и не красиво, лезть в чужие дела, когда тебя об этом не просят...

Глеб выпрямился и всерьез посмотрел на взрослого мужчину, неуверенно мявшегoся.

– Все это, конечно, верно, но не в нашем случае. Нам любая мелочь – в помощь. И, вот, что, Клим. Независимо от формы собственности – он, – Горчевский указал пальцем в сторону пустых помещений, глядя в глаза Маеву, – памятник архитектуры. Пока мы все трудимся на этом объекте – он для нас для всех – самый влажный, и чужих дел здесь нет.

Клим, понимая, кивнул. Противопоставить было нечего, да и нужно ли было. Бригадир, только озвучил то, что и так знал здесь каждый рабочий.

– Может, еще раз по ней только молотом? – внес предложение Руслан.

– Нам не нужно, чтобы кирпичи внутрь упали и засыпали все, что может пригодиться. Постарайся изнутри молотком постучать, если рука пролезет.

– Понял, значит, аккуратно убираем...

Образовавшееся отверстие располагалось на высоте чуть выше метра от пола, и для высоких мужчин было весьма неудобным – ни присесть, ни вытянутся в полный рост. Руслан возился с ней, словно уговаривал развалиться, пробуя сдвинуть кирпичи вперед, тем самым увеличивая размеры отверстия, Клим напряженно смотрел в его сторону, что не упустил из виду Глеб.

– Клим, что там может быть?

В ожидании ответа, бригадир смотрел в упор на помощника.

– Да черт его знает! Тетка сказывала, будто замурован в стене... кто-то, а где именно не говорила, но точно в доме. Один из родственников в те времена, в доме служил, да слышал сплетни слуг.

– А сам, как думаешь?

– Тетка просто так болтать не стала бы...

– Кто это был, тетка не говорила?

– А! – махнул рукой Клим. – Не захотела. Сказала, что не помнит... Пойду, свет включу здесь...

Маев повернулся и собрался, было, уже быстро покинуть место, но Глеб, сделав два больших шага, удержал его за плечо.

– погоди, Клим. Ты чего-то боишься?

– Да, знаешь ли, Глеб, не люблю сюрпризы с того света.

– А если там нет ничего?

– Чует мое сердце, что есть.

– А где ты еще видел, как сам говоришь, сюрприз с того света? – брови Горчевского сошлись на переносице.

Клим, не ждавший такого вопроса, переменялся в лице, будто его застали на месте преступления. Было видно, воспоминание не доставляли удовольствия.

– Еще пацанами бегали мы к Кирьянкиной норе, ну, и нашли там, внутри, пару скелетов... Помню, меня даже стошнило. Вот с тех пор и отвращение, – немного помолчав, ответил Маев, взгляд его при этом был словно подернутый туманной матовой пеленой, как-будто в него вселился призрак.

– Опять эта нора... Клим, а ты мог бы сейчас вспомнить то место?

– Какое?

– Где кости видел?

– А, так верно их уже зверье растаскало, но сходить можно. Что ж не дойти?!

– Хватит фантастическими бреднями голову забивать, смотрите, – в этот момент прервал их Казарцев, во все время разговора, не оставлявший попыток проникнуть в отверстие. – Можно сдвинуть всю эту кладку целиком.

Мужчины прекратили свой разговор, и подошли к Руслану, который, ухватясь за край отверстия, с силой потряс кладку. Слегка поддавшись воздействию, скреплявший обожженные кирпичи материал местами осыпался. По стене побежали нити, обозначив некие границы кладки, готовой «к сотрудничеству с людьми». И только в одном месте образовалась достаточно значительная трещина, откуда вывалился довольно таки большой кусок затвердевшей строительной смеси.

– Я только не понял, а почему именно этот кусок?! Смотрите... Остальная кладка со всех сторон соединена, там только вдарь – конкретно все обрушится, а здесь...

– Так, давайте втроем сдвинем... – предложил Маев. – Только погодите малёха, пожарный багор возьму... – С этими словами он настолько быстро умчался, что эта прыть даже и не вязалась с его возрастом, а выглядел он, по меньшей мере, лет на шестьдесят – шестьдесят пять.

Руслан и Глеб решили попробовать вдвоем. Как можно крепче взялись за края проломленного места, но было неудобно, и мешали друг другу. Глеб выпрямился, предоставив Казарцеву увеличить молотком размер отверстия. Только, когда Руслан аккуратно снял сломанные кирпичики, мужчинам удалось ухватиться вместе. Они с силой дернули на себя. Старая сохшая смесь крепко держала кирпичи и не собиралась так легко сдавать свои позиции. Мужчины повторили попытку. Трещина значительно увеличилась. В тот же момент появился Клим, неся в руке багор.

– Ребята, погодите. Дайте-ка я попробую...

Он вставил наконечник в щель. Раскачивая багор из стороны в сторону, пытался глубже его засунуть, но кроме проявившегося очертания внушительного размера кладки, усилия Маева ничего не дали. Более того, пытаясь вытащить багор, Клим с такой силой рванул инструмент, что деревянная рукоять сломалась пополам. Дея даже ойкнуть не успела, сам же Маев, чуть не упал, но удержался. С большим трудом вытащив из щели вторую половину инструмента, Клим сказал:

– Может, попробуем втроем ухватиться? Понятно, место неудобное для троих, как-нито изловчимся?

– Если оторвем – зашибить может. Кусок хотя и невысокий, да широкий будет, – Руслан озадаченно смотрел на дыру, намереваясь увеличить ее.

– Давайте попробуем еще раз... – Глеб был сильно озабочен. – Если не получится, придется разбирать по кирпичику... Это долго!

Мужчины плотнее прижались, чтобы была возможность, каждому более-менее удобно ухватиться за выступы кладки возле дыры, стали раскачивать вперед-назад. Лишь на четвертый раз кладка поддалась и упала. Не успей Казарцев отскочить в сторону, глыба рухнула бы ему прямо на ноги. Щуря глаза и отмахиваясь руками от многовековой пыли, он остался на месте, так как вместе с пылью наружу вырвалось зловоние.

Когда пыль понемногу осела, в кладке стены, взору присутствующих, предстала арочная ниша. Все бы ничего, если бы не та мрачная картина, которая портила все впечатление от обнаруженного.

Ниша, высотой до метра, шириной чуть больше шестидесяти сантиметров, выложенная изнутри камнем, оказалась склепом для человека. То была мрачная тайна смерти, которая вызывает в нас отвращение, страх и печаль одновременно. Это такая картина, в которой время не лечит скорбь, а скорее помогает если не забыть, то сокрыть, до определенной поры, детали, способствовавшие этой утрате.

Мрачная находка заставила всех содрогнуться. Клим отвернулся. Дея невольно отпрянула назад, хотя и так стояла не близко. Никто из мужчин не сделал более ни единого движения. На несколько минут все были парализованы.

Еще бы! Это вам не жалкое подобие убийства! И не молчаливое свидетельство чьего-то исступленного недуга! Это безумство души, как оно есть! Ибо, не только в приступе помутнения рассудка люди способны совершать непоправимое, выходящее за рамки принятой социальной нормы. Эта болезнь, куда более страшная, мучительная, так как ведет по пути безвозвратного саморазрушения.

Даже невооруженным глазом было видно, что застывшая фигура оставалась в нише длительное время. Она сидела боком, и хорошо видно было левую сторону. Казалось, уставший нести всю тяжесть бремена забот, найдя укромный уголок, он (Некто) спрятался от всех, чтоб в

одиночестве перевести дух в покойной тишине, и заснул крепким сном, еще не ведая, что сновидение будет вечным. Уронив на колени голову, сидел молчаливый свидетель чей-то попытки подняться над обстоятельствами, ибо только они могут заставить выйти и обнажить худшее внутреннее содержимое человека. Только они способны показать, где проходит его индивидуальная грань между порядочностью и подлостью, страхом и безнаказанностью.

От того, кто когда-то носил имя, сейчас имелся только скелет, с желтыми костями, остатками бывшей одежды, истлевшей за долгое время. Глубина ниши словно рассчитана на ширину плеч будущей жертвы, точно по размерам. Пространство было настолько узким и тесным, что голове некуда было даже скатиться. Она опиралась лобной костью о коленные чашечки, и при жизни, этот бедолага, естественно, пошевелиться не мог, от чего его страдания увеличивались еще больше, если только на тот момент, когда его замуровывали, жизнь в нем еще тлела. Его руки (сейчас уже смешно это слово применять, но что есть, то есть) ладонями, точнее костями, опирались о дно ниши. Фаланги пальцев – безымянный и мизинец – утонули в смеси, так как мастер-пособник посланца смерти, сильно придавил их к краю ниши, заложив кирпичами на веки вечные, оставив их в таком положении. Складывалось впечатление, что кто-то очень сильно торопился с ним покончить, затолкать и забыть о его существовании. Быстрее, быстрее! Убрать с глаз долой, из сердца вон...

Все стояли, молча, не удивляясь и не возмущаясь, только лишь созерцая ничтожность чьей-то человеческой жизни, окруженной ореолом смерти, в проявлениях диких ее тонов – беспощадности и злобе.

Если религия требует метафизического склада ума, то обычаи, особенно древние, требуют задабривание духов и богов, с той, лишь, разницей, что добрым приносят в жертву цветы, масло, благовония или вино, а вот более суровым их коллегам и дары требуются серьезные. Такие невидимые помощники всегда считались, да и сегодня считаются, более сильными. А потому, и задабривали их, принося в жертву живых: животных, а в самых сложных случаях – людей. Одним из таких кровавых обычаев было жертвоприношение при строительстве, чтобы здание было прочным. В стену замуровывали живого человека, в большинстве случаев это были молодая девушка или ребенок. *Optima legume interpretes consuetudo*¹³. По всей вероятности, с ним и столкнулись присутствующие, которым ранее не доводилось встречать нечто подобное.

– Жестоко, – тихо сказал Горчевский, лицо коего не отразило каких-либо эмоций, обличающих его мысли, и понять, о чем он думает, именно в эту минуту, было неосуществимо. Надо отметить, что Глеб Горчевский имел потрясающую способность контролировать свои эмоции, натягивая при этом такую маску непроницаемости, что уровень душевного беспокойства или радости оставался неведом для окружающих. Из себя он все же выходил, но редко.

– Вот так та-ак! – протянул Руслан, не отрывая глаз. – Находка! Ничего не скажешь...

– ...кроме того, что просидел он тут... не мало, – непринужденным тоном добавил Глеб, словно это открытие сюрпризом для него вовсе не явилось. Он был невозмутимо спокоен. – Я ожидал нечто подобное...

Дея, после всех ранее услышанных ею разговоров, внутренне уже была к чему-то аналогичному готова, но это не избавило ее от неприязненного страха увидеть останки. При одной мысли, что этот бедолага находился, практически, рядом с ее комнатой, сердцебиение учащалось. При всем том, что Дею одолевало неприятное волнение и тяжелые мысли, ее разум отвергал само предположение, что они все видят Сеньку Безумного. Несмотря на ее испуг при их встрече, милое его лицо не вязалось с тем несчастным, который, сейчас, в неудобной позе сидел перед ней, и, глядя на которого, Дея проникалась состраданием и жалостью. Овладев собой, она испытала нестерпимый стыд за свои мысли, так как вид несчастного пробудил в ней, к тому

¹³ Лучший толкователь законов обычай.

же, желание к охоте, да только та добыча вполне могла бы удовлетворить не только женский азарт. Ее же охота ничего общего не имела с тем, что лишает жизни создания Божьи. Это был первобытный инстинкт охотника до поиска и постижения утаенного от глаз, где добыча – факт, и интерес к этому трофею разгорался непосредственно и естественным образом. Спокойное поведение Горчевского вернуло, хотя и не уняло до конца тлевший огонек волнения Деи, расположение духа, но к комментариям она сейчас готова не была. Глаза не хотели отрываться от находки, а на лице отразилось сильное желание начать изучение усадьбы безотлагательно, и оно должно быть удовлетворено немедленно.

Но вот была ли она готова к тому, чтобы познать насколько сложен тот, другой мир, невидимый, и как самой не стать добычей или трофеем, утонув в лабиринте таинственного, не найдя обратного пути из него?

Готова ли к взаимодействию с атмосферой призрачного, проникнуться иной гармонией, возвыситься и внутренне обогатиться?

Да-да, мир таинственного – это, прежде всего познания. До тех пор, пока в жизнь земного существа не врывается неясно-темное, непостижимое, он и понятия не имеет, как просто живет ему.... И как он защищен от всего...

Глеб сначала нагнулся, затем присел на корточки. Теперь его занимал субъект, находившийся в нише, и его история. Он выпрямился, засунул руки в карманы брюк и оставался в таком положении, задумчивый и насупившийся.

– Как-то мне рассказывали о том, что в 1877 году в Берлине, нашли скелет зайца и куриное яйцо в фундаменте здания, построенного в XVI веке, – разрушая длительное молчание начал Глеб. – Несомненно, строители решили, что яйцо допустимо рассматривать, как эквивалент птицы. Но такое... в реальной жизни, самому увидеть... – он покачал головой. – ...Не доводилось.... Почему-то, мне кажется, что это наш Опекун...

– А кто такой Опекун? – спросил Руслан, почесав затылок, словно это помогало остановить круговорот мыслей и неприятных ощущений.

– Клим знает, он просветит, – отмахнулся Глеб.

– Потом приду. Не могу на это смотреть... – отозвался тут же Клим, развернулся и покинул место событий, хотя правильнее было бы сказать место бывшего преступления.

– Что у вас здесь? – неожиданно возник среднего роста мужчина, по возрасту одинаковому с Маевым. – Добрый день, кого не видел.

Мужчины обернулись, кивнули в знак приветствия.

– О! Серега! Серега, ты почти вовремя, – откликнулся Казарцев, который, обрадовался, что наконец появился кто-то, кому можно передать свои впечатления и выплеснуть ушат переполнявших его эмоций. – Ты, только глянь! Мы не ожидали...

Слегка переваливаясь из стороны в сторону, широкоплечая, грузная фигура Сергея Вьюнкова, размашистым шагом крепких, кривоватых ног, в кирзовых сапогах, тяжелой поступью, прошла мимо Деи. Ни на кого не глядя и не дожидаясь ответа, он подошел к нише. Нависавшие, как шторы, верхние веки придавливали и без того маленькие, прищуренные серые глазки, утопавшие в своих орбитах, которыми он внимательно осмотрел кладку вокруг. Опустившись на колено, стал пристально вглядываться в несчастного, которого пока никто не посмел беспокоить, и он по-прежнему оставался в том же положении. Вьюнков был из местных. И Маев, и Вьюнков, оба гордились тем, что являлись потомками живших в этой деревеньке много поколений. Он не понаслышке знал о происходившем в этом доме.

Молодая хозяйка, разглядывая вновь прибывшего, пыталась составить свой портрет.

Его круглая, как шар голова, была покрыта короткими рыжими волосами, с большой залысиной посередине, походившей на аэродром в густом лесу. Крючковатый нос, слишком заметный элемент, почти тонул в рыжих зарослях щетины, с проблесками более светлых тонов, на мясистых, отвислых щеках. Достаточно беглого взгляда, чтобы понять, робость не только

не была свойственна его натуре, а вообще о ней не было и речи. Несмотря на то, что внешне-стью он походил скорее на кельта, в нем чувствовалась та самая богатырская сила, на которой держалась всегда Древняя Русь.

– А я-то думал, что он в болоте сгинул... М-да... – сказал он, ничуть не удивившись находке, скрипучим голосом. – Тогда, где же Самойла с женой?!

– Сергей, ты уверен, что это Сенька? – Глеб наблюдал за Вьюнковым.

– Мм...

– Почему такая уверенность?

– Да-а-а-а, ну дела... Уверен, не уверен, думаю это он... На нем был деревянный крестик, с обратной стороны, вместо «Спаси и сохрани» написано было его имя... – Сергей потянулся к скелету. – А вот и он, смотрите...

Вьюнков, аккуратно, чтобы не задевать кости ухватил и слегка потянул темную нить, которая тут же рассыпалась, оставив в цепких пальцах Вьюнкова почерневший от времени небольшой деревянный крестик.

Все присутствующие подошли ближе, чтобы разглядеть очередную находку. С обратной стороны маленького деревянного крестика, действительно, была надпись «Simeon». Каждый получил возможность рассмотреть ее. Убедившись в правоте слов Вьюнкова, основная часть исследователей, отошла в сторонку, и только Дея осталась возле того, кто был когда-то, теперь уже точно, Сенькой Безумным.

Никто не слышал, как она тихо прошептала: «Ах, ты мой бедный друг...»

Вселенская печаль переполнила сердце молодой хозяйки усадьбы. На глазах её навернулись слезы. Дее пришлось приложить немало усилия, чтобы сдержать их поток. Она редко плакала, да и особенного повода для этого никогда не было, только однажды, когда... Дея, с грустью на душе, отошла ко всем остальным.

Мужчины, если не понурые, то, во всяком случае, задумчивые стояли в тишине. Признаться, было над чем!

– Вот тебе и «услышанный богом в молитве», – тихо нарушил шумное молчание Вьюнков. – Я уже шел к вам, когда на встречу вышел Клим и в двух словах рассказал о находке. Еще мальцом, когда бегали вокруг этого дома, было у меня предчувствие, что он здесь, но я никогда и никому об этом не говорил.

– А что-нибудь из фактов есть, о чем мог бы мне рассказать? – спросил Глеб. – Такое ощущение, что вся деревня знает по абзацу из одной большой истории, и из всех надо это тянуть клещами... Не хотят говорить...

– И правильно делают! Глеб, ты не сердись на них. Это не от того, что вы тут люди новые, а дело связано с ведьминым колдовством. За болотом, когда-то жила одна ведьма, так говорят, что она на этот дом наложила заклятие. Вот деревенские и боятся, не то, чтобы об этом говорить, даже подумать. Знал бы ты, как нам доставалось от родителей, пока малыши были, если сюда тайком пробирались. Помню, отец меня, как-то ремнем выпорол, а мать даже не заступилась, слова не сказала. Так, что, мотай на ус!

– А что значит «услышанный богом в молитве»? – вмешалась, наконец, Дея, «обнаруживая» свое присутствие.

– Так, ты это, к отцу Луке сходи, он объяснит все. А я вдруг, что не так скажу или не так объясню. Он все же священник...

– Священник? Здесь есть церковь?

– Ну, да! Тут, недалеко, за усадьбой, как раз.

– Я ни одной маковки церковной не видел вблизи, – удивился Глеб.

– Оно и понятно. Ты же со стороны города ехал, а она за усадьбой, в глубине леса, – махнул рукой Вьюнков, как указателем, повернувшись лицом в направлении юго-востока. –

Деревья, сам видишь, здоровые, высоченные, густые, а церквушка, она небольшая... Да, поди ж, с полкилометра отсюда будет. Мы все ходим туда.

– А дорога есть? Может, кто-нибудь проводит?

– Не заплутаешь! Тропинка рядом с усадьбой проходит, мимо парка евонного. Она не петляет, прямёхонькая. По ней сразу и дойдешь.

– Ну, спасибо Сергей.

Вьюнков кивнул и направился к выходу.

– А мне тетка рассказывала легенду, она в Нижегородской области живет, так та история сродни нашей. Старинная легенда о Коромысловой башне Нижегородского кремля, – заговорил Руслан, присев на корточки. Самообладание к нему вернулось. – Говорят, то трагическое событие произошло вовремя замены деревянных стен кремля каменными. Чтобы башня надежно стояла, строителям необходимо было принести кровавую жертву. Поэтому сразу по завершении постройки они стали ждать свою жертву – первое живое существо, которое появится возле нее. Не повезло Алёне – молодой жене купца Григория Лопаты. Она шла за водой, с коромыслом и ведрами, на реку Почайну. В то злополучное утро Алёна проспала и спешила принести домой воды и решила возвращаться на верхний посад не окружной дорогой, огибая городскую стену, а более коротким путем – тропинкой по склону горы. Возле крепостной стены ее окружили строители. Для вида попросили напоить их водой. Схватив молодую женщину, крепко привязали к доске и спустили в яму. Туда же бросили и коромысло с ведрами. Говорят, что обычай требовал замуровывать жертву со всем, что при ней было. Бросить то бросили, а потом сами же пожалели несчастную и отказались зарывать беднягу. Тогда главный мастер сам выполнил эту ужасную работу. Вот так-то...

– Опять этот обряд... Надо о нем узнать подробнее... – пробурчал недовольно Глеб, почесывая кончик носа.

– Только в нашем случае, мы вряд ли найдем того мастера, который руководил всем этим процессом... – грустно заметила Дея.

– Глеб, что теперь будем делать с этим? – спросил Казарцев, озабоченно кивнув головой в сторону «несчастливого». – Негоже ему так сидеть здесь.

– Пока не знаю... Оставляй, таким образом, мы его, конечно, тоже не можем... Полицию вызвать... надо бы...

– Михал Михалычу позвоним, расскажем о находке, – вставила Дея, наконец, овладев собой полностью. – Для него этот дом очень важен. И папе...

– Да-да, позвоним... – задумавшись и глядя куда-то в темную часть стены, ответил Глеб. – Михал Михалыч завтра или послезавтра приедет...

– А что будет делать этот скелет до послезавтра? Оставим его тут?

– Нам бы надо его сфотографировать, – вставил Руслан.

– А вот это отличная мысль, – сказал Глеб и буквально убежал. Появился он через несколько минут, держа в руке видео камеру. – Сейчас займемся делом. Дея вы умеете снимать?

– Рука у меня иногда дрожит.

– Руслан, где-то я видел невысокую стремянку...

– Сейчас принесу.

– Глеб, что вы на это скажете? – спросила Дея в отсутствии Казарцева. Она испытующе смотрела на бригадира. Молодая женщина понимала, что этот мужчина не только умен и красив, но его знаний хватит на то, чтобы раскопать всю историю до конца.

– Думаю, что не ошибусь в своих догадках, если скажу, что нам с вами предстоит довольно много потрудиться с установлением истины, если захотите продолжить... И, если вас ничто не пугает... А вот и Руслан...

Продолжать начатый разговор они не стали. Казарцев поставил стремянку на таком расстоянии, что бы все детали можно было бы снять, при этом не упустив ни малейших элементов. Дея принялась с энтузиазмом за дело. Несмотря на то, что её внезапно охватила легкая дрожь, с которой не удавалось никак справиться, молодая хозяйка все же приспособилась и установила камеру удобно для собственной руки и удобного ракурса для съемок.

– Этот человек, о котором мы ничего не знаем, кроме того, что он умер насильственной смертью, всю ночь будет находиться здесь? – спросил неожиданно появившийся Клим.

– Вьюнков показал нам крестик, похоже, это действительно Сенька Безумный. Я думаю, что нам необходимо полицию поставить в известность, но при этом ничего не трогать до их приезда, – заключил Глеб. – Да, и вариантов у нас нет.

– Есть! Вы уже снимаете все детали этой находки и, в принципе, ничего страшного не будет, если мы его уложим в ящик.... Ну, хотите, перенесем...

– Клим, никак ты действительно боишься?

– Боюсь, – совершенно серьезно ответил Маев. – С потусторонним, знаешь ли, мне не очень хочется ни сталкиваться, ни вообще, каких-либо делов иметь. При одном упоминании – мурашки по коже...

– Тут пока ничего колдовского не видно, – спокойно возразил Казарцев.

– А мне, знаешь ли, все равно – видно или нет. Ни в какие игры, ни с теми, – он указал пальцем вверх, – ни – с этими, – он опустил указательный палец вниз, – я играть не собираюсь. К шуткам они глухи! Не постигают они их, понятно?!

Клим разгорячился, и лицо его покрылось красными пятнами от возбуждения. Горчевский, успокаивающе, потрепал слегка его за плечо.

– Выкладывай, чего нужно бояться...

Глеб не сводил тяжелого взгляда с лица плотника, который отвел глаза в сторону, будто нашкодивший школьник выражение его лица не то, что было раздраженным, скорее напряженным.

– Глеб, шевелить мертвых – это плохая идея... Я понимаю, что и здесь ему тоже не место... и все же...

– Договаривай... – поддержал Глеба Казарцев.

– В доме еще должен быть...

– Труп... – не дав договорить Маеву, закончил за него Глеб, в тоне которого звучало настороженное, беспокойное удивление.

– ... или все, что от него осталось...

– Не дом, а целое кладбище.... Мм.... Весьма оригинальный способ, и ходить никуда не надо. Ладно, разберемся. А пока, Руслан, вызови доблестные правоохранительные органы, дабы зафиксировать находку, как «редкую, историческую ценность» ... Да-да, историческую... – Горчевский с грустью взглянул в сторону «несчастливого».

– Мистическое празднество, да и только! – едко заметил Руслан, переглянувшись с Горчевским, и с ничего не выражающим лицом, держа в руке телефон, отошел подальше от страшной находки, встал ближе к выходу, быстро набрал номер.

– Ау-у, лю... – лю-ю-ди-и, – раздался неожиданно нервнирующий, своей интонацией, голос Витька.

Дея вздрогнула, чуть не уронив камеру.

Не прошло и пары минут, когда совершенно неспособный стоять ровно относительно оси земли, зато улыбаясь в тридцать два зуба и делая маловразумительные реверансы и жесты, тайный смысл, которых был понятен только ему, в дверном проеме появился Черемнов. Его короткие волосы, перепачканные белой пудровой массой, торчали во все стороны, а следы порошка зафиксировались на лице и бровях, как-будто его кто-то хорошо приложил к мешку с белилкой или обсыпал мукой. Бордово-коричневые широкие штаны, в которых Дея его видела

накануне вечером, изрядно перепачканные грязью, висели, кое-как поддерживаясь ремнем, и грозили вот-вот упасть. Расстёгнутый замок спортивной куртки обнажал его крепкую бычью шею и покрытую, кудрявыми седыми волосами, грудь, от чего вид его становился развязным и более хамоватым.

Помещение, несмотря на сквозняки, наполнилось едким, резким запахом спирта.

Бесстыдно качающийся, в пьяном угаре, мужчина, навел на мысль, что может быть та часть человечества, которая пребывает в гордом одиночестве, даже в большей степени благо-разумна, поскольку избегает встречи с подобным высшим эгоизмом и создаваемой им суетой.

О семье Черемнова в деревушке знали немного, что-то рассказывала его жена, что-то – мать. Отец его был подполковником милиции в Нейве, и представлял собой значимую фигуру в советские времена. Мать же – преподавала в школе-интернате для глухих детей и тоже была в почете. Когда отец умер, Витек был на втором курсе Воронежского пожарно-технического училища и с большим трудом закончил. По окончании распределился в Молдавию, где отслужил менее пяти лет. Постепенно пристрастился к «зеленому змию», лгун от природы, подвел собственное руководство перед проверяющим, за что и был уволен. Ввернулся к матери – Лидии Васильевне. Однажды куражась с друзьями, в ресторане заметил яркую девицу и недолго думая, женился. Она то, как раз и была родом из Еланьки. Некоторое время семейка Черемновых жила в Нейве. Но не найдя себе применение в городе, Витек поддался на уговоры жены и приехал в деревню, где купил подержанный лесовоз, таким образом стал зарабатывать на жизнь, обеспечивая себя и жену. Первое время, местные молодухи заглядывались на Витьку, не чураясь его хмельного дыхания, весело проводили время, но после потасовки со Светланой, женой Черемнова, особой вульгарной и грубой, в числе его «приближенных» осталось два верных друга-собутельника и Зинка, к которой он время от времени бегал, втихаря от жены. Как оказалось, Светлана, не прочь была приложиться и сама к бутылке, нередко составляя ему компанию. Во хмелю Витек не терпел проявления негативных эмоций. Порой, изрядно опьяневший, он устраивал семейные ссоры и драки, с битьем посуды и окон, которые слышны были далеко на окраине деревеньки. Не редки были случаи, когда на следующий день Светлана появлялась с синяками на лице. В такие минуты Лидия Васильевна краснела, ей было стыдно и за сына, и за сноху, но... деваться некуда...

Природа, дав разум этой паре, наградила еще и хитростью их организм. Он приспособился получать дармовые наслаждения там, где не заслуживал: если сладкое – прекрасное настроение, если уж алкоголь – взлет самооценки, что является дофаминовой халявой, как говорят ученые мужи. В природе ничего не достается даром, и украдкой не возьмешь – это иллюзорно. Кража обнаруживается, и за преступления приходится платить, чаще всего невозможностью к продолжению рода. Око Матушки-природы, как известно, всевидящее, а она женщина суровая. В запасниках её хранится закон, обойти который доселе ни одному хитрецу не удастся. Закон тот в совокупности – расплата за нравственные преступления и награда за благое деяние, хотя и реже, а именуется он кармой. Выполняется он непременно по той причине, что является естественным и, подобно закону всемирного тяготения, действует на весь материальный мир в целом, а потому и не требует системы контроля типа дофаминовой. Достаточно существования на Земле, чтобы этот закон функционировал. Не таково ли доказательство нетривиальности данного мира?!

Мать же Витька проживала в Воронеже, и частенько приезжала погостить. Как не старалась вразумить сына Лидия Васильевна не могла расшевелить его и наставить на путь истинный... Довольно милая старушка, простодушная и доверчивая, бесконечно любящая своего сына, заслуженный учитель, она не смогла воспитать в нем ни настоящего мужчину, ни порядочного человека. Теперь уже из песни слов не выкинешь, и что-либо переделывать в сформировавшемся человеке поздно... Расстроенная, она вскоре уезжала назад, оставляя, взрослого мужчину, которому было уже под шестьдесят, глухим к ее мольбам и просьбам. Окутанный

хмельным туманом, в крепких объятиях коварного демона пьянства, подстрекающего свою жертву к изрыганию негативных эмоций, увлекаемый им все глубже и глубже в омут спиртного болота, Витек напрочь отказывался слышать мать...

Выдающийся мыслитель XX века Эрих Фромм выразил одну интересную мысль: «Себялюбивые люди не способны любить других, но они не способны любить и самих себя». Согласиться бы с ним, так нет, не совсем оно так. Ведь самолюбивый человек – он трезво рассуждающий, так сказать – здравомыслящий, а тут что? – алкоголь.... Пожалеть бы, да не хочется.... Коль воля слаба, противостоять безрассудству – решение за Создателем. Любое его творение исполняет его волю и осуществляет определенную миссию. Каждый для чего-то нужен.... И даже такой...

Не взглянув на Казарцева, которому, в свою очередь, было тоже не до него, Витек продолжил движение в глубь помещения, спотыкаясь и ещё больше раскачиваясь при ходьбе.

– А я... ту... т ф...-сех... шу...

Очередной жест не удался и Витек навалился на Глеба, оказавшегося на его пути, да так, что тот не ждавший подобного, от внезапности едва не потерял равновесие, и чуть присел, при этом, не дав упасть Витьку. Продолжая поддерживать Черемнова, вес которого превышал его собственный, Глеб выпрямился.

– Тяжелый ты, однако...

Клим подошёл и вместе с Горчевским попытался поставить Витька на ноги, но тот постоянно брыкался, махал руками в разные стороны, не подпуская к себе. Глеб увернулся от очередной партии беспорядочных движений и подсунил руки подмышки, сцепив их на груди Витька.

– Вставай и иди, – наконец раздраженно, сквозь зубы, процедил он.

– Да... пшёл ты...

Несмотря на то, что Глеб крепко держал, Черемнов резко выпрямился, тут же развернулся и со всей силой, кулаком ударил Горчевского в челюсть. Глеб отшатнулся назад, но удержал равновесие, упершись в стенную кладку, автоматически отпустив Черемнова. Витек же, потеряв поддерживающую его опору, мгновенно повалился на пол, да так, что его голова оказалась рядом с «несчастливым».

Поскольку такой выходки никто не ожидал, то и предотвратить удар Витька не успели. Подлетевший тут же Руслан, перевернув на живот смутьяна, скрутил ему руки на спине, но удержать пьяного было сложно, и Клим подоспел на помощь. Вдвоем они крепко прижали бушевавшего Витька, практически не давая ему возможности пошевелиться.

Глеб потирал челюсть. Дея настолько растерялась от скорости происходившего у нее на глазах, что не сразу опомнилась. Она подошла к Глебу. Он не смотрел на нее.

– Вы можете ею шевелить? – участливо произнесла она, рассматривая бардовый след от руки Черемнова. – Надо принести лед... – Дея прохладной рукой слегка прикоснулась к его челюсти.

– Все в порядке.... Не нужно ничего, я сам приму необходимые меры, а вы ступайте в дом, Дея...

– Нет, я останусь. Не хочу, чтобы еще что-нибудь произошло...

– Не волнуйтесь, ничего не будет.

– Судя по его агрессии, все может быть.

Горчевский не стал более возражать. Он был зол, запросто мог бы ответить пьяному, но здравомыслие подсказывало, о необходимости сдерживать свой гнев. Это состояние отбивало охоту, в данный момент, спорить, и даже отвечать. Глеб повернулся к мужчинам.

– Ребята, отпустите его. Всё равно ничего не соображает...

Руслан и Клим встали с Витька, отпустив его руки. От тяжести сидевших на нем мужчин и силы, которой был придавлен, он с трудом разогнулся.

– Скру...-тили... меня... буквой «зю» ... – рычал он. – Все тело... болит... У-у, гады...

Пытаясь подняться, он повернулся и сел, поравнявшись с «несчастливым».

– О-о-о! А-фи-геть! А-а это, что за хрень? – от увиденного Витек моментально протрезвел. – Ребя, а что это, а?

– Тебе знать не обязательно! – язвительным тоном ответил Руслан, глядя на лицо, которого сейчас, нетрудно было себе представить, кем, обычно, пугают непослушных детей.

Витек, не обращая внимания на присутствующих, с любопытством принялся рассматривать находку. Руслан и Клим, не сговариваясь, одновременно подошли к Черемнову и подняли с пола.

– Тебя проводить или сам дойдешь? – тоном, в котором чувствовалось уже не только раздражение, а реальная угроза, спросил Клим. – Витек, ты меня знаешь, я не люблю повторять несколько раз...

– Ладно, ладно... Пошел я...

Кое-как волоча ноги, шатаясь из стороны в сторону, словно старый баркас, унесенный в море, Витек ушел.

Чем безупречнее человек снаружи, тем больше демонов у него внутри.

Дея, не нарушая тишины, повисшей в воздухе, наблюдала за мужчинами, дивясь и отдавая должное их выдержке, терпению и спокойствию теперь. Увлечшись картиной нападения Витька, она совсем выпустила из виду, что камера продолжает работать и быстро ее отключила.

«Получается, что я все засняла... Ладно...» – подумала она и взглянула на Горчевского, растиравшего челюсть. Глаза его были прикованы к ужасной находке. Неподвижно стоявший Руслан, засунув руки в карманы брюк, потупив взор, о чем-то думал, а складки на переносице сменяли образовавшиеся борозды на лбу. Клим – осматривал и ощупывал кладку стены, простукивая местами, не делая трагедии из того, что произошло: ну, сцепились – с кем не бывает, подумаешь...

– Глеб, надо его, – Дея указала на скелет, – оставить тут, в таком же положении и ничего более не трогать до приезда Михал Михальчича.

– Пожалуй, это будет единственно правильным решением, – согласился Горчевский и попытался улыбнуться. – Ребята на сегодня, пожалуй, достаточно. Спасибо. Пойдемте, остудим мою челюсть...

– Ладно, если что, командир, зови, когда полиция появится.

Горчевский, молча, кивнул. Мужчины ушли. Глеб и Дея остались стоять. Он впился взглядом в находку. В голове мелькали разные догадки, но, ни одна из них не могла получить логического развития. Ему казалось, что каждое направление уводит от истины.

– Qui tacet, consentire videtur – Кто молчит, тот, по-видимому, соглашается, – грустно заметил Глеб. – М-да... Вероятно, ему нам нечего сказать, во всяком случае, ...пока...

– Не сочтет ли он ваше благородство за слабость? – Дея была занята одной единственной мыслью... о Горчевском, пропустив мимо ушей его слова.

– Мне нет дела до его мыслей, так же, как до него самого. Не забивайте всякой ерундой голову, Дея. Он точно того не стоит.

– Я видела, какой злобой горели его глаза... Не выкинул бы он какую-нибудь подлость... Такие люди на все способны...

– Это всего лишь пьяный человек. Зеленый змий затуманил рассудок, – попытался улыбнуться Глеб. Было видно, что это дается ему с трудом. Он не стал ничего больше говорить, взял Дею за локоток и повел к выходу. – Как говорится: будет день и найдется, о чем пораскинуть умом.

Глеб проводил Дею до крыльца, а сам направился в хижину. Она смотрела ему в след, словно он уходил навсегда. Горчевский не имел привычки оборачиваться, вот и сейчас он шел гордо, подняв голову, уверенно ступая по земле. Проводив, взглядом, бригадира до угла времянки, Дея быстро набрала номер.

– Как моя девочка поживает вдали от любящего отца? – услышала она тут же спокойный приятный баритон отца. Дея восторженно поприветствовала близкого человека и принялась подробно рассказывать о событиях минувшего часа. Николай Романович молчал.

– Папа, папа...

– Да-да... Я завтра приеду, – услышала Дея, отметив заинтересованность в голосе. – Навещу вас с Глебом. Ночевать не останусь, некогда, да и мест для приема гостей там нет... – ответил отец, предвидя вопросы дочери о работе. – Скажи Глебу, ...хотя, сам позвоню... До завтра, моя, дорогая...

Попрощавшись с отцом, Дея взглянула на небо, на движение облаков. Их движение иногда заслоняло солнце и сразу становилось вокруг если не угрюмо, то серо и невесело. Лишь светящаяся звезда вновь являла свой лик земле и протягивала горячие лучи, в мгновение ока, все преображалось.

– Ты чего стоишь тут? – раздался голос Агафьи, как гром среди ясного неба. – Где бригадир?

– Пойдем, я тебе все расскажу...

Агаша с Федором присели напротив Деи и полностью погрузились в ее рассказ, когда она дошла до находки останков Сеньки, женщина, ахнув, всплеснула руками. Федор, успокоительно обнял жену.

– Вот тебе наши приключения сегодня, – закончила Дея.

– А этот, а?! Каков поросенок?! Не хватает ему Светки, так еще сюда приперся руки распускать! – возмущалась Агаша. – Ох, и бесстыдник!! – Продолжая сетовать, Агафья повторно накрывала на стол, подогревала остывшую пищу, кипятила чай, заодно послала мужа за бригадиром. – Дея, надо было его в дом пригласить. Человеку сейчас нужно успокоиться, а вы после поездки еще даже чай не пили. Садись!

– Я подожду...

– Нечего ждать, – не глядя в ее сторону, сказала экономка, всматриваясь в силуэты, в окне. – Если посчитает, что его гордость, ни каким образом, не задета и не пострадала его мужская честь – придет. В этом случае, он был бы молодец! Ну, надо же?! Каков подлец!!! Каков подлец!!! – Агаша, покрасневшая, возмущаясь, пыхтела и охала.

Отворилась дверь и на пороге показался Федор. Женщины, молча, воззрились на него.

– Ну, что вы на меня смотрите?! – улыбнулся он в усы, и возле глаз обозначились гусиные лапки. Морщинки, длинными бороздками спускались вниз, переходя в складки, когда-то напоминавшие красивые ямочки. – Сейчас, идет.

– Ну, и, Слава Богу! – довольно улыбнулась Агаша Дее, которая выдохнула с облегчением.

Пока экономка расставляла тарелки с горячей пищей и чайные приборы, Дея заметила в окне знакомую фигуру Горчевского. Он шел, несвойственной ему походкой – неторопливым шагом, чуть наклоняясь вперед, что-то прикрывая руками. Все существо женщины напряглось в ожидании.

– Я к вам... с подарком, – с порога, бодрым голосом заговорил Глеб, протягивая руки Дее, не раскрывая и не показывая, что в них. – Возьмите...

Дея пришла в неопикуемый восторг, когда большие, теплые ладони Горчевского раскрылись, и на середине их она увидела крохотный пушистый комочек, трех недель от роду. Неопределенного окраса, котенок вмиг завладел полностью ее вниманием. Малыш смотрел на человека своими лучистыми большими глазками, в которых природа спрятала целую галактику. Смотрел и тихо-тихо плакал. А человек, сияя искренней радостью, улыбаясь, забрал его в свои руки и принялся мягко гладить, успокаивать, нежно целовать в носик и глазки. Вот таким незамысловатым образом в нашей жизни иногда появляются малые радости, и мгновенно достигают высоты, затмевающей большие, по своей грандиозности, события...

Взрослая женщина, Дея радовалась, как ребенок. Она подумывала о том, чтобы завести щенка или кошку, но потом убеждала себя, что сейчас ещё не время. Затем, другие вопросы и прочие заботы отвлекали её, а этот гениальный план-мечта отодвигался куда-то, вдаль... Видимо, для того, чтобы кто-то привел его в исполнение, таким вот, бесподобным, образом... Это вовсе не было одним из тех событий, которое в глубине души, каждый человек ждет или на свершение которого, по крайней мере, надеется. Оно вовсе не совпадало ни с тем и ни с другим, а было необыкновенным дополнением, раскрывающим частицу необъятного внутреннего мира того, кого мы вовсе не знаем... Горчевский, как-то машинально подумал, что сделал все правильно.

– Ой, Глеб, спасибо! Мне так не хватало вот такого существа рядом...

Никто не возьмется поспорить с тем, что наши слова – это всего лишь слабые, блеклые тени того бесчисленного множества мыслей и чувств, которые прикрываются, как щитом, разнообразием эмоций и незаметно скрываются за ними.

– От него отказалась мать, и ребята дружно решили передать его под вашу опеку, – улыбнулся Глеб. – Судя по вашей реакции, не ошиблись.

Ему необыкновенно приятно было видеть, сколько радости он принес. Неся пушистый комочек ей, он даже не мог предположить, каковым будет истинный масштаб необычайного удовольствия, перед которым пелена обыденности тускнела и теряла свою остроту... Это маленькое существо внесло столько оживления, что казалось, изрядно озадачившая серьезная находка, вместе с потускневшим настроением, осталась там, где-то за горизонтом жизненных превратностей и растаяла в «далеком» воспоминании дня. Но, наш солнечный день не всегда состоит только из радужной цветовой гаммы, и вполне может себе позволить перейти в состояние зебреного окраса. Неожиданное появление на пороге Клим Маева, заставил почувствовать бездушное прикосновение холодной действительности, которое сделало упор на неоконченные дела сегодня, напомнив о том, кто ждал решения о своей земной участи после смерти и успокоения души.

– Там из полиции прибыли. Кто-нибудь выйдите к ним, – обратился он к Дее и Глебу одновременно.

– Да-да, иду, – откликнулся немедленно Глеб.

– И я с вами, – добавила Дея, мгновенно став серьезной, передавая свое «пушистое сокровище» в надежные руки Агаши.

– Я говорила с отцом... – начала было Дея, пока направлялись к автомобилю полиции, прибывшего из Нейвы.

– Знаю. Рано утром поеду его встречу... Да, чуть не забыл, Михал Михалыч тоже приедет завтра, он звонил.

– Значит, они успеют застать Сеньку в этой позе... Мне жаль его...

Во дворе ожидал средних лет майор, Аркадий Григорьевич Расторопнов, невысокий представитель достаточно многочисленной армии тучных людей. Тяжело дыша, он вытирал носовым платком, струящийся со лба, пот, слегка приподняв форменную фуражку. Его острый нос и тонкие губы на широком лоснящемся от влаги лице, колючие узенькие глазки, с опухшими верхними и нижними веками представляли слишком не вяжущиеся между собой элементы одно карикатурного портрета. Прибывшие с ним два сотрудника, успели уже пригласить кое-кого из местных жителей, как понятых, и непосредственных участников события. Поздоровавшись, Аркадий Григорьевич, представился и, испуская запах высококонравственного и неподкупного начала, просил провести его по территории усадьбы и затем показать место бывшего преступления. Остальным велел ждать тут же.

Разговор и объяснение с прибывшими сотрудниками правоохранительных органов много времени не отняло. Преисполненный сознания собственной значимости, в сопровождении Деи и Глеба, Расторопнов осмотрел все здание, несколько раз споткнувшись и чуть не упав, загля-

нул в каждый уголок усадьбы, только потом, подошел к мрачной находке. Встав перед ним, с выражением необходимой участливости и высокого драматизма, подозвал к себе криминалиста и разрешил приступить к изучению объекта. Просматривая документы на собственность, он, попутно, оглядывал присутствующих, словно оставлял в глубине собственного сознания, открытое помещение, для того, чтобы поместить туда подозреваемого, возможно, даже хозяина владений или хозяйку (сейчас для него это было неважно).

Если хотелось, не тратя времени, сразу понять, с кем имеешь дело, то с Расторопновым было все просто. Он сразу обозначал, что безупречно разбирается не только в своих обязанностях по работе, но и во многих жизненных аспектах, и не считает непрерывное самообразование важнее, чем, выбранная до конца жизни, конкретная специальность. Но, Аркадий Григорьевич в принципе был порядочным человеком и исправным служакой. А потому зафиксировав, все показания свидетелей, проведя опрос, для порядка, среди населения, посмотрев отснятый материал, который был своего рода доказательством того, что преступление совершено не сегодня и, в принципе, уже требует изучения его другой организацией, остался доволен тем, что не ему придется раскрывать данное дело. Единственное, что показалось Дее странным, это момент просмотра Расторопновым пленки, а именно того места, где произошла стычка между Черемновым и Глебом. Аркадий Григорьевич прокрутил назад съемку и задержался на лице Витька. Ничем, не выказав более своего любопытства, он вернул камеру. Согласился с мнением криминалиста, что в этом случае судьба «несчастливого», прибывавшего в двух мирах – материальном и тонком, а об истории усадьбы наслышана была вся округа, не подпадает под юрисдикцию его епархии, и лучше предоставить информацию тем, кто в ней будет более компетентен. Расторопнов, медленно повернувшись к своим подчиненным, приказал собираться в обратный путь.

– Мы можем оставить находку до утра в таком положении или переместить его в ящик? – спросил Глеб.

– Да, можете оставить так. Завтра, придут сотрудники института археологии и проведут свои изыскательские работы, – послышался повелительно снисходительный тон Аркадия Григорьевича, повернувшегося к машине и занятого тем, что готовился занести ногу в салон, не обращая внимания на хозяйку и бригадира.

– Вот и хорошо, – с облегчением выдохнула Дея. – Михал Михалыч увидит все собственными глазами...

– Это какой Михал Михалыч? Далина? – удивленно спросил Расторопнов, обернувшись и опустив ногу снова на землю.

– Да, – в два голоса подтвердили, переглянувшись, Глеб и Дея. – Вы знакомы?

– Конечно! – обрадовался Аркадий Григорьевич, расплываясь в улыбке и меняясь в лице. Теперь глядя на него уже было трудно представить, что несколько минут назад перед Деей и Глебом стояла напыщенная фигура со значением. – Это же специалист – Вот такой! – вытянув вперед руку с зажатым кулачком и поднятым кверху большим пальцем, довольный произнес: – Вам с ним повезло! Когда он будет?

– Завтра, – ответила Дея, удивляясь такой резкой перемене в Расторопнове.

– Передавайте ему пожелания здоровья от меня и скажите, если что – пусть мне звонит! Слышали? Пусть не стесняется.

Заверив представителя закона, что сие пренебрежительно будет исполнено, и молча проведя автомобиль за территорию усадьбы, Глеб с Деей вернулись к Агаше и Федору, больше уже никаких гостей и сюрпризов, на сегодня, не ожидая.

Вечер прошел славно. Дея чуть ли не каждые полчаса кормила пушистое создание, иногда поддерживая разговор. Агаша, то и дело, хлопотала возле плиты, иногда присаживаясь к остальным. Глеб и Федор обсуждали дальнейшие действия, связанные со строительством.

Никто не признавался вслух, что думает о несчастной судьбе совершенно безобидного юродивого – Сеньки Безумного. Не от того, что в целом сама тема была жутка, да непонятна или пугала тайнами, от которых дрожь пробегала по коже, оставляя отпечатки, вовсе нет. Каждый пропускал через себя всю трагедию, произошедшую с Сенькой, а это, извините, очень индивидуально. И сокровенными мыслями по данному поводу, делиться не собирался никто. Исходя из соображений, что любая мысль материализуется или исполняется, когда озвучивается, возможно, была некая опаска вызвать к себе дух несчастного Сеньки.

В некоторых случаях напрашивается риторический вопрос, что появилось первым страх или суеверие??

Не секрет, что человечество неизменно взаимодействует с внешними энергиями, будь то энергия других людей, небес или земли. Так от чего же не упокоенная душа Сеньки не может почувствовать этот еле заметный импульс? Почему же она не должна заметить колебания мыслей, если обладает столь сильнейшей энергией в тонком мире?

Мысли... Мысли... Мысли... Это они, та невидимая связующая нить между нашей интуицией и магией реального мира. Это они подстрекают и мотивируют в постижении уровней собственного подсознания, в раскрытии талантов и способностей в восприятии тонких слоев энергетике, с которыми пересекаемся всю жизнь. Иногда они приобретают яркую форму с четкими линиями, а, иногда, превращаются в такой закрученный, уходящий в центр бесконечного движения беспредельного потока, от которого голова начинает идти кругом...

Все разошлись перед тем, как рабочие пришли ужинать. Бригада, шумною толпой, ввалилась на кухню и, рассаживаясь, наперебой стали бурно обсуждать сегодняшнее происшествие, строить догадки и предположения. По их разгоряченным лицам, было видно, тема эта задела за живое каждого.

Как не прискорбна сама мысль о трагедии, но прав Ремарк, жизнь интереснее, когда в ней есть трагедия. Любое движение смертельного в воздухе, есть сотрясение нашего мозга, своего рода землетрясение. Оно заставляет увеличивать движение и силу мысли, создает и приводит к системе разнообразных комбинаций, напичканных простыми идеями или идеей-фикс, включая моменты реализации. Спорно? Может быть. Но признаться в том, что смерть меняет чью-то жизнь, порой кардинально – духу хватит не у всех. Оставим анализ и логику в расшифровке произошедшего до того времени, когда управленцы из небесной канцелярии, сочтут за необходимость указать нам верный путь к этому...

Дея поднялась к себе со своим пушистым сокровищем, предварительно, назвав его Матильдой. Отвлекаясь этим существом, она не переставала думать о Сеньке Безумном, хотя Матильда и приковала ее внимание к себе, пока не уснула крепким сном младенца, свернувшись калачиком на подушке из волос «большой мамы». Несмотря на то, что Дея легла рано, рой мыслей не покидал ее долго. Только, когда взгляд ее коснулся неба, на котором звезды рассыпались, как бисер на полотне, она почувствовала сильную усталость и глаза сомкнулись сами собой...

Глава 4

*Когда вы исследуете неизвестное,
то не знаете, что обнаружите.
Принцип окончательного результата*

Утро следующего дня удивило, неожиданно налетевшим, резким, порывистым ветром. Мгновенно заволокло тяжелыми темными тучами чудное, бескрайне лазоревое небо, которое стало похоже на темно-синий скомканный пергамент, тем самым позволив фантазии видеть причудливые образы и сцены. Потому-то, вполне уместно представлялся бессознательный рисунок ребенка, неумело водившего кистью. Не имея представления о сюжете картины, точном образе, он выводил причудливые формы... И сравнение подходило, как нельзя более. Долгожданная влага, наконец-то, полилась на пересохшую, потрескавшуюся от жары землю, одновременно смывая пыль с растений и напитывая их водой. Дождь словно спешил воспользоваться отведенным ему временем и, стучал по крышам, да с такой неистовой яростью, что, казалось, тяжелые частые капли, вот-вот вобьют дома в землю. Ничего кроме грусти погода не вызывала, хотя, некоторые из нас с большим удовольствием посидят возле камина, глядя на танцующие яркие язычки, прекрасного в своем естестве, пламени, с классическим томиком в руке – неповторимое очарование покоя, соблазнительной тишины и ненавязчивого шума дождя одновременно. Какое разное впечатление производит одно и то же природное явление в разных местах и, особенно при различном внутреннем состоянии... Потому-то, человеческому видению становится недоступно, то небольшое, что так и остается за кулисами жизненной игры...

Угрюмый вид деревушки и отсутствие даже некоего подобия уюта, по-своему угнетающе сказывались на Дее. Глядя на плаксивую погоду, поглаживая, мирно спавшую на руках Матильду, она тяжело вздыхала. Чувство одиночества одолевало, но лишь до того момента, пока не вспомнила, что отец вот-вот появится и обнимет её.

На дороге, ведущей к усадьбе, появился человек в длинном плаще, с небольшим портфелем в руках. Он шел, чуть наклоняясь вперед, боясь поскользнуться и упасть в грязь или лужу. Его опущенный глубокий капюшон скрывал лицо.

Дея просияла, когда внезапно осознала, что это Далина. Промокший до ниток, похожий на лесника, слегка сутулясь, пожилой архивариус приближался к дому, и пока хозяйка усадьбы размышляла о личности идущего, он уже был возле двери. Она, осторожно, так, чтобы не разбудить, положила Матильду в пуховый платок, который нашла Агаша среди немногих пожитков, оставшихся после пожара, и поспешила спуститься, встретить гостя. К тому моменту, когда радостная хозяйка усадьбы сбегала вниз, Далина уже открывал входную дверь, отряхивая одежду от стекающих струй.

Агаша всплеснула руками и ахнула.

– Вот уж неожиданно, ей Богу! Михал Михалыч! – подбежала и облобызала от всей души старика в обе щеки.

– Здравствуй, здравствуй, Агаша, – любезно приветствовал родственницу, улыбаясь, Далина.

– Доброе утро, Михал Михалыч, – поприветствовала старика Дея, почувствовав всё приятное треволнение Агаши. Спohватившись, она засуетилась. – Да, вы же насквозь промокли... Хорошо, что ещё в плаще.... Снимайте скорее... Присаживайтесь, отдохните...

– Доброе, Дея. Сердечно рад вновь увидеться... Приятно вас найти в добром здравии.... А я его всегда с собой беру, когда еду далеко.... Вот, видите, пригодился..

– Вы предусмотрительны, – улыбнулась старику Дея. – Я ждала вас чуть позже.

– Признаться, и сам поначалу так решил, но в какой-то момент подумал, чем раньше приеду – тем лучше... Агаша, где же Федор Никифорович?

– Ой! – спохватилась экономка, – Сейчас позову... Я скоро... – и тут же побежала звать мужа, с которым столкнулась в дверях.

Федор Никифорович, обрадованный встрече, улыбаясь во весь рот, горячо обнялся с Далиной. Он, был в таком восторге, а эмоции настолько переполняли, что речь буквально лилась, чего ранее за ним не водилось.

– Михалыч, дорогой, мой... Как же давно мы не виделись?! Сколько лет! Молчи, и ничего больше не говори... Я так счастлив... Как же ты давно не был у нас...

Дея, наблюдавшая всю эту сцену, испытывала ту же искреннюю, сердечную радость за близких ей людей, не думая о том, что Далина родственник чете Пучковых. Но за время их совместного проживания, они так сроднились, что такой малозначительный факт – озвучь она его – никто бы и не расслышал, ...а точнее, не захотел бы услышать...

– Фёдор, дай человеку прийти в себя с дороги... – вмешалась Агаша, улыбаясь. – Михал Михалыч, садитесь за стол.

– Спасибо, Агафья...

– Мы бы встретили, Михал Михалыч. Что ж ты нам не позвонил?

– Не хотел беспокоить, да и пройтись, иногда не мешает. Кругом лес, свежий воздух... Аромат травы и цветов смешивается буквально на вздохе...

– И проливной дождь... – сыренизировала Дея, улыбаясь.

– Не скажите. Дождь начался, когда я уже был на полпути к вам. Но, даже очутившись в мокрых объятиях природы, вы не представляете, сколько человек может получить удовольствия!

– Вот и папе с погодой не повезло сегодня. Он скоро должен с Глебом приехать.

– О, как! Что ж, замечательно! Познакомимся...

Несмотря на то, что каждому человеку даровано тело, дух и душа¹⁴, но только в одном единственном случае, допустимо владеть сильной положительной энергетикой, если эти три составляющие в гармонии. Некоторые люди обладают такой уникальной способностью притягивать к себе, вот это, что называется от Создателя, и приобрести его нельзя. В психологии разных учений описаны всевозможные способы, позволяющие достичь усиления магнетизма, но искусственному, никогда не заменить естественного природного.

Дее же нравился пожилой архивариус. Она, как-то сразу прониклась необъяснимой симпатией, хотя, ничего особенного для этого Далина не делал.

Михал Михалыч действительно был редким человеком, который практически не умел конфликтовать и старался во всем находить положительный момент. Его натура формировалась в духе жесткого реализма, но холодных отпечатков оставить ему не удалось. В итоге, получился немного философски настроенный на жизнь добряк-трудоголик. За спокойный и безмятежный вид, некоторые, поначалу, причисляли его даже в полной мере к чёрствым людям, но стоило лишь пристальнее всмотреться в его внешнюю безучастность, как она тут же сбрасывала свою ширму. Приятный, порядочный, да, что там говорить, в отношении него, можно было бы собрать все лестные эпитеты. Но этот незаурядный человек не имел семьи и какой-либо сердечной привязанности. Таковыми уж сложились его жизненные убеждения, которые не позволили ему быть ни активным представителем пиратства, плававшего на волнах влечения, со всеми вытекавшими последствиями, и ни рабом, ни господином созидательного инстинкта. Потому, надежд никаких, ни на кого не возлагал. Всегда аккуратный, в строгом классическом костюме,

¹⁴ Дух – это божественная искра, которая оживляет связь между сознанием Бога и материей, душа – это индивидуальная сущность, которая рождается в этом взаимодействии. Е. Град, В чем разница души и духа. Полная информация простыми словами.

он умело подбирал себе благоухающий приятный мужской парфюм, своим чарующим ароматом, не переходивший грань между чувственным шлейфом и вызывающим приторным запахом, который заполняет пространство вокруг. Михал Михалыч Далина не любил рассказывать о себе и, как только разговор заходил о нем, он аккуратно закрывался. Ему было достаточно того, что он всецело отдавался любимой работе и этим был вполне счастлив...

Опрятные брюки, темно-синего цвета, сегодня были слегка забрызганы грязью, а из-под рукавов тонкого темно-серого джемпера, выглядывали, едва задетые дождем, манжеты светлой рубашки. Далина выглядел вполне довольным, в приятной дружественной обстановке, беседе за чашкой чая с Агашей и Федором. Прошло некоторое время. Согретьшись, поблагодарив родственников за прием, Далина все свое внимание переключил на Дею, которая, присев на небольшой диванчик, в углу, рядом с окном, терпеливо ожидала своей очереди. Архивариусу же не терпелось окунуться с головой в ту скрытность, которой окружена была эта усадьба...

– Михал Михалыч, присаживайтесь возле меня, – заметив его нерешительную суету, предложила Дея и, дождавшись, когда Далина оказался рядом, продолжила: – Вы относитесь к тому типу людей, которые во всем видят позитивную сторону при любом раскладе?

– Без этого невозможно жить, душа моя! А как иначе?! Когда-нибудь замечали, что не возникни одна ситуация, не возникло бы и момента сыгравшего благоприятную роль для чего-то очень важного, порой нужного в дальнейшем?

Он смотрел на нее, словно ученый ворон на лекции в ожидании реакции. Дея отрицательно покачала головой, понимая его намек на невнимательность и не всегда логичное мышление.

– Во-о-от! Молодость не анализирует и не подмечает таких тонкостей, которые моему глазу видны сразу. А как выражается в такую пору человечья натура?! О-о-о, да это целая «песня»! Человеческий гений проявляет себя во всем – и в положительном, и в отрицательном смысле...

– Михал Михалыч, вам, с высоты прожитых лет, конечно, виднее. Вероятно, мне в этой области похвастать нечем.

– Да и радуйтесь, голубушка! Значит, жизнь вас оберегает...

– или подготавливает к чему-то...

– Гоните прочь подобные мысли. Коль уж, что вам и представится, то непременно одолеете. Жизнь не любит слабых духом... М-да... Такие люди, как правило, сами ее покидают, не находя себе в ней места...

– Да, вы правы. Мой отец, всегда говорит: не битый – не поймешь боли другого, а понял – еще не значит, что набрался мудрости, только познал свою боль и ее глубину.

– Ваш отец, как я погляжу, немало испытаний прошел...

– Вот это сюрприз! Михал Михалыч! А я всё утро жду звонка, – неожиданное появление Горчевского прервало их душевную беседу. Мужчины обменялись приветствием.

– А где папа, Глеб? – глаза Деи округлились.

– И вам, доброе утро. Да уже ушел посмотреть, что сделано...

– Простите, Глеб, доброе. Я удивилась, что его рядом с вами нет...

– Не стоит волноваться...

Дверь открылась и на пороге появилась крупногабаритная фигура Николая Романовича, в темно-сером костюме поверх тонкого свитера, отряхивая зонт от дождя. Увидев дочь, расплылся в улыбке, а Дея тут же подлетела и обняла отца. Закончив церемонию встречи с дочерью, Мальвиль поприветствовал всех присутствовавших и познакомился, тут же поблагодарив Пучковых за помощь и заботу о дочери, пообещав, непременно отправить их на отдых за свой счет, по окончании восстановительных работ. На предложение Агаши позавтракать, любезно отказался, сказав, что вполне здоровёхоньким дотянет до обеда. Николай Романович, пристро-

иля рядом с дочерью на том же скрипучем диване, заметив, что и Глеб, и Дея рады приезду Далины, не меньше, чем ему.

«Видимо, он может им помочь», – подумал Мальвиль, вслух же спросил:

– Михал Михалыч, вы, как-то связаны с усадьбой? Или владеете информацией?

Далина, в двух словах посвятил в то, чем владел, добавив, что его участие, молодые люди, сочли необходимым и оправданным.

– Я даже очень рад, что наши исследователи имеют рядом старшего товарища, на которого и положиться в трудный момент могут, и посоветоваться, – серьезно сказал Николай Романович, строго поглядывая своими жемчужно-серыми пронзительными глазами то на дочь, то на бригадира. Подперев брыластую щеку одной рукой, другой поглаживая квадратный подбородок твердо-тусклого лица, с небольшими проявлениями нитей капилляров, почти на поверхности кожи скул и привздернутого пуговичного носа. – Предоставленные только собственным знаниям и умениям, они запросто потеряются в загадках и догадках далекого времени, перед историей его необыкновенных событий, пусть даже в рамках одного этого местечка. Очень рад...

Далина кивнул в знак признательности.

– Кого-то вы мне напоминаете, Николай Романович... Понять только не могу...

– Если только может моего отца, хотя такое знакомство – это маловероятно...

– Скажите, у вас не было сестры по имени Дарина?

– У меня – нет, а вот у отца – да. Это моя тётя.

– Вот оно что...

– Были знакомы?

– Что с ней стало? – спросил Далина, неожиданно погрузнев, и пропуская мимо ушей, вопрос Мальвиля, который немного удивился знакомству пожилого архивариуса с членом его семьи.

– Она ушла в монастырь, послушницей, когда ей было двадцать лет...

– В монастырь? – удивлению Далины не было границ. – Как могла она так поступить, ведь у неё были такие способности к математике???

– Она сильно переживала из-за разрыва с любимым человеком, насколько мне известно...

Далина молчал, потупив взор, и, кажется, совсем ушел в себя.

Дея во все глаза смотрела на двух мужчин, медленно вникая в происходящее. Она слегка коснулась локтя архивариуса.

– Михал Михалыч, что с вами?

Он очнулся.

– Она жива?

– Нет, умерла пятнадцать лет назад.

– Даже не предполагал, что это хмурое утро принесет мне столь тяжёлую весть... Если бы я только знал...

Губы его задрожали, глаза увлажнились... Далина закрыл лицо руками. На несколько минут комната погрузилась в полнейшую тишину, и только частые тяжкие вздохи седовласого пожилого человека нарушали её.

Дея, сосредоточенная на его печали, не обратила внимания, как мужчины переглянулись. Николай Романович стал догадываться о причинах неожиданного поведения почтенного архивариуса.

– Михал Михалыч, так это вы были единственным дорогим её сердцу другом? – осторожно спросил он. – Тетя никогда не называла имени, но изредка вспоминала, даже став монахиней.

– Покинуть суетность мира, затворившись в стенах монастыря, не значит стереть в памяти черты милых людей.

Чуть помолчав, Далина, не вдаваясь в детали размолвки, объяснил, что много лет жил в неизвестности о судьбе той, которую обожал всем сердцем. И надо же было приехать в Еланьку, чтобы узнать такие печальные подробности.

Всё-таки, жизнь – это такая классная штука, порой и не знаешь, как к ней относиться, но то, что с любовью и уважением – однозначно. Только она, единственная, знает, когда и кого подослать, кому помочь, где стукнуть, да покрепче, а где и вовсе одолеть, чтобы было невмозможно. Но она всегда в курсе, кому и чего не достаёт. И, ведь, даст! проказница! да так, чтобы и унести мог, и запомнить, а вспомнив, ещё и улыбнуться, ну, или слезу проронить...

Николай Романович, с возрастом, набрал вес, и превратился в полного мужчину, если избыточные килограммы ему вовсе не мешали быть активным в жизни, то сейчас бесполезные слои его изменившейся фигуры препятствовали комфортно расположиться возле дочери. Он чувствовал – ещё одно движение и дряхлый диван не выдержит его давления.

– Папа, тебе неудобно?

– Привык к более жесткой поверхности кресел, мягкий диван не для меня, – отшутился Мальвиль, вынужденно пересаживаясь на более твердую поверхность скамьи, рядом со столом, почувствовав некоторое облегчение. – Я вас и отсюда услышу...

Горчевский, до сих пор стоявший прислонившись к стене, пристроился на табурете возле архивариуса и Деи. Далина же, после пережитого потрясения с большим трудом взял себя в руки, и, не откладывая в долгий ящик, перешел к основному вопросу, из-за которого, в принципе, он и очутился здесь.

– Как успехи в исследовательской деятельности? – спросил Михал Михалыч, с, всё ещё, заметной грустью в голосе, переведя взгляд с Глеба на Дею.

– Нужно показать то, что нашли... – Глеб смотрел на хозяйку усадьбы. – А начнем мы с амазонита... Остальное по порядку...

– Значит это не единственная находка? – улыбнулся, Николай Романович.

– Да, мы все покажем и расскажем...

– Хорошо-хорошо, давайте, по порядку.

– Любопытно было бы взглянуть, – вставил Далина. – Для того периода весьма редкий камень, да тем более так далеко от центра... Хотя...

– Он в изделии... – объяснил Глеб.

– Я уж хотел удивиться, – улыбнулся Далина. – Ну, и что же с ним не так? Расскажите подробнее. Со всей этой историей мое нетерпение стало возрастать, если что-то намечается узнать.

– Сейчас его принесу... – ответила Дея, и упорхнула в свою комнату.

Она ходила не долго, а потому на продолжительные беседы ни у кого времени не хватило, только Федор спросил о других родственниках, живущих рядом с Далиной. Появление Деи с подвеской в руке, которую она тут же протянула архивариусу, прервала все разговоры, не относящиеся к данной теме. Федор отошел к супруге, что-то тихо шепнув на ушко, вышел во двор. Агаша, понимая всю серьезность разворачивающегося театра действий в усадьбе, даже ходила так, словно вовсе не касалась пола.

– Ну-ка, ну-ка... Мм, – с большим любопытством принялся рассматривать его Далина. – Слишком уж не вписывается в эти края этот красивый камень... М-да... – Он долго его анализировал: крутил-вертел, приближал и отдалял от себя, смотрел на свет и, не выпуская из рук, продолжил: – А по поводу камня скажу так: амазонит преподнес любителям камней три загадки, которые до сих пор остаются неразгаданными: секрет происхождения, тайну окраски и свое название. Первые два пункта оставим геммологам-энциклопедистам. А вот тот факт, что целеустремленные, самоуверенные женщины, успешные в работе и личной жизни, на вит-

ринах ювелирных магазинов моментально подмечают этот камень, говорит в пользу легенды о женщинах-воительницах, в честь которых он, как предполагают, и был назван. Неожиданно... Да-да, вот уж весьма неожиданно...

– Я бы не удивился, если это была финифть... – раздался голос Николая Романовича, когда вещица оказалась в его руках.

– Финифть? – как-то одновременно удивились Глеб и Дея, взглянув на него.

– Что же в ней особенного? – спросила Дея.

– А что вы так удивились? Финифть – древнерусское название эмали. Искусство, которое появилось на Руси из Византии аж в 10 веке... – вновь рассматривая подвеску, поддержал Мальвиля, умудренный опытом и знаниями архивариус. – С греческого «финифтис» – блестящий... Выглядело бы, куда более объяснимо, естественно, что ли, так как была распространена на территории России. А, вы, тщательно осмотрели место, где нашли это украшение? – неожиданно спросил Далина, внимательно воззрясь на Глеба и Дею.

– Нельзя сказать, что тщательно, Михал Михалыч, темно уже было, а больше мы туда не ходили, ...потом другие вопросы нас отвлекли... – ответил Глеб, понимая, что вероятнее всего, они с Деей, что-то упустили основательно...

– В таком случае, друзья мои, просто, необходимо еще раз исследовать это место. Не может быть такого, чтобы кто-то специально, а уж тем более случайно замуровал эту вещь... Не может быть... – призадумался Далина.

– Давайте сходим туда вместе и изучим повнимательнее, – предложила Дея. – Вдруг найдем ещё что-нибудь, да такое, что специалистов ошеломит.

– Да, это хорошая мысль. Замечательная идея... – раздали голоса.

Далина, Горчевский и Дея тут же встали, направились, было, к выходу.

– Вам, не кажется, что сейчас немного стоит набраться терпения? Погода, просто, не даст возможности осуществить ваши намерения? – спокойно сказал Николай Романович, потеряв мочку уха, продолжая оставаться на месте.

– И то верно, – отметил Далина, взглянув на Горчевского и Дею. – Правильнее будет переждать, как думаете

Глеб? Хотя, признаюсь, любопытство распирает, ох, как распирает... – улыбнулся он.

– Коль погода того требует, так мы проведем его с пользой. Вы хотите узнать, что здесь происходит – извольте. Мы расскажем всё с самого начала. Вам остается только слушать, а интересующие вопросы зададите после. Согласны?

Своей позой – скрестив на груди руки, опершись спиной о край стола, закинув ногу на ногу – Николай Романович дал понять, что также приготовился внимать.

– Кто ж, в здравом уме, от такого предложения откажется, – улыбнулся Далина.

Удобно устроившись все на том же небольшом старом диванчике, который скрипел при каждом движении, пожилой архивариус, приготовился внимательно слушать обо всем, что хотели поведать ему эти обаятельные молодые люди, к которым он проникся и доверием, и уважением одновременно, тем более что это было взаимно, а теперь ещё, как оказалось, чуть не ставший их родственником... И успевший уже кое-что подметить...

Дея осталась на месте, слегка развернувшись в сторону архивариуса, но так, чтобы могла видеть его лицо, если придется обратиться. Глеб, пододвинул деревянный табурет, который скрылся под его огромной фигурой, и сел напротив архивариуса и Деи, не делая акцента на том, что ему бы сиденье размерами побольше, и неторопливо начал рассказ о вчерашней находке, обо всем, что предшествовало ее поискам. Дея, решила для себя, что он руководит всей их операцией по исследованию усадьбы, потому не стала представлять собой хозяйку, даже если таковой и была на самом деле. Она лишь изредка сосредотачивала, внимание Далины, на тех местах, которые, как ей казалось, заслуживают особенной заинтересованности, разбавляя свое дополнение то размышлениями, то предположениями. В целом, рассказ получился достаточно

увлекательный и вполне понятный, даже если бы это слушал кто-то другой, не столь увлеченный историей этого дома, как Далина.

Николай Романович, сменил позу. Постукивая по столу средним пальцем правой руки, левую – засунув в карман, вытянув ноги, он был задумчив. Дея взглянула на отца и улыбнулась. Если она заставляла его в таком положении – это значит, что он сильно впечатлен и анализирует.

Пожилой архивариус слушал сосредоточенно, иногда скрещивая руки в замок и вращая большими пальцами, иной раз сидел, потупив взор, уставившись в пол, что даже выглядел бездыханным. Пару раз тяжело и глубоко вздохнул, а к концу рассказа, вид его был достаточно красноречив.

– Не все так просто, как кажется на первый взгляд... М-да...

– Мм, согласен. Это хорошо продуманное, предусмотрительное действие нездорового воображения, – сделал вывод Николай Романович. – Если бы его замуровали при строительстве усадьбы, – он скривил уголки рта и покачал головой, – это можно было бы еще как-то объяснить. Но усадьба скорей всего, уже существовала к тому времени...

– Почему вы так решили? – спросил Горчевский. – Мы пока даты строительства усадьбы нигде не находили.

– А привезенные от Михал Михалыча документы, вчера, я не успела просмотреть, – оправдывалась Дея.

– Знаете, меня интересует вот что, – заговорил Далина. – Если Сенька Безумный был весьма безобидным существом, для чего от него избавляться, да еще таким изуверским способом? Кому мешал этот юродивый? Не-е-ет, что-то тут не то-о-о... В тех документах, есть одна запись, которая гласит, что усадьба построена в конце 17... года.

– Погодите, – вмешался Николай Романович, так как тема строительства для него была очень близкой и родной. – Если бы Сеньку, заложили при строительстве, то, скорее всего, останки вы могли бы найти в другом месте, скажем, в каменной кладке подвала, одной из несущей стены, она, как правило, самая устойчивая и более крепкая. Да, такое жертвоприношение... не позволило бы зданию рассыпаться, даже со временем, поскольку это дар богам...

– Да-да, – Горчевский задумался. – Значит, действительно от него спешили избавиться... Теория Эддингтона в действии.

– Что вы имеете ввиду, Глеб? – с любопытством спросила Дея.

– Число гипотез, объясняющих данное явление, обратно пропорционально объему знаний о нем¹⁵ – вот что я имею ввиду, – грустно, заметил Глеб.

Мальвиль, довольный, улыбался. Его приобретение, в действительности, оказалось очень даже интересным местом...

Далина сидел задумчивый. Историей усадьбы он занимался давно. Благо, различные документы были всегда под рукой и найти, при необходимости, все, что нужно, не составляло труда. Много времени потратил Михал Михалыч на то, чтобы собрать сведения об усадьбе, о ее хозяевах и все же, информации у него было мало. Довольно значительная часть оставалась неизвестной. Увидев в первый раз Дею и Глеба, он сразу понял, что эта пара не остановится на достигнутом, и они будут копать, рыть, пока не доберутся до конца, а вернее до начала всей истории. Его стала мучить жажда поиска, нового открытия. Он, томимый желанием присоединиться к ним, в тоже время не смел напроситься. Вообще навязываться, признак несдержанности, а Далина таковым не был. Но он хотел поучаствовать, пусть даже через скромную свою помощь. Какова же была старику радость, когда его попросили об этом. Он словно сбросил несколько десятков лет, так затрепетало все внутри. И теперь, когда эти двое столкнулись с мрачной находкой он – с одной стороны – был рад, что дело наконец-то сдвинулось с мертвой

¹⁵ Теория Эддингтона (28.12.1882 – 22.11.1944 г.) Английский астрофизик. Член Лондонского королевского общества, иностранный член-корреспондент Российской академии наук, иностранный член Национальной академии наук США.

точки и хоть какое-то движение началось. С другой же стороны, как всякий нормальный человек, понимал, что это далеко не единственная серьезная загадка, с которой, может статься, им не раз предстоит еще столкнуться.

– Я считал, что мы живем в чрезвычайно ужасное время, где прогресс идет в ногу с варварством, когда получаешь информацию о разрушении какого-либо памятника культурного наследия, но здесь... – Николай Романович тяжело вздохнул.

– А я предполагал различные варианты, но, чтобы так... М-м-м... даже в расчет не брал. ... Думаю, Глеб, здесь скорее Закон поиска: начинать поиски надо с самого неподходящего места, – улыбнулся Далина. – Во мраке неведомого созревают плоды безграничных горестей и бесконечных радостей... М-да... А, где сейчас Сенька?

– Мы оставили его на том месте, где нашли, чтобы вы сами могли взглянуть, – грустно сказала Дея. – Сегодня должны приехать археологи. Возможно, они еще нам чем-то смогут помочь...

– Это хорошо, что они будут. Своими приборами все посмотрят, проведут анализ...

Далина скрестил на груди руки.

– Вам необходимо встретиться с отцом Лукой, – подсказал Николай Романович. – Здесь неподалеку, я встречался с ним. Да и церквушка существует с незапамятных времен, много раньше, чем построилась усадьба. А в архивных книгах церкви должны быть сохранены интересные, для вас особенно, записи... Так, Михал Михалыч?

– Все верно, Николай Романович...

– Да-да, мы уже слышаны про неё. А почему ты мне раньше ничего не говорил, папа?

– Прости, Дея, закрутился со своими делами. Глеб знает, как это происходит...

– Да-да, иногда за день Николай Романович успевает в двух городах побывать.

– Не слышно шума дождя, кажется, погода нам дала зеленый свет... – послышался голос Далины. – Пора...

Все разом взглянули в окно. За разговорами никто не заметил, что дождь перестал плакать и самое замечательное, что могло явиться человечеству – солнце – давным-давно уже сияло и широко улыбалось.

– Путешествие в прошлое, это не ключ в счастливое будущее, а всего лишь возможность взглянуть на прежние ошибки, – как-то грустно подметил Мальвиль, вставая. – Ну-с, пойдемте скорей, взглянем...

Мальвиль и Далина уже направлялись к выходу, Глеб последовал за ними, Дея попросила их задержаться на несколько минут, чтобы иметь возможность принести свою кроху и передать ее в надежные руки Агаши. Когда и этот вопрос был улажен, мужчины уже перешагнули за порог.

– Дея, – позвала Агаша.

Хозяйка усадьбы обернулась и чуть задержалась.

– Я приготовлю обед, как любит Михал Михалыч, ты не возражаешь?

– Ой, Агаша! Ну, конечно, нет. Он – гость – все привилегии на его стороне, и должно у нас понравиться.

– А что любит отец?

– Все, что вкусно...

– Тогда, ладно, – заулыбалась экономка.

Этих слов Дея уже не слышала, так как бежала догонять мужчин, и застала их ожидающими её на углу усадьбы.

Несмотря на то, что пару часов подряд природа выказывала свое недружелюбное настроение, и жара ускоренными темпами набирала оборот, воздух всё ещё оставался феноменально свежим, не успевшим согреться горячим дыханием лета. Запах озона пьянил. Хотелось поглотить его и не выпускать, сохранить в себе. Птицы вновь весело щебетали. Трава, цветы, листва

на деревьях и кустарниках – обрели яркие цвета. Пушистые, невообразимых размеров, облака все еще присутствовали на небе, но это уже не мешало легкому ветерку, резвясь, уносить их прочь. Лето не собиралось даже на короткий миг уступить отведенного ему времени. Воздух, только-что такой прохладный и живой, стремительно прогрелся, да так, что к десяти часам утра оставались сверкать гладью мутной воды, лишь большие лужи. Хорошо пропитанная влагой земля уже высыхала. По дороге исследователи договорились, что сначала осмотрят печь, затем навещают Сеньку Безумного. Неожиданно Дея вспомнила, что Расторопнов непременно велел передать привет от него. Далина вежливо поблагодарил.

– Быть может, он нам еще пригодится, – заметил он, и тут же обратился к Мальвилю: – Николай Романович, хотел просить вас...

– Слушаю, Михал Михалыч.

– Позже, расскажете мне, подробнее о Дарине?

Мальвиль согласно кивнул.

До места шли чуть дольше, чем обычно, то и дело приходилось обходить лужи, а также намешенную, рабочими сапогами, грязь, так как работники приступили к своей задаче, как только закончился дождь. Раздавался стук молотков, скрежет и хруст отделяемых половых досок, негромкие разговоры и редкие смешки.

С последнего визита, пожилым архивариусом усадьбы прошло уже более пяти лет, конечно же, ему все было здесь любопытно. Он, отметил про себя, что здание заметно обветшало, и затраты будут значительные. Судьба имения Далину очень интересовала, хотя прямого отношения он к нему и не имел, но вся та бурная деятельность, развернутая сейчас вокруг него, находило позитивный отклик в сердце старого архивариуса. История этого места, которую он планировал собрать, была частью его плана по восстановлению уникального особняка. Но, получилось то, что получилось, и, теперь Далина, был несказанно рад, что участь имения предрешена, в хорошем смысле, и находится в надежных руках...

Они поднялись по лестнице парадного входа. Глеб шел впереди, за ним – Далина и Мальвиль, а завершала процессию хозяйка поместья.

Несмотря на то, что яркое солнце освещало достаточно, помещения, как и прежде, встретили жутковатым полумраком. Пропитанные влагой кирпичи предавали мрачноватый вид. Хотя дождь и прибил запах затхлости, полностью освежить покои природе не получилось. Видимо, даже её влиянию не хотел поддаваться разрушающийся застой...

Когда оказались в той самой комнате, Николай Романович все окинул оценивающим взглядом, и вплотную подойдя к печи, не удержался от того, чтобы не провести по плитке рукой. Затем, ушел в другую комнату, к которой прилегалла печь и, вернувшись, застал Глеба и Дею рассматривающими кладку, в том самом месте, где они нашли подвеску.

– Это тайник, Глеб, – уверенно сказал Далина.

Глеб, недоумевая, посмотрел на него.

– Михал Михалыч, я понимаю, что дом старый и скрывает в себе кучу различных секретов и тайн, но кто же будет располагать тайник за печью, от которой идет такой жар?! – спросила Дея.

– А почему вы уверены в том, что печь вообще использовалась?! – поддержал Далину Мальвиль. – Это весьма хитрый ход...

Глеб и Дея переглянулись. Эта мысль им в голову не приходила.

– Да-а, об этом мы, как-то, не подумали... – немного растерянно ответил Глеб, запустив пальцы в густые волосы, и провел ими над ухом. Дея уже не раз замечала за Горчевским этот жест, и теперь понимала – он смущен собственной недогадливостью.

– Потому-то и существует стариковская мудрость, – улыбнулся Далина.

Дея зашла с другой стороны печи и то же стала осматривать. Но каких-либо признаков, подтверждающих догадку Далины не нашла, да и выводов сделать не смогла, так как кладка

была ровная и без традиционных выступов, похожих на ручку или углубление, приводящее в движение механизм. На полу лежали кирпичики, были видны пустоты от них, но ничего такого, что могло бы скрываться от глаз, она не обнаружила или, попусту, не увидела.

– Глеб, надо поискать приспособление... – услышала Дея за стеной. Она вернулась к мужчинам.

Горчевский стоял и смотрел на Мальвию, как тот, заглядывая в щель между стеной и кладкой, пытался просунуть палец, хмурил брови, и от напряжения морщил лоб, а собственное крупное тело не пускало наклониться пониже.

– Николай Романович, а что если его нет, и мы ошибаемся?

– И это тоже может быть... Но... Надобно кое-что проверить, прежде чем совсем отказываться от этой мысли...

Пока Мальвиль поднимался с пола, Далина подобрал небольшой пруттик, сложил его вдвое, чтобы был покрепче. В верхней части печи, виднелась металлическая рама задвижки¹⁶, от которой остались лишь, выглядывавшие сломанные части. Пожилой архивариус, не раздумывая, вставил в раму сложенный пруттик и с силой надавил на части задвижки. Механизм тяжело заскрежетал. Старая штукатурка осыпалась, представив глазам трёх исследователей старого дома, прямоугольник металлической дверцы, практически там, где ранее Дея и Глеб, пытались увеличить расщелину. Интересно было другое, что при движении механизма, дверца вперед не подалась, как вполне ожидаемое действие, а всего лишь очертило место нахождения ее, стряхнув при этом с себя несколько плиток. Мужчины были сосредоточены, но, ни у кого кроме Деи, это удивление не вызвало.

Глеб занялся освобождением дверцы от смеси, державшей ее и плитку. Дея внимательно наблюдала за действиями троих взрослых, пытавшихся проникнуть в секрет дома. Её существо находилось в предвкушении увидеть что-нибудь достойное внимания специалистов, и неважно, будет ли это чьим-то спрятанным дневником или сбережением кого-то из прислуги, припрятанным от глаз хозяев.

Когда вход в тайник наконец-то был очищен, возник другой вопрос – где искать ключ?

Понятно, что на глаза он не попадет. В результате принятого единогласного решения, пошли в ход те инструменты, которые имелись под рукой. Возились долго. Механизм, хотя и старый, но был весьма надежный. Мужчины, по очереди просовывая в щели то один инструмент, то другой, пытались открыть дверцу. Она не поддавалась. Поскольку загнутый конец молотка-гвоздодера в щель не пролезал, так как был значительно толще, то и не представлялось никакой возможности сделать это.

Изрядно вымотанный Глеб, предложил сходить за «болгаркой» и, не дожидаясь чьего-либо согласия, ушел. Отсутствовал недолго. Он принес инструмент и, подключив к электричеству, остальных попросил отойти подальше. Надел специальные очки и приступил к распилу капризной дверцы. Дея широко раскрытыми от любопытства глазами смотрела на то, как ловко Глеб управляется с любым инструментом, а он в это время проявлял усердие и метал искры, в прямом смысле.

Мальвиль вместе с Далиной, в ожидании пока Глеб завершит работу, прохаживались по комнате, заглянули в другую. Николай Романович подошел к дочери и встал подле неё. Далина же вышел на середину коридора, поворачивая голову то в одну сторону, то в другую.

«Надо же... Надо же...» – тихо бурчал про себя, поражаясь тому, как все это до сих пор не рухнуло, и к тому времени, когда Горчевский поставил точку с дверцей, архивариус вернулся обратно.

¹⁶ Задвижка печная относится к категории запорной арматуры, монтируемой в вытяжной воздуховод отопительного прибора.

Изрядно съеденный коррозией, но все же качественный металл, под натиском современной техники, сдался довольно быстро. Открылось небольшое углубление с подозрительной темнотой.

Дея не слишком нагибаясь, посветила, предусмотрительно захваченным, фонариком. В кирпичной кладке находилось углубление размером с обувную коробку, как если бы она стояла вертикально. Единственной целью было то место, где и отсвечивала подвеска. Трое исследователей усадьбы – Глеб, Дея и Далина – нагнулись посмотреть.

Внутри сейфа лежал, завернутый в черную ткань, сверток, который не сразу заметили. Вопрос вызвала ткань – то ли она почернела от времени, то ли уже была такой. Понятно, что сейфы подобного рода не будут просто так закладывать и прятать от посторонних глаз, это-то и настораживало четырех обследователей.

На какую тайну наткнулись в очередной раз? Что скрывала усадьба в своем увядшем теле?

Глеб, опасаясь – мало ли что там может быть? – мягко отодвинул Дею и извлек содержимое тайника. Аккуратно развернул ткань, и на его ладони оказался небольшой черный деревянный ларчик около двадцати пяти сантиметров в длину, около шести-семи – в ширину, и, примерно, четырех – в высоту. Ларчик приковывал внимание безукоризненно гладкой поверхностью. Не было ни единой надписи, символа или вензеля. На удивление, отсутствовал также и замок, не говоря уже о ключе. Трофей переходил из рук в руки, и каждый имел возможность полюбоваться уникальным предметом, покрутить, повертеть, даже понюхать. Не имея ни единой царапины на поверхности, он обладал притяжением огромной силы. Не выявив ничего более занимательного с внешней стороны, присутствующие, молчаливым согласием, доверили Горчевскому совершить следующее действие – открыть таинственную коробочку и удовлетворить тем самым всеобщее любопытство. Когда же крышка была отворена, то внутренняя часть оказалась, обитая черным бархатом. Но внимание сразу привлек кожаный мешочек, длиной примерно двадцать и шириной около пяти сантиметров.

– Ну, вот, находишь всегда то, что не искал¹⁷, – тихо заметил Далина.

– Интересно, что приготовила нам «эта матрешка»? – отреагировал Мальвиль.

Неведомая вселенская сила всегда эффектно исполняет наши желания, особенно сиюминутные, мгновенные. Пожелав и тут же забыв, мы, дразня, подталкиваем высшие силы к действию, но это не значит, что все остальные наши мысли им не ведомы. Да, не всё исполняется, лишь то, которое нам приносит пользу. Это волшебно и необъяснимо человеческой логикой... Вот и негромкое желание Деи было также услышано. Она осторожно, практически двумя пальцами, достала мешочек.

Сшит он был из змеиной кожи. Находясь, длительное время, скрытой от воздействия солнечных лучей и осадков, кожа никоим образом не пострадала, напротив, имела первозданный изумительный вид. Природа, мастерица на различные проделки, и тут не поскупилась, чтобы не показать свое умение. Она удачно соединила высокую прочность кожи с ее эксклюзивностью, которая заключается в том, что уникальность рисунка неповторима. По обилию узоров и насыщенности цвета, было понятно, что это кожа питона – одного из самого впечатительного представителя мира животных. С течением времени, чешуйки раскрылись так, что ещё больше облагородили истинную изысканную красоту изделия, позволив оценить совершенство природного свойства кожи даже спустя более двух веков. Они имели форму ромба с закругленными краями, не ложась друг на друга, будто вырастали из предыдущего. Потрясающее впечатление создавали бежевые, черные, зеленые, причем, оттенка, невероятно насыщенного малахитового с примесью бирюзы, естественные вкрапления. Фантастическое мерцание глянца наполняло магией поистине чарующее своеобразие рисунка, воспроизвести который,

¹⁷ Закон Лемма Мэрианна

само собой разумеется, в идеале неосуществимо. Фактура кожи была настолько эластична, мягка и самодостаточна, что совершенно, не требовала дополнений, коих на ней и не было. В старину, особенно изделия из змеиной кожи придавали владельцу элегантную респектабельность, показывая его безукоризненный вкус.

Дея заметила, что при касании кожа очень быстро нагревается, появляется ощущение приятного тепла, что лишнее раз доказывало естественное ее происхождение. Стянутый в верхней части утонченно плетеной шелковой тесьмой черного же цвета, дополнительно обвитой несколько раз вокруг горловины, концы ее, были залиты сургучом у основания мешочка. Каких-либо надписей и оттисков на нем так же не было.

Далина, Мальвиль, Глеб и Дея растерянно переглянулись. Теперь и вовсе было непонятно, что делать. С одной стороны – любопытство распирало так, что всем хотелось открыть и немедленно, с другой стороны – все прекрасно понимали – содержимое может иметь важное научное значение... вдруг...

– Имея огромное желание заглянуть внутрь, все же, предлагаю оставить до приезда группы из института, – предложила Дея, твердым голосом, не терпящим возражения. – Когда они будут, Глеб?

– Скоро должны уже прибыть...

– Среди них есть очень толковый парень – Гоша Губернаторов, так я вам скажу, друзья мои, он мог бы нам много интересного рассказать об этих предметах. М-да...

– Вот уж не думал, встретиться с Гошей здесь, – не удержался, удивленный, Глеб.

– Вы знакомы? – спросил Далина, а Дея уставилась на Горчевского в ожидании ответа, одновременно следя за его выражением лица. Мальвиль остался безучастным. Его занимало содержимое кожаного мешочка.

Горчевский ответил не сразу. Было заметно, что он подбирает слова.

– Да, когда-то служили вместе... Он...

– Глеб, Глеб, – прервал его Казарцев, появившийся из ниоткуда. – Там приехали эти, из института.

– Вот и прекрасно, – сказал Николай Романович. – Пойдемте, встретим их, а потом, все вместе навестим Сеньку.

– Так, а с этим, что будем делать? Покажем сразу? – осведомился Глеб, ни к кому не обращаясь, но в тоже время, направляя вопрос, собиравшимся идти в сторону выхода.

– Конечно же, берите с собой, – ответила Дея.

Глеб, подумал-подумал и решил, что лучше ларцу оставаться там, где его нашли, но хозяйке не стал говорить об этом, все равно её мысли были заняты гостями.

Последние события происходили неестественно быстро, больше напоминая страницы, какой-то старой, старой сказки. Находки следовали друг за другом, поневоле поверишь во вмешательство высших сил.

Хозяева имения и их помощники отправились на встречу с представителями археологии. Далина шел впереди, за ним Дея с отцом, только Глеб заметно отставал. Дея подметила, что он не слишком-то спешил увидеться с товарищем, да и лицо его стало каменным. Подходя ближе к более оживленной части усадьбы, все заметили стоявший микроавтобус с тремя представителями научной среды. Один из них был пожилой мужчина в шляпе. Он стоял к ним спиной и рассматривал окрестности усадьбы. Рослый, здоровяк, оживленно о чем-то говорил со стройной молодой девушкой, приходившей в восторг и весело хихикавшей от каждого его слова.

Дея не стала торопиться с предположениями. Она украдкой взглянула на Глеба. Он шел все с тем же ничего не выражавшим лицом, посматривая время от времени на стены усадьбы. Дея терялась в догадках – они друзья, расставшиеся на почве ссоры или сослуживцы, один из которых ушел со службы благодаря другому? Но, предоставив событиям развиваться по собственному плану, она переключила все свое внимание на гостей. Недаром она была дочь

своего отца, как и его, её сейчас очень занимало содержимое шкатулки, тем самым подталкивая к скорейшему знакомству с группой и раскрытию секрета заветного мешочка.

– Кирил Данилович, что ж ты сам решил приехать, а не послал молодёжь? – еще издали заговорил Далина, улыбаясь. – Все рвешься в бой?!

– Господи! Михал Михалыч! И ты здесь? – мужчина, с выбивавшимися из-под соломенной широкополой шляпы серо-седыми прямыми волосами, обернулся и тоже расплылся в улыбке, пролегавшей в границе между усами и академической седой бородкой. Его маленький, слегка вздернутый нос, смешно зашевелился, утопая в пухлых щечках. На его загоревшем, приветливом, открытом лице, источавшем доброжелательность, виднелись ямочки. Широкие седые брови разлетались на переносице, как крылья птиц в полете. Из-под них смотрели большие круглые карие глаза. Взгляд их был прям и откровенен. – Не ожидал, не ожидал...

Выглядел он так, будто всецело противостоял современной моде, ну или, как если бы он совсем не хотел ее замечать, оставаясь преданным поклонником стиля 50-х годов. Это был элегантный, красивый советский мужчина. Светлый пиджак двубортного костюма, классической полуприлегающей формы, он держал в руке. Светлые широкие брюки, со складками у подчеркнута высокой талии и манжетами внизу, сшитые из однотонной ткани, обтягивали круглый живот профессора. Темно-синие подтяжки, двумя дорожками убегали назад по рубашке голубовато-линялого цвета и соединялись между собой на середине спины. Спереди же, особенно выделялся галстук. Как и положено декоративному аксессуару, он был очень экстравагантен. Его необыкновенно колоритный «пожар в джунглях»¹⁸ – на черном фоне полыхали оранжевые, алые и желтые краски – не потерял свою актуальность для носящего его и ныне. Длина брюк, доходивших до щиколотки, обнажала светло-бежевые носочки в растоптанных, черных, запыленных ботинках. Такая глубокая преданность советской моде, вызывала и восторг, и удивление разом. Но, пожалуй, не стоит потешно реагировать и насмехаться над пристрастиями пожилого человека. Как бы странным не выглядел его внешний вид сегодня, каждый имеет право на собственные предпочтения и вкусы. Хотя, надо отметить, на его фоне Далина занимал более выигрышную позицию.

Мужчины горячо обнялись. Не отметить, что они давние и хорошие приятели, было нельзя, а вот о двух других, присутствовавших здесь же, этого не скажешь. Они, молча, обменялись взглядами, проявив при этом сдержанность, граничащую с холодностью.

– Я немногим раньше вас прибыл. Прошу любить и жаловать – мой старинный товарищ – Рожнов Кирил Данилович, доктор исторических наук, профессор, – представил Михал Михалыч мужчину. – Кирил Данилович, теперь познакомься: Мальвиль Николай Романович – хозяин этого уникального имения, его дочь – Дея, Глеб Горчевский – начальник замечательной стройки, – он показал в сторону усадьбы.

– Очень приятно... Знакомьтесь, – Игорь Владимирович Губернаторов – заведующий кафедрой древней истории, а это наша помощница, студентка последнего курса – Алёна Гец, очень, знаете ли, перспективный в будущем ученый, – представил Рожнов прибывших с ним коллег.

– Здравствуй, Глеб, – наконец, поприветствовал Губернаторов, протянув руку. – Мир тесен. Кого-кого, но тебя я никак не ожидал увидеть, тем более здесь.

– Мир слишком мал для нас двоих, – ответил Горчевский, пожав его руку, но быстро отпустил.

Все обменялись приветствием. От внимательного глаза Глеба не ускользнуло то, как Губернаторов не сразу отпустил руку Деи, отметив, что и она не торопилась ее отнять.

Так как, из-за восторженной суеты Далины, Алена оказалась между мужчинами помоложе, она совсем растерялась и раздумянулась от смущения. Дее, мягко улыбнувшись, при-

¹⁸ Аналог англ. Hotskins, КомпьюАрт 12'2000 Творческая Группа «Колорит».

шлость прийти ей на помощь. Протянув девушке по-дружески руку, вежливо пригласила всех пройти в дом, и, таким образом, они возглавили шествие. Поскольку до входа было не более двадцати метров, вся группа преодолевала расстояние в кратких беседах и знакомстве. Дея, приятным голосом, завела с девушкой разговор на тему, примерно близкую той – об учебе, интересе к науке. Далина и Рожнов, переполненные счастливой встречей, засыпали друг друга вопросами и, активно жестикулируя, медленно направлялись следом. Мальвилю удавалось лишь изредка вставлять реплики. Процессию завершали Горчевский и Губернаторов.

– Давно не виделись, Глеб. Как поживаешь? Вижу, сменил профиль?

– Не могу доставить тебе радость, сказав, что жизнь моя не сложилась. Меня все устраивает.

– Зачем ты так! Хотя, ... всё верно.... Ко мне относиться иначе ты теперь не можешь, понимаю...

– Вижу, что и ты сменил горизонталь...

– Глеб, не хватит слёз, чтобы смыть мои прегрешения, – пропустив замечание Горчевского, продолжил Губернаторов. – Поверь, мне досталось за все былые ошибки, так что, ты уж, будь добр, попридержи лошадей, ... по возможности...

Он остановился. Горчевский замедлил шаг, но останавливаться не стал.

– Глеб, стой...

Горчевский остановился и обернулся. Губернаторов подошел вплотную.

– Прости меня, ... если сможешь.... Знаю, это сложно...

– Помнится, ты любил повторять одну замечательную фразу: в действительности все совершенно иначе, чем на самом деле...

– Не забыл старину Экзюпери, – Гоша попытался изобразить подобие улыбки, но она вышла больше похожей на элемент страдальческой мины. – К чему ты сейчас ее вспомнил?

– Думаю, что ты и сейчас еще не осознаешь всего... – Глеб вспомнил, как задержалась рука Деи в его ладони...

Игорь хотел было возразить, но не стал. Вероятно, подумав о том, что бесполезно переубеждать Горчевского и благосклонности ему не заслужить, а, может, оно в действительности так и было...

– Думаю, не нова будет для тебя истина: чтобы потерять доверие к человеку достаточно одного поступка, и даже тысячи слов – прости, не помогут его вернуть, – холодно ответил Глеб. – Так что, Гоша, мне сейчас совершенно не интересно ни твое раскаяние, ни попытки, заставить меня проникнуться сочувствием к тебе. Поверь, уже давно не держусь за пояс нашей дружбы и закрыл эту тему. Все что не делается в жизни, все к лучшему. В этом, убедился не один десяток раз.

– Был бы рад с тобой не согласиться, но вынужден признать правоту. Ты много не знаешь и, хочешь того или нет, а нам придется поговорить.

– Хорошо, только сейчас главное для меня – усадьба, а также все, что с ней происходило, и, поверь, обиды я ни на кого не держу, это слишком большой и тяжкий груз, а мне хочется идти по жизни налегке.

Губернаторов не нашелся, что ответить. Таким образом, осмотрительно прощупав оппонента, Глеб теперь знал, как себя нужно вести и решил, что правильным будет – обезоружить «неприятеля». Беззаботно снисходительно поведя дальнейшую речь, предположил, сколь весомы достижения Гоши в области науки, тем самым навязав тому свое верховенство.

«Диспозиция представляет собой модель надлежащего поведения в случае гипотетической ситуации»¹⁹, – вспомнил Горчевский, и на лице отразилась усмешка...

¹⁹ П. Ю. Петров, Правоведение, 2012.

Игорь Губернаторов был чуть выше и крупнее телосложением, чем Глеб. Любой костюм подчеркивал его совершенную античную фигуру, привлекая женское внимание. Зачесанные набок, коротко подстриженные, густые, темно-русые волосы падали на высокий гладкий лоб. Из-под прямых черных бровей, слегка сросшихся на переносице, объект подпадал под гипноз красивых глубоко синих, вместе с тем сверкавших лукавством, глаз, обрамленных пушистыми длинными темными ресницами. Завершающим аккордом в визуальном портрете были его чувственные полноватые губы, правильной формы. Во все времена, именно такая форма губ служила признаком повышенной сексуальной энергии и сладострастности их обладателя. Он настолько был хорош собой, что вызывало великие сомнения земное происхождение его матери. Рождала колебания и участие природы, как художника. В его облике было столько страстности и магнетизма, что противостоять его обаянию не могли даже мужчины. Но Гоша владел не только красивой внешностью. Он не раз демонстрировал свой острый ум и разносторонность развития. Решение ряда сложных вопросов ему давалось без особых усилий и, видимо, это особенно влияло на его карьерный рост. Если в ком Губернаторов и вызывал зависть, то коллеги умело это скрывали, так как отомстить он умел также безупречно, вот потому-то и стоило бы поразмыслить о творце, приложившем руку к созданию данного уникала, вложившего в него столько любви и очарования. Как известно, чем идеальнее человек снаружи, тем больше демонов у него в нутрии. Вот и напрашивается вопрос – не сам ли Верховный правитель подземного царства, на досуге, творил это чудо, вкладывая одно, забывая другое, а, может, и... не забывая... Служил он вместе с Глебом в секретном ведомстве и занимался изучением явлений, которые не могла объяснить официальная наука, того совершенного мира, который пугает людей своей таинственностью, недоступностью, того, что называется сверхъестественным. По большей части у каждого было свое направление. Вдвоем же они добывали информацию, расследовали, связанные между собой, непонятные, загадочные дела и тут им равных не было. Их интуитивное восприятие невидимого или же способность постигать цельность сложного, в тандеме позволяло безукоризненно исполнять свои обязанности.

Глеб Горчевский, к моменту поступления на службу Игоря Губернаторова, успешно отработал более пятнадцати лет и был у руководства, как говорится, на хорошем счету, одним из самых перспективных специалистов. Сравниться с ним по знаниям могли разве что братья Винчестеры, из знаменитого сериала²⁰... Сталкиваясь с непрофессионализмом, он всегда возмущался и просил оградить его от дилетантов, так как это всегда требовало дополнительного времени и отнимало силы. С ним соглашались, а в помощники попадали люди, иной раз и вовсе не понимавшие сути их работы. Глеб же, как человек грамотный, целеустремленный, местами упрямый, стремился свою работу сделать лучше, чем мог и потому, когда он встретился с Гошей, то безмерно был счастлив обнаружить в нем кладезь знаний и желаний добиться высшего результата. В те моменты, когда детали вызвали спор, они просто расходились по разным кабинетам, остывали и снова возвращались к тому вопросу, от которого ушли, только уже возвращались с идеями и предложениями.

Глеб придерживался того мнения, что постичь окружающий тонкий мир дано не всем, лишь предпочтенным, лишь тем, на ком остановили свой выбор высшие силы, чтобы наделить определенным даром. Позднее, он не раз скажет: «Неизведанное, таинственное – это как сыр в мышеловке. Прежде, чем получить, нужно вложить. Однажды коснувшись его, ты больше не будешь смотреть на все сквозь разовые очки обывателя». Тем вложением были знания Горчевского. Это в дальнейшем они служили Глебу исправно и щитом, и мечом, а в начале пути, он относился к источникам, как к странным символам и иероглифам, к полнейшему абсурду и фантастическим бредням. К тому моменту, когда он осознал, что и загадочное должно приносить пользу его стране, ему пришлось не раз пообщаться с ангелом-хранителем во сне, кое-кем

²⁰ Сериал «Сверхъестественное» (англ. Supernatural) – американский фэнтези-телесериал, созданный Э. Крипке.

из подземного царства. Теперь, когда Горчевский понимал, насколько тот, иной мир, сложнее, многограннее и интереснее, больше не сопротивлялся, не вел сам с собой разъяснительных внутренних монологов и принимал собственное понимание, как дар. На протяжении долгого времени он накапливал знания из старых ведических книг, древних манускриптов, интересных легенд, фактов, изучал явления, процессы и многое другое, чем располагал архив его организации. В силу специфики работы, он глубоко интересовался оккультными практиками, медитациями, заклинаниями. В результате, Глеб стал понимать, что оккультные науки определяет вера в духовные силы или существование энергий, при поддержке которых, можно заглянуть в далекое будущее, достичь успеха, вернуть здоровье или заполучить потенциальное подчинение других. Но, несмотря на то, что теперь Горчевский был посвящен в таинства, он не стремился материализовать предметы или контакты с покинувшими белый свет, и уж совсем не тщился показать свою силу знаний в этом ремесле. Ему сложно было объяснить, часто ничего не подозревающим людям, как они позволяют духам коварно влиять на их жизнь, причем сами над ними власти никакой не имея. Тот, кому предназначено Свыше заниматься определенными вещами в жизни, не будет делать иное и потому, таинственное никогда не спешит раскрывать свои объятия, чтобы позволять, кому ни попадя, получать познания по прихоти. И прежде чем, высшие силы разрешат слегка коснуться глубин своего существования, пройдет немало времени в поисках источников света – знаний. Каковым бы двигателем к этим знаниям ни было любопытство, человек находится в некоем оптимуме нагрузок допустимом природой.

Игорь же, напротив, не был официально посвящен небесами во все прелести и недостатки тонкого мира, как Глеб, и ему приходилось многое постигать в процессе их работы. Горячо и пылко указывал на то, что мир является только проекцией четырехмерного пространства в трехмерное, и люди не могут воспринимать непосредственно четыре измерения, так же, как гипотетический плоский человек, живущий в двухмерном мире, не в состоянии посмотреть вверх. Объекты четырехмерного мира, на самом деле, всегда неизменны, и при движении изменяются только их проекции, что мы и воспринимаем как искажение времени, сокращение или увеличение размеров и прочее²¹. Глеб, конечно же, не спорил, так как изучал труды Эйнштейна, читал о его экспериментах и исследованиях, подтверждавшие слова величайшего из ученых. Даже когда Глеб утверждал, что непостижимое умом человека, всего лишь невидимое его глазу – это истина, Гоша парировал: «Истина гипотетическая не есть сама истина, это лишь предположение Истины»²². Несмотря на различие подходов к работе, они были словно братья, дополняя друг друга. Даже короткие выходные дни, Глеб и Гоша, проводили вместе. Так было бы и дальше, если бы не одно событие, разрушившее отношения и перевернувшее с ног на голову их жизнь, пробив чересчур большую брешь, в человеколюбие Горчевского.

Как бы ни был хорош Игорь во всем, но оказалось, что такое явление, как дружба – для него тяжкое бремя. Его внутреннее Я не смогло противостоять зависти к успехам друга, причем, не только в работе. Гоша тяготился мыслью, что знания друга выше его собственных. Он стал частенько проявлять недовольство в совместной работе с Глебом, так как не видел того, что видел и знал Глеб. И, в конце концов, он откровенно подставил своего друга, скрыв добытую совместно информацию, заменив ее другой, менее значительной, а затем, преподнеся ту руководство, как добычу собственной инициативы, к которой, якобы, пришел благодаря длительному анализу. Более того, как выяснилось позже, возлюбленная Горчевского, длительное время была любовницей Губернаторова, при этом, совершенно не желая прощаться с кем-либо из них. Доверие резко упало до нуля, и самый значимый элемент в жизни товарищей – дружба – растворился. Глеб уволился с работы. Преданный другом и в дребезги разбитым сердцем, пропал с поля зрения практически для всех, кто его знал. Именно в это нелегкое, для Глеба,

²¹ Теория относительности. А. Эйнштейн Труды, опубликованные еще в 1905 г.

²² Э. Сведенборг (1688–1772) – шведский учёный-естествоиспытатель.

время судьба совершенно случайно свела его с Мальвилем, когда и тот переживал расставание с женой.

Николай Романович сидел в маленьком, но очень уютном китайском ресторанчике со сказочным названием «Золотой дракон». Под ненавязчивую, спокойную музыку, отрешенно глядя на красивый, местами изысканный интерьер заведения, тихо грустил о былом и силился поразмыслить над будущим, когда его взгляд упал на мужчину за соседним столиком, предотвратившим падение хрустального графина со стола. Графин в буквальном смысле слова завис в воздухе, что позволило, обомлевшему от неожиданности официанту, поставить его на стол. Мальвиль пришел в неопишуемый восторг и любопытствовал, не мог бы мужчина рассказать, что это было? Глеб не видел ни агрессии со стороны пожилого человека, ни, какого-нибудь сверхъестественного испуга, сродни абсурдному «дьявольскому явлению». На любезное приглашение присесть к нему за стол, он не воспротивился и в приятной беседе они скоротали, обещавший быть скушным, конец дня. Тот вечер оказался знаковым и для Николая Романовича, и для Глеба Горчевского, который и был тем мужчиной, потрясшим столь фееричным зрелищем. Они так понравились друг другу, что после очередной встречи Мальвиль, осторожно, чтобы не оскорбить своего нового друга, предложил Глебу поработать в его фирме. Знавший Горчевскому хватало и на простые земные труды, а потому он, недолго думая, согласился, тем более что деятельность была полной противоположностью тому, чем занимался ранее. В дальнейшем, их дружба только крепла и в конце концов доросла до того момента, когда они смогли поделиться самым сокровенным, включая собственные внутренние противоречия. Ни тому, ни другому не мешала разница в возрасте, болей того, они вполне чувствовали себя комфортно в обществе друг друга. Как трудно бывает поверить в то, что люди быстро превращаются из посторонних в близких друзей.

Но, к счастью, а иногда к несчастью, так бывает. Не наше стремление и желание играет в том роль, а провидение ведает кругом знакомств. Оно единственное решает, кому и в какой степени довериться, ибо не было бы в будущем каждого из нас, тех приключений, в которые мы погружаемся...

Прошло восемь лет. Горчевский знал, что у Мальвиля есть дочь, но никогда с ней не пересекался, ни разу не попытался приблизиться так, чтобы познакомиться, хотя фотографии ее видел много раз и не проявлял излишнего любопытства на её счет. Но, как ни странно, образ Деи часто возникал перед ним, когда Глеб находился в состоянии покоя, а губы невольно начинали шептать: «Только я глаза закрою – передо мною ты встаешь! Только я глаза открою – над ресницами плывешь!»²³ Он и сам не понимал, что происходит с ним. Тема женщин для Глеба была закрыта, как сам он был в этом уверен...

Самой большой шуткой выглядит то, что люди превращая время в Великого лекаря, хотят сделать его ответственным, переложив на него собственное нежелание вспоминать. Ничего не выйдет! Время – не доктор медицины! Оно не применит ни одно из возможных средств анестезии, для того, чтобы удалить тот ад, который каждый носит в себе на протяжении всей жизни – собственную память. Время отвлекает, увлекает, заставляет созидать, позволяет забыть незначительное для нас, тем самым обеспечивая комфортное состояние. Но мы никогда не забудем то, что заставило проходить через терновый куст несовершенных отношений душу, и страдать от их заноз сердце. Никакое время тут не в помощь, даже если оставить в покое детали. Человек способен не думать об этом, не вспоминать, но только до определенного момента. До одного крохотного толчка...

Вот и сейчас Глеб, скрывал за раскованностью беседы, ту бурю, которая бушевала, грозясь вырваться наружу. Он хотел быстрее проводить гостей до места и, хотя бы, с полчаса побыть в другой среде. Успокоиться... Его сознание совсем не было готово именно теперь

²³ Подражание Мухамбази, Г. Орбелиани, перевод Н. Заболоцкого.

рыться в архиве воспоминаний и поднимать то, к чему он так силился никоим образом не прикасаться, а тем более лицезить одного из его участников.

– Вы что-то нашли серьезное? – спросил Гоша. – Кирил Данилович, так быстро нас организовал для поездки, что путем ничего не объяснил.

– Да, после покажем. А сейчас, извини, Игорь, мне необходимо проверить, как там идут дела. Подойду, чуть позже. Проходи в дом...

Губернаторов, ощутив неприятное подсаживание под ложечкой, медленно поплёлся за остальными, взглянув на удалявшегося Горчевского. Заметив отделившуюся фигуру Глеба, Дея окликнула его.

– Я проверю, как идут работы, и вернусь, – громко ответил тот, и ушел не оборачиваясь.

Завидев гостей, направляющихся в сторону усадьбы, Агаша подсуежилась и, как обычно, быстро накрыла на стол, так что, когда они вошли, то попали с «корабля на бал». Надо отдать должное Агаше, она умела, и, как следует встретить, и проводить гостей.

Пока группа Рожнова немного переводила дух после поездки, и ничто уже не способно было отвлечь их мысли, Дея, систематически поддерживаемая Далиной, посвящала их во все детали событий. Так получилось, что к тому моменту, когда она заканчивала свой рассказ, вошел Глеб, неся в руке заветный ларчик. Дея только обратила внимание, что ларца в его руках не было в момент встречи с прибывшими.

– Вы, вовремя, Глеб. Кирилу Даниловичу уже не терпится посмотреть находку. Впрочем, ...как и нам самим... – послышался голос Николая Романовича.

Глеб усмехнулся.

– Обе, Глеб, обе... – поправил Рожнов, кротко, улыбаясь. – И будьте снисходительны к нашей нетерпеливости.

– Я знал, когда необходимо появиться, – пошутил Горчевский.

Явив обществу коробочку, он присел за стол рядом с Далиной. Николай Романович, скромно присевший в отдаленный уголок – на скрипучий диван, довольный, наблюдал за происходящим рядом.

– Ух, вот это чудо! – заговорил Рожнов, аккуратно крутя коробочку. – А? Игорь, как вам?

Покрутив красоту, осмотрев её со всех сторон, передал Губернаторову.

– Черное дерево... Я, конечно, пока не вижу, что внутри, но ирокезы, ритуальные принадлежности, хранили в березовых ящиках. Многие ритуалы времен Возрождения, и сегодня, рекомендуют нам хранить определенные вещи в коробочках, – ответил Губернаторов, разглядывая ларец. – Что скажешь, Глеб?

– Скажу, что коробочка связана с числом четыре – по четыре угла на каждой грани. Четыре – число стихий, своего рода генератор электричества для магии.

– По крайней мере, становится понятна метафора: коробочка – это сущность всех типов превращений, – улыбнулся Гоша. Это веселое проявление было впервые с момента их прибытия.

– Ты еще больше удивишься, когда ее откроешь, – заметил Глеб с ухмылкой.

Дея обратила внимание, что прежнего напряжения уже между старыми друзьями не чувствовалось, или они умело скрывали негативное отношение перед остальными. Губернаторов открыл ларец. Все дружно встали. Теперь и Мальвиль не хотел упустить ничего интересного. С трудом поднявшись, он приблизился к остальным. Мешочек из змеиной кожи произвел еще большее впечатление на присутствующих, кроме тех, кто уже видел его ранее. Агаша всплеснула руками, в очередной раз уже за сегодня.

– Ой! Что это? – не удержалась от восторга Алёна, по всему было видно, что такого качества раритеты из глубины времен она видела впервые, между прочим, как и другие. – Господи! Вот так красота! – воскликнула она, потеряв выдержку, и густо покраснела, так как прочие, хотя и пришли в неописуемый восторг, но эмоции скорее выражались на лицах.

– Кто-то уже брал в руки это чудо? – спросил Гоша.

– Да, я взяла, но кроме тепла ничего не ощутила...

Дея, бросила беглый взгляд на Гошу, хмурившего брови. Он, в свою очередь, вопросительно глянул на Глеба.

– Ничего нет, я бы почувствовал, – ответил на его взгляд Горчевский, словно оправдываясь. – ...По крайней мере, отрицательного...

Дея удивилась их безмолвному пониманию друг друга, но ничего не сказала. Далина был молчалив, и странно задумчив... Его глаза стали бесцветными и практически ничего нельзя было прочесть в них.

– В настоящее время становится понятно, – тихо сказал он.

– Что тебе понятно, Михал Михалыч? – спросил Кирил Данилович, не отрываясь взглядом от содержимого.

– Видишь ли, Кира, в одном из документов написано, что на доме проклятие и, якобы, оно досталось усадьбе от ведьмы... За что – нигде не описано и непонятно.

– Надобно открыть посмотреть, что внутри еще таится... Символически – змеи и магия – нередко взаимосвязаны. Одна из самых страшных порч, сказывают, Змеиная. Мы не раз на раскопках находили документы, где об этом говорилось. Суть порчи – союз Змеиной матери и Песьего Бога. Она наводится только на очень сильных людей и одним махом доводит персону воздействия до потери всего материального и социального блага, а также до алкоголизма и психиатрической лечебницы. В одном случае змея – это символ богатства, в другом – целительства. Поди ж, разбери... в каком случае она покидает свою добродетель...

– Не просто так же в змеиную кожу одели, значит, что-то скрыть хотели, спрятать подальше от глаз, Кира...

– или уберечь... – вставил Николай Романович, чем обратил на себя всеобщий взгляд.

– Прав, Николай Романович... Прав... Михалыч, так и я о том думаю... Да, ещё, как спрятать... Видишь ли, какая мысль приходит. Самая частая фобия – офидиофобия. Это так называемый иррациональный страх змей, когда он, имею ввиду страх, возникает не только в присутствии ядовитой змеи или змеи вообще, смотреть на нее, но и думать о ней. А здесь эдакая красота, своеобразное творение рук человеческих, хм, ...тут не о страхе перед змеей шла речь...

– Поскольку страх иррациональный, то, мне кажется, и ответ нам придется искать в области иррационального – в магии. Как, мальчишки? Вы в этих делах не новички, мне показалось, что скажите? – вопрошал Мальвиль, пристально глядя на Глеба.

Мужчины переглянулись, но промолчали. Губернаторов поднял брови, при этом скользя взглядом по мешочку, Горчевский провел рукой по волосам. Дея смотрела на бывших друзей, понимая, что она ровным счетом ничего не знает ни о Глебе, ни, тем более, о Гоше. Она последнее время только удивлялась тому, чем больше сюрпризов ей преподносила усадьба каждый день, тем интереснее и интереснее возле нее появлялись особы, весьма неординарные личности...

Никто не вымолвил, ни слова. Губернаторов взглянул на Глеба, как бы спрашивая – ты или я? Глеб, молча, кивнул – открывай. Никто из них не боялся подвергнуться заклятию. Они знали друг друга и были уверены, что произойди нечто подобное, каждый из них пустится спасать другого, не вспоминая про ранее случившиеся разногласия. Гоша аккуратно, хотя и не без усилия, оторвал сургуч, открыл мешочек, перевернул его и слегка встряхнул.

На стол выпал свернутый в трубочку старый, пожелтевший от времени пергамент. На ощупь – гладкий с обеих сторон, он был исписан красивым средневековым почерком, искусно выводившим каждую букву.

Компания хранила молчание, пожирая глазами лежавший, по среди стола, свиток. Не решаясь, прикоснуться к нему, Гоша, как и все остальные, смотрел не отрываясь. Глеб, чувствуя неуверенность прибывших специалистов, в конце концов, набрался смелости и развернул его.

Пред глазами честной компании предстала страница из какого-то старинного источника. С одного боку виднелись неровности – было件нятно, что страницу вырвали из целой книги. К находке буквально прильнули.

Откуда этот лист? О чем запись? Загадка таилась теперь в самом тексте. Требовалась расшифровка.

Горчевский и профессор, буквально касались головами, впившись глазами, теперь уже, в сам текст. Над ними, как коршун, стоял Гоша. Прочие же присутствующие, приспособлялись, кто, как может, чтобы увидеть находку целиком. Наконец, профессор выпрямился.

– Это по твоей части то же Михалыч, как думаешь, латынь?

– Она! Только перевести я не смогу.

– Это же... Бог, мой! – воскликнул, неожиданно для всех, Глеб. – Вы, даже не представляете, ... что это такое?! Это же... лист из....

В недоумении присутствующие переглянулись, но никто не произнес, ни слова.

Отец и дочь настолько были поражены всему происходящему у них на глазах, что кроме, как наблюдать, ничего другого не оставалось. Дея только подмечала, насколько в Глебе мгновенно просыпается азарт к тому делу, чего касаются его руки и голова.

Профессор был удивлен не меньше остальных, так как в его руки, из области потустороннего, как он догадывался, ничего подобного не попадало.

Глеб же, не обращая внимания ни на кого, жадно вцепился в страницу. Он, словно голодный, поедая каждую строчку. Читал от начала до конца, переворачивал и вновь возвращался к началу. Снова и снова всматривался в лист, переворачивая его и так, и эдак. Если бы в этот момент за ним наблюдал кто-то, не знакомый лично с Горчевским, запросто мог счесть его умалишенным и вызвать соответствующую службу. Но, оказавшись в старинной усадьбе, когда волей-неволей становишься участником необыкновенных событий внутри нее, сомнениям места не остается и в здравом уме, и в твердой памяти.

– Это то, о чем я думаю? – вопрошал Гоша, и на лице его застыла маска с повышенной степенью удивления, когда брови достигли наивысшей своей точки. – Глеб, не томи, а...

– Гоша! Гоша! Ты только взгляни! Это невероятно! Чтобы вот так... Неожиданно частица знаменитого фолианта оказалась у тебя в руке... Гоша, ты же помнишь, как я его искал?!

– Значит, я мысленно двигаюсь в правильном направлении, – улыбнулся Губернаторов, по-мальчишески почесав затылок. – Помню, помню, сколько ночей ты не спал....

– Ребятушки, никто не хочет объяснить, нам непросвещенным, что сие вы обнаружили?

Профессор выглядел немного комично, когда на его добродушном лице появилось неестественное выражение невладения ситуацией. Ухмыляющийся, Игорь кивнул в сторону Глеба.

– Его добыча. Дайте лектору пять минут на эйфорию, затем он все вам объяснит. Это как раз по его части. Латынь мы знаем оба, но в данном случае, я только его помощник.

– Подождем, – понимающе согласился профессор.

– Михал Михалыч, дорогой, я слышал или мне показалось, что вы тут что-то начинали говорить про проклятие ведьмы... – начал, было, Николай Романович.

– Так и есть, – вмешался Глеб, не дав Далине вставить даже запятую. – Так и есть. Это лист из старинной книги, о которой ходят легенды.

– Мы собираемся искать одну из копий? – понимающе спросил Гоша.

– Найти целиком – это маловероятно, а что касается ее истории – извольте.

– О какой книге речь? – спросила Дея.

– «Некрономикон» – книга мертвых.

– Я даже названия такого не слышала...

– Ужасающие легенды, связанные с Некрономиконом²⁴, ведомы человечеству уже длительный период, – начал медленно рассказывать Горчевский, не выпуская из рук пергамент и не отрывая от него взгляда. – Ореол зловещих тайн всегда окутывал её. Владеющие знаниями об этой книге сегодня, называют её «Книга мертвых Некрономикон».

– Позволю себе предположить, судя по листу, книга имеет вес и в буквальном, и переносном смысле. Объемна: достаточное количество страниц и должно быть приличных размеров. М-да-а-а... Книга – это осмысленное произведение, которое в простые и короткие мысли одеть не захочется. Сие есть лишнее тому доказательство. Да-а-а! Вот так так! Что ж получается – значимость находки даже оценить немислимо? – озадаченный профессор воззрился на Далину. – Мы стали нечаянными свидетелями взаимодействия обычных людей со средневековой магией? Ну, хорошо Один, как-то ближе, понятнее, что ли, но похоже, здесь нечто другое, зловещее...

Губернаторов кивнул, глядя на Дею, которая, теперь уже, все яснее и яснее понимала смысл выражения – «Не звени ключами от тайн»²⁵

– Михал Михалыч, ехали, ехали и приехали. Что еще нам уготовила твоя «раскрасавица»?

Говоря «твоя», профессор вовсе не имел ввиду принадлежность усадьбы Далине, как частному лицу, которого, однако, смутил. Это всего лишь была некая игра слов. Таким образом, Рожнов только хотел подчеркнуть, как долго архивариус занимался историей дома, даже если в своих исследованиях продвинулся на пару дюймов, что очень задевало его, как исследователя.

– Кира, а чего ты хотел?! Постройка при царе Горохе начата, так это естественно!

– И, что?! Это же не средние века?!

– Ну, знаешь ли, – отмахнулся Далина, – ... и колдуны, и ведьмы существовали, и будут существовать до тех пор, пока человечеству будет в их услугах потреба, а результаты их плодотворных трудов не преминут дать о себе знать даже по прошествии N-ного количества световых лет.

– Да, тут не поспоришь... – вставил Мальвиль, засунув руки в карманы брюк.

– Мальчики, а каким боком усадьба-то оказалась вовлечена в эти ведьмовские страсти? Может, есть какие-нито объяснения?

– А на этот вопрос, Кира, они тебе не ответят, – ехидно заметил Далина.

– Михал Михалыч, расскажите, что знаете, – наконец вставила Дея, дабы напомнить о своем существовании. – Пока Глеб и Игорь будут изучать, посвятите нас в таинственную историю.

Агаша и Алёна сидели так тихо, ничем не выдавая своего присутствия, что, казалось, их попросту нет в комнате. Участники были поглощены только открывшимся.

– Мы тоже будем слушать в пол-уха, – ответил за обоих Гоша, не поднимая головы. Глеб, склонясь над документом, даже и не слушал никого, слишком был захвачен его содержимым. За друзьями водилась такая черта – когда они уходили в изучение материала ни докричаться, ни дозваться их не представлялось возможным, но сегодня им приходилось туговато, однако.

– Ну, и ладненько. Так вот. В одной из записей, обнаруженных мной, есть такая информация, что дом был проклят ведьмой, не описывается за что, при каких обстоятельствах и кого именно это коснулось, но, как теперь я вижу, все это было не беспочвенным досужим рассуждением.... Если эта страница из Книги Мертвых, то нет ничего странного в том, что в

²⁴ В разных местах, в разных временах ее называли то «Ключ от ворот ада», то «Книга Зла», то «Книга Мертвых».

²⁵ Е. Лец

жертву могли кого-нибудь принести здесь же, а это, сами понимаете, повод для появления духа Сеньки, и для удивлений, тем более, нет оснований.

В воздухе повисло некоторое напряжение от переизбытка информации. Чувствовалось, что людям немного нужно развеяться, пройтись, подышать свежим воздухом. Впустить в голову кислорода.

– Мм... Это так... Пока мальчики заняты, может, мы навестим другую находку? – предложил профессор. – Как, Николай Романович?

Мальвиль, согласно, кивнул головой.

– Коль мы уж в таком научном составе, давайте проведем время с пользой. Дея, вы, наш гид?

Глеб оторвался от пергамента и поднял голову.

– Справитесь одна?

– Да, конечно, – утвердительно кивнула Дея, понимая его заботу. – Но, Игорю будет тоже интересно её увидеть? Так, Гоша?

Глеб, отметив про себя, как Дея фамильярно обратилась к Губернаторову, слегка ткнул в бок бывшего друга, тот оторвался от пергамента и взглянул на него.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.